

Цитаты номера

Мы должны предвидеть и предотвращать [террористические атаки], мы должны идентифицировать их авторов, но это может потребовать от нас предпринять ряд действий, которые можно рассматривать как угрозу или ограничение личных свобод [...]. Это означает, что нам необходимо найти соответствующий баланс между защитой населения и уважением к свободе. В конечном итоге, сами люди, сами граждане должны решить для себя, на что они готовы пойти, чтобы быть защищенными.

Чтобы предотвратить произвол [с выходом из ДНЯО], необходимо действовать немедленно и полностью отменить положение о выходе из Договора. В качестве альтернативы, если такая отмена вызовет много возражений, обоснованность выхода должна оцениваться большинством государств-членов, если не консенсусом. Прецедентом является Договор об открытом небе 1992 г.: если его участник объявляет о своем решении выйти из Договора, депозитарию обязаны провести конференцию всех участников не позднее 60 дней после получения такого извещения, чтобы рассмотреть влияние такого выхода на этот Договор.

Какие цели ставят США, выделяя значительные финансовые средства России [на обеспечение безопасности объектов ядерного комплекса]? Чтобы террористы не похитили компоненты ядерного оружия с российских объектов? Так Россия не меньше, чем США, в этом заинтересована и имеет сегодня, слава богу, все финансовые и интеллектуальные возможности не допустить этого без всякой американской помощи. Предотвратить санкционированную передачу каких-нибудь двойных технологий каким-нибудь «борцам с однополярным миром»? Так Москва всегда это сделает, если захочет, независимо от того, получает она от американцев деньги или нет.

Атипичная пневмония пришла на территорию России из Китая, что не удивительно, учитывая огромную протяженность границ между нашими странами и тот факт, что далеко не все таможенные, пограничные посты оснащены необходимой аппаратурой. Тем не менее система санитарно-эпидемиологического надзора, которая была сформирована в СССР сразу после Второй мировой войны, сработала надежно, несмотря на ту разруху, которая преследует нашу страну на протяжении последних лет.

Мишель Аллио-Мари

Йозеф Голдблат

Андрей Пионтковский

Наталья Калинина

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ № 4, 2005

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 4, 2005

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Сэм Нанн

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ПРЕДУСМАТРИВАЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ**

Мишель Аллио-Мари

**ПОИСК АДЕКВАТНЫХ ОТВЕТОВ НА УГРОЗУ
ТЕРРОРИЗМА МОЖЕТ ПОТРЕБОВАТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ
ЛИЧНЫХ СВОБОД**

Роберт Айнхорн

**«ЯДЕРНОЕ СБЛИЖЕНИЕ» ИНДИИ И США:
ЗА И ПРОТИВ**

Сергей Понамарев

**РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАЙВАНЯ
В КОНТЕКСТЕ «ПРОБЛЕМЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ»**

Юрий Федоров

КОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС И РОССИЯ

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 4 (78), Том 11
Зима 2005**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Михаил В. Якушев

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Учредитель

ПИР-Центр политических исследований:

Александр В. Булычев, координатор проекта «Глобальное партнерство», младший научный сотрудник
Екатерина А. Вотановская, координатор образовательных проектов
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Программы по обычным вооружениям
Кристина В. Лужнова, секретарь
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Анастасия М. Лагута, координатор Программы по обычным вооружениям
Надежда Б. Логутова, директор информационных проектов, научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Надежда В. Медведева, помощник директора
Сергей Г. Мурсанков, заместитель директора по развитию и внешним связям
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Сергей В. Понамарев, стажер
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Екатерина Е. Сорока, координатор по связям с общественностью – пресс-секретарь директора Центра
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра
Кристина Чуен, консультант
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

Издатель

ООО «Триалог»

№ 4 (78), Том 11
Зима 2005

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Антон В. Хлопков, вр.и.о. выпускающего редактора
[khlopkov@pircenter.org]
Надежда Б. Логутова, корреспондент
[logutova@pircenter.org]
Александр В. Булычев, корреспондент
[bulychhev@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Фонда Форда, Корпорации Карнеги Нью-Йорка

Подписка и распространение (подробнее см. с. 179)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел.: +7-495-764-9896; <http://www.trialogue.ru>

За рубежом:

- East View Publications, Представительство в России, тел.: +7-495-777-6558; факс: +7-495-318-0881; <http://www.eastview.com>

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 20 февраля 2006 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2006

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 9 **Петербургская «восьмерка»: где сила, где слава** – Саммит «Большой восьмерки», который состоится 15–17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге, российская правящая элита уже успела отнести к числу «культовых» событий года. Наличие разницы интересов между Россией и ее партнерами по «восьмерке» отечественных стратегов ничуть не смущает, как смущало бы еще несколько лет назад. Вопреки хилому старту председательства, вперед, на июльские даты глядят они без боязни: вряд ли в надежде на «добро», но вполне в расчете на «славу» – постольку, поскольку стали ощущать уже изрядно подзабытую «силу». А ощущение силы иногда важнее самой реально наличествующей силы.

ИНТЕРВЬЮ

- 13 **Сэм Нанн: «Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере»** – В интервью главному редактору журнала один из основателей Программы совместного уменьшения угрозы сенатор Сэм Нанн рассуждает о приоритетах председательства России в «Большой восьмерке», путях повышения эффективности Глобального партнерства и роли «иранского фактора» в российско-американских отношениях. По мнению сенатора, правительству США надо осознать изменение российского подхода к Ирану и рассматривать его как возможный образец сотрудничества с другими странами, которые тоже хотят развивать свои программы в области атомной энергетики.
- 17 **Мишель Аллио-Мари: «Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод»** – Министр обороны Франции представила свой взгляд на новые вызовы и угрозы международной безопасности и стабильности, а также затронула вопрос о причинах их появления. По ее мнению, противодействие терроризму может потребовать ограничения личных свобод граждан, однако сами граждане должны решить, готовы ли они на это пойти. В качестве важной меры противо-

действия биотерроризму министр обороны Франции рассматривает осуществление мониторинга Интернета, через который распространяется информация, связанная с биологическими агентами.

А Н А Л И З

- 21 **Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «проблемы воссоединения» – Сергей Понамарев** – В числе существующих вызовов безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на одно из первых мест выходит распространение ядерного оружия и средств его доставки. Автор, исследуя политические и технические предпосылки для осуществления военной ядерной программы Тайванем, приходит к заключению о заинтересованности страны в укреплении собственной оборонспособности и сокращении прямой зависимости своего суверенитета от геополитических интересов США в регионе при наличии потенциала для создания ядерного оружия в ограниченный период времени.
- 41 **Корейский ядерный кризис и Россия – Юрий Федоров** – Ядерный кризис на Корейском полуострове, являясь одним из наиболее опасных проявлений ядерного распространения в начале XXI века, затрагивает национальные интересы Российской Федерации. Автор, принимая во внимание стремление России играть значимую роль в разрешении кризиса, исследует его различные аспекты и возможные варианты урегулирования, а также дает ответы на вопросы, каковы реальные возможности России по оказанию влияния на ход шестисторонних переговоров и насколько последовательна позиция российской дипломатии в отношении этого кризиса.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 63 **Биобезопасность и контроль над распространением биологических материалов: перспективы международного сотрудничества** – Существует ли, с российской точки зрения, потенциал для двухстороннего сотрудничества и совместных, прежде всего коммерческих проектов в области биобезопасности? Какие шаги необходимо предпринять для практической реализации проектов международного сотрудничества в этой области? Отвечая на эти вопросы, ведущие российские эксперты в области биобезопасности предлагают возможные направления для международного сотрудничества, которые, на их взгляд, могут представлять интерес и для России, и для ее зарубежных партнеров.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 75 **«Ядерное сближение» Индии и США: за и против – Роберт Айхорн** – В июле 2005 г. президент США Дж. Буш и премьер-министр Индии М. Сингх приняли совместное заявление о развитии двухстороннего сотрудничества по ряду направлений, включая атомную энергетику. Каким образом можно уменьшить негативное влияние подобного сотрудничества на режим ядерного нераспространения?

Какие условия должны быть выдвинуты США на переговорах с Индией по выработке двухстороннего соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики? Следует ли наделять аналогичным правом сотрудничества в области атомной энергетики другие страны, находящиеся вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия, включая Пакистан и Израиль? На эти и другие вопросы отвечает автор статьи.

О Б З О Р

- 83 **О ядерном потенциале и ядерной политике Китая – Роланд Тимербаев** – В статье анализируются состояние ядерного потенциала и многочисленные аспекты ядерной политики Китайской Народной Республики. Автор отмечает непривычную для страны активность на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г., а также в числе последних инициатив Китая в области нераспространения обращает особое внимание на рабочий документ по вопросу о создании зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке.
- 99 **О новых инициативах в области контроля над ядерными материалами и технологиями – Надежда Логутова** – Возникновение новых вызовов режиму нераспространения в начале XXI века явилось катализатором появления многочисленных инициатив по усилению контроля над расщепляющимися материалами и введению запрета на экспорт технологий чувствительных стадий ядерного топливного цикла (обогащения урана и переработки ОЯТ). Автор рассматривает перспективы практической реализации выдвинутых предложений, в том числе сквозь призму урегулирования кризиса вокруг ядерной программы Ирана.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 119 **Зеленая «Иголочка», белые ниточки. или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста – Вадим Козюлин, Анастасия Лагута** – В сентябре 2005 г. был вынесен приговор Хеманту Лахани, организатору незаконного «приобретения» в России и ввоза в США переносного зенитно-ракетного комплекса *Игла*. В СМИ операция по его задержанию была представлена как большой успех в рамках совместной операции спецслужб Великобритании, России и США. Впрочем, не все эксперты согласны с такой оценкой. Авторы статьи восстановили хронологию событий и заключают, что операция являлась не чем иным, как отработкой взаимодействия спецслужб трех стран, а сам Лахани – заурядный контрабандист.
- 131 **О Соглашении между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны – Роланд Тимербаев** – О ходе советско-американских переговоров по выработке соглашения, которое имело для СССР важное политическое значение, поскольку в нем был бы впервые юридически закреплен баланс

стратегических возможностей между Москвой и Вашингтоном, вспоминает один из ключевых участников тех событий. По мнению Посла Тимербаева, именно подписание Соглашения между СССР и США о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны в 1971 г. открыло путь к дальнейшим соглашениям по ограничению и сокращению стратегических вооружений обеих держав.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 143 **Америка теряет свои «Вулканы» – Геннадий Евстафьев** – Вниманию читателей предлагается рецензия на книгу Джеймса Манна о различных аспектах формирования правящих элит Америки и процессах выработки ими принципиальных подходов к определению роли США в современном мире (*Rise of the Vulcans. The History of Bush's War Cabinet*). Анализируя материалы книги, автор рецензии заключает неизбежность ухода через 2–3 года ныне активной группы политиков, что оставит большой пробел в рядах республиканской партии, который будет непросто заполнить. Это, по его мнению, предвещает серьезную борьбу вокруг внешней политики этого ключевого государства мира.
- 149 **Книжные новинки – Александр Булычев, Анастасия Лагута, Сергей Понамарев, Надежда Логутова** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

П И С Ь М А Р Е Д А К Т О Р У

- 153 **Подайте на пару боеголовок – Андрей Пионтковский** – Автор ставит вопросы о целесообразности западного финансирования программ по утилизации избыточных вооружений в России в условиях многомиллиардного стабилизационного фонда страны, а также о целях США при выделении значительных финансовых средств для решения указанных задач. По его мнению, Россия сегодня имеет все финансовые и интеллектуальные возможности для того, чтобы не допустить утечки чувствительных материалов и технологий за рубеж безо всякой помощи извне.
- 155 **Необходимо отменить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия – Йозеф Голдблат** – Полемизируя с авторами статьи «Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора», опубликованной в предыдущем номере журнала «Ядерный Контроль», известный европейский эксперт предлагает полностью отменить положение о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. Соответствующая поправка к Договору, по его мнению, может быть принята через согласование Дополнительного протокола к ДНЯО.

- 157 С О Д Е Р Ж А Н И Е Ж У Р Н А Л А
ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА 2005 ГОД

161 S U M M A R Y

167 О Б А В Т О Р А Х

173 Р Е Ц Е Н З Е Н Т Ы С Т А Т Е Й ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ
В 2005 ГОДУ

175 ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

179 О П О Д П И С К Е

после с. 152 ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В очередном выпуске Вестника особое внимание уделено председательству России в «Большой восьмерке» в 2006 г., а также предстоящей международной конференции «Глобальная безопасность» и «восьмерка»: вызовы и интересы. На пути к Санкт-Петербургскому саммиту», которая будет проходить в Москве с 20 по 22 апреля 2006 г. в контексте председательства России в «Большой восьмерке» и будет организована ПИР-Центром.

Вышла в свет монография ПИР-Центра

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ: история, применение, угроза распространения и перспективы развития

Парадигма оружия массового уничтожения в XX веке претерпела серьезные изменения. Было запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Многие видные ученые считают, что логика современного технологического развития постепенно и непременно приведет в XXI веке к отходу и от ядерного оружия. Со временем высокоточное оружие (ВТО), как оружие сегодняшних «войн малой интенсивности», сможет решать стратегические задачи на любом театре военных действий.

Уже в наши дни сопряжение информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя позволяет сокрушать даже хорошо оснащенного противника, не входя с ним в прямое соприкосновение. Удар таким оружием по атомным электростанциям, крупным топливно-энергетическим объектам, химическим и биологическим производствам неизбежно приведет к «неприемлемым потерям». ВТО обладает контрсилowym потенциалом, то есть может угрожать стратегическим объектам, включая и объекты Стратегических ядерных сил, а с другой стороны – оно может стать средством проведения масштабного террористического воздействия.

Одной из мер противодействия угрозе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) должно стать ужесточение контроля над распространением собственно БЛА и их технологий. Чтобы выработать действенные меры контроля, необходимо представлять: что же такое БЛА? Между тем у специалистов и экспертов до сих пор нет единого подхода к определению БЛА.

Авторы монографии рассказывают об угрозах, рожденных массовым внедрением БЛА, в том числе с которыми Россия может столкнуться уже в ближайшее время, приводят прогноз развития беспилотных крылатых ударных средств как фактор, влияющий на степень военной угрозы России.

Книга открывается предисловием командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника Н.Е. **Соловцова** и генерального директора корпорации «Тактическое ракетное вооружение», д.т.н. Б.В. **Обносова**.

Авторы монографии: старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. **Евстафьев**, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, к.в.н. И.К. **Макаренко**, профессор Академии военных наук, к.в.н. М.И. **Павлушенко**.

Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, включая представителей дипломатического корпуса, военных экспертов, ученых, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Заявки на приобретение монографии следует направлять в Компанию *Триалог* по тел. +7-495-764-9896, e-mail: info@trialogue.ru, <http://www.trialogue.ru>

Саммит «Большой восьмерки», который впервые в полноценном формате пройдет 15–17 июля 2006 г. на российской земле, в Санкт-Петербурге, российская правящая элита не случайно отнесла к числу «культовых» событий года.

В 1995 г. окружение Б.Н. Ельцина сочинило специальный саммит в формате «семерка плюс Россия» для обсуждения проблем ядерной безопасности, чтобы через роскошные приемы в свежестроенных кремлевских дворцах указать если не на равную, то хотя бы на (все еще) значимую роль России в ключевых международных механизмах и, как говорится, *повысить имидж России в мире*. Тогда, правда, была еще и *спецзадача*: требовалась поддержка мировых лидеров политически угасавшему Ельцину накануне президентских выборов лета 1996 г., и саммит, пройдя за пару месяцев до выборов и не оставив заметных следов в решении вопросов ядерной энергетики, запомнился именно тем, что такая поддержка Ельцину мировыми лидерами была оказана. В июле 2006 г. В.В. Путин будет, похоже, решать иную задачу: как можно меньше замыкаться на собственной персоне; личная поддержка со стороны коллег по «восьмерке» ему не требуется. Так что акцент будет сделан все-таки на продвижении в мир, «раскручивании» России, а не ее президента и даже не его родного города.

Стартовало «раскручивание имиджа» скверно. Во-первых, межведомственные нестыковки (как часто бывает и в других случаях) привели накануне старта председательства к элементарной неразберихе. Во-вторых, партнеры-соперники по «восьмерке» пытаются оставить Россию за дверью обсуждений святая святых этого «клуба» – валютно-финансовых вопросов. В-третьих, некстати пришлось обсуждение в Госдуме в декабре 2005 г. слабого, непрофессионально написанного законопроекта с поправками к Закону о некоммерческих организациях. Наконец, показав зубы Украине в «газовом вопросе», Россия заставила даже самых близких своих партнеров в Европе заговорить о необходимости «диверсификации импорта энергоресурсов». Было это как раз в первые дни председательства России в «восьмерке» и вряд ли вполне совпадало с кремлевским сценарием, открывающимся словами «энергетическая безопасность – главная тема петербургского саммита».

Действительно, когда думаешь о том, чем Россия сейчас *сильна*, первое, что приходит в голову – энергетика. Тут наша страна достигает, наряду разве что с женским теннисом, наибольшего индекса цитирования в мировых СМИ. Правда, сложно не признать, что заслуга здесь в основном факторов сугубо внешних: богатства российских недр плюс нынешняя мировая конъюнктура. Больше того, *petrostate* становится достаточно обидным эпитетом в отношении России, подразумевающим отнюдь не ее богатство и мощь, а сырьевой характер экономики плюс вопиющую коррумпированность. Через запятую идут «нефтяная развращенность» и «нефтяная игла».

Надо сказать, мало кто в Кремле считает постыдным, что Россия – это *petrostate*. Но мировую молву оказалось невозможно не учитывать. Поэтому энергетическая составляющая саммита будет сакцентирована на тему, в равной степени интересующую всех семерых визитеров (плюс хозяина), но позволяющую России не подставляться, а именно – безопасности энергопотоков (будь то трубопроводы или АЭС) и их диверсификации, особенно с учетом роли «восходящей Азии», а также с учетом развития перерабатывающих мощностей. Собранные под зонтик расплывчатого понятия «энергетическая безопасность», эти дискуссии в равной степени будут пахнуть и нефтью, и порохом борьбы с терроризмом.

Хотя проблематика атомной энергетики будет второстепенной, на саммите есть шанс «закрыть» чернобыльскую страницу – соответствующий доклад, в котором констатируется колоссальная преувеличенность слухов и страхов по поводу последствий Чернобыльской аварии по сравнению с сегодняшней действительностью, уже выпущен под эгидой ООН, при участии и с одобрения в том числе правительства России – и зафиксировать начало ренессанса атомной энергетики. Наряду с Россией к этому уже готовы Франция, Япония, Канада. США не просто готовы, для них эта тема выходит на первый план. Об интересе к атомной энергетике вдруг заговорила Италия. А Германия – с учетом взглядов А. Меркель, как минимум, не будет возражать. Далее, любопытной, перспективной является инициатива России по созданию Международного центра по обогащению урана в Сибири. Здесь партнерами России могут выступить не только некоторые государства «восьмерки», но и Китай, Индия, Казахстан, Узбекистан; как известно, первым для участия в проекте был приглашен Иран. Наконец, Россия планирует продвигать на «восьмерке» развитие реакторов на быстрых нейтронах – идея, устремленная в будущее и встретившая симпатию у ряда партнеров России по «восьмерке».

Второй неоспоримый компонент российской *силы* – ядерное оружие. По количеству боеголовок Россия так же находится среди мировых лидеров (твердо удерживая второе место, но всегда имея шанс оказаться и на первом), как и по производству и экспорту нефти. Вопросы ядерного нераспространения и ядерной безопасности, равно как и ядерного терроризма, непременно (и традиционно) будут занимать весомое место на саммите. Москва и по поводу своего ядерного наследия не собирается (в отличие от иных саммитов) «комплексовать». Как и не собирается от него отказываться.

Кремль не собирается «комплексовать» и по поводу вопросов ядерной безопасности, долгое время ритуальных для саммитов «восьмерки», причем преимущественно именно в российском контексте. Слухи о масштабах незаконного оборота ядерных материалов оказались сильно преувеличены (из всего, что пропало или было похищено за последнее десятилетие, можно смастерить не больше 2% того, что нужно для одного ядерного взрывного устройства, авторитетно заявляет сегодня МАГАТЭ). Основные проблемы безопасности ядерно-опасных объектов (прежде всего тех, что находятся в ведении Министерства обороны России) решены – либо за счет российских бюджетных средств, либо за счет международного содействия, в том числе и того, которое оказывается в рамках программы Глобального партнерства.

Нельзя не признать, что программа эта сейчас находится на боку, в том числе в результате того, что ряд государств – в частности, Франция и Япония – оказались сильны в обещаниях содействия, но не в реальных шагах. Но вряд ли у руководства России есть намерение впадать в политистерику по поводу недополучения значительных сумм из тех, которые были заявлены. Больше того, там считают, что партнеры России по «восьмерке» должны быть не менее России заинтересованы в обеспечении ее ядерной безопасности, равно как и в выполнении двух ключевых направлений Глобального партнерства: уничтожении химического оружия и утилизации атомных подводных лодок. Иными словами, дареному коню также в зубы смотреть никто не будет, но при одном условии – если этот конь не троянский. Здесь ключевым словом становится «взаимость». Транспарентность в обмен на транспарентность. Эра игры в одни ворота закончилась, убеждены в Кремле.

На «восьмерке» Москва может охотно говорить на военно-ядерные темы, но инициативу здесь проявлять не будет – отсюда и отсутствие этой тематики в списке оглашенных приоритетов.

Что касается «традиционных» тем нераспространения, то здесь повестка дня к саммиту может измениться еще многократно, в зависимости от динамики ситуации в том или ином регионе. Но вот в каком порядке многие в России выстроили бы свои обеспокоенности сегодня: первым номером – Пакистан; вторым – Северная Корея; третьим – Иран; четвертым – негосударственные субъекты международных отношений, рвущиеся к обладанию компонентами ОМУ.

Размышляя о своих приоритетах – и о приоритетах саммита-2006, в Кремле проделали достаточно интересную эволюцию.

Во-первых, от проблем *hard security* – классических, знакомых, где тексты итоговых заявлений можно писать сильно загодя, вектор заметно сдвинулся в сторону *soft security*, и появление «образования» среди приоритетов саммита и председательства – тому наилучший пример.

Во-вторых, Россия постепенно от эйфории по поводу того, что удалось вписаться почти на равных в «восьмерку», переходит к более спокойному, взвешенному восприятию этого механизма. При этом изучаются возможности формирования и других «элитных клубов», где Москва чувствовала бы себя на равных. Так, архитекторы новой внешней политики России все более серьезно смотрят на возможность выработки стратегии формирования «евразийского компонента» системы международной безопасности: то есть не ограничиваясь гигантами – КНР и Индией, но и открывая двери для таких очевидных партнеров, как Бразилия, Южная Корея, Малайзия, Южная Африка. При этом особая ставка делается, как сегодня уже многим становится ясно, на модификацию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Стабильность в Центральной Азии рассматривается как ключевой вопрос для эффективного формирования новых механизмов евразийской безопасности.

В-третьих, Кремль отдает себе отчет в том, что петербургский саммит не будет приятным «хоровым пением»: по многим ключевым вопросам интересы группы слишком различаются. Достаточно взять то же нераспространение, где за ритуальными фразами о единстве позиции по поводу Ирана скрываются совершенно разные интересы в отношении этого государства в будущем. Или образование: ЕС берет курс на «впитывание» умов из других государств, включая Россию. Это прямо противоречит интересам России. А контуры возможной будущей политики России по привлечению обратно получивших на Западе образование и осевших там высококлассных специалистов-россиян вряд ли придутся по нраву и Германии, и США, и Канаде.

В энергетике – тем более. Россия теперь иногда даже бравирует перед партнерами по «восьмерке» тем, что очередь на российские нефть и газ надо занимать не на Западе, а на Востоке и на Юге, то есть за Китаем и, может быть, за Индией. Смотрите, как растет напряжение в преддверии серьезных битв за «атомный экспорт» между Россией, Францией, Соединенными Штатами... А когда дело доходит до «цены вопроса», тут можно услышать вполне откровенное: «Почему мы должны все время думать о понятии «национальная катастрофа» в терминах американцев, других «восьмерочников»? Для нас национальная катастрофа – падение цен на нефть ниже 15 долларов за баррель». Надо ли говорить, что для большинства гостей В.В. Путина в Петербурге летом 2006 г. такой поворот стал бы национальным праздником.

Но вот что характерно: такая разница интересов между Россией и ее партнерами по «восьмерке» российских стратегов ничуть не смущает, как смущала бы еще несколько лет назад. Она просто диагностируется. Хладнокровно, по-врачебному. И, казалось бы, вопреки хилому старту председательства, вперед, на июльские даты глядят они без боязни: вряд ли в надежде на «добро», но вполне в расчете на «славу» – постольку, поскольку стали ощущать уже изрядно подзабытую «силу». А ощущение силы иногда важнее самой реально наличествующей силы.

«ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ»

ТЕПЕРЬ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Справочник является уникальным изданием, охватывающим все аспекты программы Глобального партнерства. Он в удобном формате, кратко и доступно излагает историю, ход, проблемы и перспективы реализации программы, учрежденной лидерами «Большой восьмерки» в 2002 г. на саммите в Кананаскисе. Издание предназначено для широкого круга экспертов, участвующих в реализации, анализе и оценке программы Глобального партнерства, включая дипломатов, представителей российских и зарубежных государственных структур, деловых кругов, неправительственных экспертов и журналистов.

Русскоязычная версия Справочника вышла в свет и была презентована в марте 2005 г. и вызвала большой интерес у специалистов, вовлеченных в практическую реализацию проектов в рамках Глобального партнерства. Выступая на презентации англоязычного издания Справочника заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии С.В. **Антипов** заявил: *«У меня до сих пор нет Справочника ПИР-Центра по Глобальному партнерству. Но не потому что мне его не дали, а потому что как только он появляется у меня на столе, то через день он неведомым образом исчезает. Я думаю, такой же интерес вызовет и английское издание. Многим, кто не владеет русским языком, раньше не была доступна эта информация. Теперь мы этот пробел восполняем».*

Главным редактором Справочника выступил директор ПИР-Центра В.А. **Орлов**. Редакторами-составителями Справочника являются координатор проекта ПИР-Центра «Глобальное партнерство» А.В. **Булычев**, научный сотрудник ПИР-Центра Д.О. **Кобяков**, заместитель директора ПИР-Центра А.В. **Хлопков** и старший научный сотрудник Центра исследований проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, консультант ПИР-Центра Кристина **Чуен**.

Рецензенты Справочника – заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии д.ф.-м.н. С.В. **Антипов**; Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ к.э.н. А.И. **Антонов**; заместитель начальника инспекции Счетной Палаты России д.м.н. Н.И. **Калинина**.

Публикация Справочника осуществлена в рамках совместного проекта ПИР-Центра и Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) при поддержке *Инициативы по сокращению ядерной угрозы*.

Вклад ПИР-Центра в исследование проблем, связанных реализацией Программы Глобального партнерства, был высоко оценен С.В. **Антиповым** на презентации английского издания Справочника. «Мне доставляет огромное удовольствие сотрудничать с ПИР-Центром, который помогает нам в реализации программы Глобального партнерства», – отметил заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии, выступая перед собравшимися журналистами и дипломатами.

По вопросам приобретения Справочника следует обращаться в компанию Триалог по тел. +7-495-764-9896, или по электронной почте info@dialogue.ru

Сопредседатель и исполнительный директор Инициативы по сокращению ядерной угрозы, один из основателей российско-американской Программы по сокращению ядерной угрозы сенатор Сэм Ханн ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Важным механизмом развития Программы совместного уменьшения угрозы, инициированной вами совместно с сенатором-республиканцем Р. Лугаром в 1991 г., стала Программа Глобального партнерства, принятая лидерами «Большой восьмерки» на саммите в канадском Кананаскисе в 2002 г. Однако по прошествии более трех лет с момента учреждения Программы ее результаты по многим направлениям достаточно скромны. Каким образом, на ваш взгляд, могут быть усилены договоренности стран «Большой восьмерки» в области Глобального партнерства?

НАНН: Заявление «Большой восьмерки», которое было сделано уже более трех лет назад, содержит много правильных и нужных слов, посвященных проблемам и возможностям снижения риска распространения и использования химического и биологического оружия. Не думаю, что надо изобретать какие-то другие слова. Проблема сейчас заключается в том, чтобы перейти от слов к делу, к реализации уже существующих программ.

Проблема также и в том, чтобы представить более широкое видение вопросов ядерной безопасности на территории бывшего СССР и России. Еще много необходимо сделать, чтобы обеспечить надлежащую ядерную безопасность и контроль над ядерными материалами и вооружениями. Кроме того, необходимо решать на глобальном уровне среди прочих проблемы, связанные с обогащением урана.

Если нам удастся заключить долгосрочное соглашение с Северной Кореей относительно ее ядерных программ, эта страна может играть важную роль в решении вопросов ядерного разоружения в глобальном контексте. И Россия, и США могут оказать в этом значительное содействие, так как у этих стран есть очень большой опыт конверсии ядерных программ в устойчивые и эффективные коммерческие проекты.

В контексте Глобального партнерства у нас уже есть надлежащая основа и установленные рамки. Теперь главное – перейти от задуманного к реальной деятельности. Ободряющим элементом служит то, что именно Россия председательствует в «Большой восьмерке» в 2006 г.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Обсуждение каких вопросов вы ожидаете от председательства России в «Большой восьмерке»?

НАНН: Президент Путин определил обеспечение энергетической безопасности в качестве высшего приоритета российского председательства. Кроме того, среди прочих приоритетов названы: борьба с инфекционными заболеваниями, борьба с терроризмом, повышение качества образования.

Согласен, что все эти четыре направления являются очень важными.

Когда мы затрагиваем вопросы обеспечения энергетической безопасности, то необходимо говорить и о ядерной энергетике. Ядерная энергетика – это одно из главнейших направлений развития энергетического сектора, и если вы намерены развивать атомную энергетику, то неизбежно встают вопросы обеспечения ядерной безопасности, начиная от стадии производства ядерного топлива и заканчивая утилизацией ядерных материалов. А как вы знаете, иногда жизненный цикл ядерных материалов может составлять несколько столетий.

Следовательно, энергетическая безопасность предусматривает безопасность и в ядерной сфере. Речь здесь идет не только об обогащенных, но и о радиоактивных материалах. Потому что если в руки террористов попадают такие вещества, то их использование будет иметь тяжелые последствия в глобальном контексте обеспечения безопасности.

Представляется, что здесь просматривается непосредственная взаимосвязь между обязательствами, взятыми в Кананаскисе, а именно между обеспечением ядерной безопасности и теми приоритетами, которые отметил президент Путин, – в частности энергетической безопасностью.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы оцениваете перспективы российско-американского взаимодействия в области ядерной безопасности?

НАНН: Видя последние 15 лет развития Российской Федерации и те громадные изменения, которые происходят в этой стране в социальной сфере, в экономике, хочу отметить профессионализм военных и специалистов ядерной энергетики, благодаря которым удалось избежать большого ядерного риска, который могла бы представлять Россия в процессе таких преобразований. Это является большой заслугой людей, которые заняты в этой отрасли, и мне кажется, что опыт этих 15 лет показывает, что России и США надо сотрудничать и в дальнейшем, дабы добиться укрепления ядерной безопасности в мире. Учитывая темпы, с которыми растет бюджетный и торговый дефицит в США, и те темпы, с которыми растет бюджетный и торговый профицит в России, можно ожидать, что слово «взаимность» скоро будет иметь большее значение для США и Программа Нанна–Лугара будет идти из России в Америку. Но независимо от того, куда будет идти финансовая помощь, наши страны должны оставаться лидерами в области ядерной безопасности. При этом мы должны переходить к новому этапу нашего взаимодействия, лозунгом которого должны быть слова «партнерство, взаимность и открытость».

Кроме того, представители ядерной промышленности двух стран также должны четко обозначить свою позицию и участвовать в этом процессе. Мне кажется неправильным оставлять решение вопросов ядерной безопасности только на усмотрение военных, генералов или только на усмотрение правительства.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько негативным, на ваш взгляд, является «иранский фактор» в российско-американских отношениях в настоящее время?

НАНН: В течение определенного периода времени руководство России полностью не осознавало масштабы угрозы развития Ираном своих ядерных программ. Как мне кажется, этот период закончился год или два назад. Но руководство США не заметило изменений в российской политике при формировании нового курса.

Сейчас Россия полностью осознает возможные угрозы. Это подтверждается тем фактом, что при оказании помощи Ирану в его мирных программах Россия требует, чтобы отработанное ядерное топливо возвращалось обратно в Россию. Помимо того, что это достаточная гарантия невозможности Ирана развивать свои военные программы, это еще и хороший пример для тех стран, которые тоже хотели бы развивать мирный атом. Думаю, что именно установка в Бушере, именно то, как она спроектирована, является достаточной гарантией того, что она является примером мирного развития, и другие вопросы – вопросы обогащения урана и передачи технологий стоят отдельно.

Правительству США надо осознать это изменение российского подхода и рассматривать его как возможный образец сотрудничества с другими странами, которые тоже хо-

тят развивать ядерные программы в области атомной энергетики, особенно в вопросах переработки ОЯТ.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Несмотря на подписание целой серии двухсторонних соглашений в области сокращения стратегических вооружений, Россия и США продолжают сохранять тысячи боезарядов, находящихся на боевом дежурстве. Какой вам видится возможность сокращения угрозы ошибочного пуска баллистических ракет?

НАНН: В случае какого-либо инцидента у наших лидеров будет всего несколько минут, чтобы принять решение! Поэтому, во-первых, нам следует понизить уровень боевой готовности двух третей наших арсеналов. Тогда, может быть, наши президенты смогут встретиться и обсудить состояние ядерных сил, потенциальные угрозы, которые представляют наши страны друг для друга, и обсудить возможность увеличения времени на принятие решения, времени для предупреждения. Возможно, сначала мы установим суточный срок для придания ядерным силам боевой готовности, 24 часа; когда будет срок в сутки – мы перейдем на недельный. Именно это я называю горизонтальным подходом, то есть когда мы сможем решать вопросы ядерной безопасности спокойно. Это принесет безопасность и нашим народам, особенно в свете того, что будет снята возможность ошибки при принятии решений из-за каких-то неправильных расчетов или случайного пуска.

Увеличение времени на принятие решений важно, в первую очередь, для нашего руководства. Для того чтобы проиллюстрировать существующую проблему, приведу простой гипотетический пример: допустим, наши президенты были на вечеринке, и по возвращении с нее поступило сообщение о необходимости принятия решения о применении ядерного оружия, и у них есть только несколько минут. Как человек может принять решение после вечеринки, если у него нет времени даже выпить чашку кофе, освежиться?

Кроме того, еще одно соображение – нам необходимо использовать технологический прогресс в качестве нашего союзника, а не противника. Например, установление видеокамер на полигонах поможет убедиться в том, что на них не производится никакой деятельности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В последнее время все чаще говорят о необходимости многонациональных подходов к ядерному топливному циклу как одной из составляющих решения проблемы нераспространения. Как вы оцениваете потенциал этих предложений?

НАНН: Директор МАГАТЭ Мохамед Эльбарადей разработал хороший трехступенчатый подход. Первая часть его заключается в том, что страны имеют право экспортировать ядерное топливо для развития национальных программ в области атомной энергетики. Вторая часть – мораторий на создание новых объектов и установок по обогащению и переработке ОЯТ. Третья часть основана на предложении России и касается возвращения отработавшего ядерного топлива в те места, где оно может храниться под контролем и утилизироваться.

Кроме того, я хотел бы отметить следующее: *Инициатива по сокращению ядерной угрозы* проводила длительные обсуждения с директором МАГАТЭ, результатом обсуждений стало решение о выделении частного гранта на создание резервного запаса ядерного топлива для тех стран, которые возьмут на себя обязательства не заниматься процессом обогащения и переработки. Этот частный грант для МАГАТЭ обусловлен тем, что правительства других стран, в том числе США и РФ, должны оказывать финансовую либо топливную поддержку и весь проект должен находиться под правовым контролем МАГАТЭ. Данный фонд будет составлять около 10% от ежегодных потребностей ядерного топлива в мире и использоваться в том случае, если Группа ядерных поставщиков не выполняет свои обязательства по поставкам.

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление Сэма Нанна на заседании Клуба «Триалог», организованного ПИР-Центром 6 октября 2005 г. Перевод – Д. Гусев. © ПИР-Центр, 2006.

Если вы профессионально занимаетесь и интересуетесь вопросами международной безопасности, имеете опыт редакторской работы и хотите стать частью научно-исследовательской организации с международной репутацией, то эта информация для вас.

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансии ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Должностные обязанности:

- научное редактирование рукописей, принятых к публикации;
- постоянная координация с научными рецензентами;
- осуществление взаимодействия с авторами журнала как по поручению Главного редактора, так и самостоятельно, включая ведение переговоров, заказ статей и контроль над их подготовкой, доведение замечаний рецензентов до сведения авторов, согласование текста статьи и графических материалов с автором перед подписанием номера в печать;
- участие в выработке редакционной политики журнала, ведение плана текущего номера журнала и стратегического плана редакции;
- участие в формировании портфеля и развитии журнала по поручениям Главного редактора, Редакционной коллегии и инициативно. Последнее особенно важно с учетом того, что в текущем году планируется значительное расширение проблематики журнала и в связи с этим ставится задача освоения тем, ранее не затрагивавшихся в журнале, и привлечения новых авторов;
- осуществление взаимодействия с Редакционной коллегией журнала на постоянной основе, подготовка заседаний Редакционной коллегии;
- координация работы редакции журнала с издательством;
- самостоятельная подготовка статей и материалов для ряда разделов журнала по заданному плану;
- участие в научных мероприятиях, проводимых ПИР-Центром, наравне с научными сотрудниками.

Требования:

- высшее образование (предпочтительно: международные отношения, политология, международная журналистика);
- опыт научного редактирования рукописей;
- наличие опубликованных собственных научных работ по проблематике международной безопасности и(или) международных отношений;
- свободное владение английским языком (знание других языков приветствуется, но не является обязательным);
- знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel, Outlook Express, программы редактирования (основная работа с текстом в Редакции осуществляется в электронном формате);
- активность, аналитический склад ума, широкий кругозор, желание и умение обучаться, ответственность, обязательность, умение работать в команде, умение работать в цейтноте.

Условия:

- вакансия выпускающего редактора журнала уже открыта;
- полный рабочий день, 40 часов в неделю, пятидневная рабочая неделя (выходные в субботу и воскресенье);
- работа в штате на контрактной основе;
- предлагается привлекательная заработная плата (по результатам собеседования).

Резюме с указанием вакансии следует направлять на имя Главного редактора журнала В.А. Орлова по адресу: orlov@pircenter.org или по факсу +7-495-234-9558

Министр обороны Франции Мишель Аллио-Мари выступила в Женевском центре политики безопасности, а также ответила на вопросы главного редактора журнала Ядерный Контроль, директора ПИР-Центра и содиректора Программы по европейской безопасности Женевского центра политики безопасности В.А. Орлова.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Г-жа министр, в докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех», обнародованном в марте 2005 г., отмечается, что угрозы для мира и безопасности в XXI веке включают и инфекционные заболевания. Что, на ваш взгляд, должно быть сделано в рамках международного сотрудничества по биологической безопасности и по борьбе с биологическим терроризмом, а также по борьбе с другими биологическими угрозами, включая инфекционные заболевания и пандемии?

АЛЛИО-МАРИ: Нам необходимо разработать ряд правил и инструментов на международном уровне. Мы все еще находимся на стадии обмена мнениями, обмена информацией, а также обмена способами и средствами борьбы с биотерроризмом. В ряде случаев мы представили наши технические инструменты, которые позволяют реагировать на подобные атаки.

Конечно, нам необходимо здесь продвигаться вперед. Почему нам действительно необходимо улучшать наши возможности? Потому что существуют способы обнаружения некоторых штаммов микроорганизмов и возможность модифицировать их, но, конечно, это потребует финансирования и нашей совместной работы. И если мы сможем объединить усилия, то будем продвигаться вперед значительно быстрее. Но это все не так очевидно, так как мы знаем, что ряд стран, даже те страны, с которыми у нас имеются партнерские отношения, значительно более закрыты, когда речь заходит об их деятельности, например в лабораториях. И затем, настоящей проблемой здесь является угроза каких-либо действий, берущих начало в этих лабораториях, действий, совершаемых не государством, а некими террористическими группами.

В равной степени мы должны осуществлять мониторинг Интернета, так как в этой области, так же как и в области химического оружия, мы видим наличие большого количества информации, распространяемой через Глобальную сеть. Я уверена, что ученые не вполне осведомлены об этом и что ученые во всех странах должны быть проинформированы о том, что когда они делятся подобной информацией о своих исследованиях, она может оказаться «не в тех руках».

В своем выступлении министр иностранных дел Франции Мишель Аллио-Мари особо остановилась на новых вызовах и угрозах международной безопасности и стабильности, а также затронула вопрос о причинах их появления.

АЛЛИО-МАРИ: Вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, связаны с фрагментированностью мира. Мы испытывали сомнения по поводу того, что произойдет в результате глобализации, и сейчас обнаруживаем, что она не объединила нас, а скорее привела к фрагментации мира на различных уровнях в плане экономики, а также затронула саму концепцию государства.

Наш мир является фрагментированным, так как различия между развитыми регионами и чудовищной бедностью других регионов также являются источником проблем, противостояния и конфликтов, которые часто приводят к угрожающим ситуациям.

Среди угроз, с которыми мы сталкиваемся, во-первых, необходимо назвать терроризм. Он не является новым явлением ни в мире, ни во Франции. Но сегодня он приобретает новые особенности. В прошлом основными целями его атаки были, возможно, лишь отдельные персоны, например политики. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что можно назвать «массовым терроризмом». Террористические акты, которые произошли 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а затем в Мадриде, Рабате, Стамбуле, Карачи, Лондоне, Шарм-эль-Шейхе, были совершены способом настолько же потрясающим, насколько он был абсолютно неизвестным до сих пор. Массовый и анонимный характер выбранных целей, склонность к самопожертвованию со стороны убийц, которые были готовы погибнуть, и отсутствие настоящих заявлений или требований с их стороны вызывают особое беспокойство.

Особое беспокойство также вызывает тот факт, что трудно идентифицировать и обнаружить авторов этих терактов, а также предотвратить террористические атаки и арестовать террористов. Их становится все труднее идентифицировать, так как они зачастую хорошо интегрированы в общество. В прошлом мы думали, что терроризм приходит из внешнего мира и что он является действием лиц, которых можно легко идентифицировать, но мы обнаружили, что, как правило, это не так. Также – и это снова часть фрагментированности современного мира – для нас очень сложно определить источники мотивации, которые по-настоящему лежат в основе теракта. Ранее мы сталкивались с одним врагом, но теперь нам противостоит целая сеть автономных организаций, и мы обнаруживаем, что если мы будем действовать, как мы привыкли, то это не изменит ничего, так как Аль-Каида сегодня выступает как торговая марка или франчайзинговое предприятие и просто используется в качестве «фирменного знака» многими группами.

Итак, среди угроз терроризму принадлежит особое место, и, конечно, это означает, что найти адекватные ответы на эту угрозу сложно. Мы должны предвидеть и предотвращать такие ситуации, мы должны идентифицировать авторов, но это может потребовать от нас предпринять ряд действий, которые можно рассматривать как угрозу или ограничение личных свобод, особенно для тех из нас, кто обладает сильной убежденностью и внутренней верой в частные и индивидуальные свободы. Это означает, что нам необходимо найти соответствующий баланс между защитой населения и уважением к свободе. В конечном итоге сами люди, сами граждане должны решить для себя, на что они готовы пойти, чтобы быть защищенными.

Вторым вызовом является распространение оружия массового уничтожения, которое, конечно, может смыкаться с терроризмом. Прежде всего, перед нами стоит проблема ядерного оружия. В течение длительного периода времени ядерное оружие находилось в руках исключительно великих держав. Во время холодной войны оно использовалось для поддержания баланса сил, основанного на страхе. Это означало, что у нас есть некоторая гарантия мира во всем мире при таком положении вещей. Но затем обладание ядерным оружием стало критерием могущества и суверенитета, одновременно являясь решающей гарантией защиты национальной территории. Осознавая угрозы, с которыми может столкнуться наша планета в случае ядерного распространения, государства-участники Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. ввели соответствующие ограничения в международное право. Однако появились новые ядерные государства. Это Индия, Пакистан и Израиль, а в последнее время мы также видим другие страны, такие как Иран или Северная Корея, которые пытаются сегодня присоединиться к ядерному клубу и получить в свое распоряжение ядерное оружие.

Распад СССР и последовавший за этим хаос также имели ряд катастрофических последствий. В отсутствие адекватного контроля ядерные материалы могли обращаться и попадать «не в те руки». Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с риском, что террористические и даже мафиозные группы могут оказаться способными создать импровизированную «грязную бомбу». Помимо угрозы со стороны ядерного оружия мы сталкиваемся с угрозой со стороны химического оружия. Его легко изготовить и перевозить. Контроль здесь практически невозможен. И снова, моя основная обеспокоенность в этой связи – это возможность использования химического оружия террористами. У нас уже имеется ряд данных об изготовлении подобного оружия. Что касается биологического оружия, для производства которого необходимы гораздо более сложные методы, то ситуация такая же – оно является весьма реальной угрозой.

Примечание

¹ В основу интервью легло выступление министра обороны Франции Мишель Аллио-Мари 27 октября 2005 г. в Женевском центре политики безопасности. Перевод – Д.О. Кобяков. © ПИР-Центр, 2006.

Международная конференция

«ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И «ВОСЬМЕРКА»: ВЫЗОВЫ И ИНТЕРЕСЫ. НА ПУТИ К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ САММИТУ»

20–22 апреля 2006 г.
Москва, отель «Гранд Марриотт»

Цель конференции – обсуждение круга вопросов, которые встанут перед лидерами «восьмерки» на саммите в Санкт-Петербурге, представителями государственных структур, лидерами международного экспертного и бизнес-сообществ с акцентом на выработку практических рекомендаций главам ведущих стран мира.

Конференция организуется ПИР-Центром политических исследований, ведущей российской неправительственной организацией в области исследований проблематики международной безопасности, в координации с Администрацией Президента РФ и Министерством иностранных дел РФ, и будет проходить в контексте председательства России в «Большой восьмерке».

В течение двух дней Конференции планируется обсудить широкий круг проблем, связанных с наиболее острыми вызовами международной безопасности, включая угрозу супертерроризма, новые вызовы режиму нераспространения, вопросы энергетической безопасности, а также возможное влияние «восьмерки» на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, Восточной Азии и в регионе Большого Ближнего Востока. Конференция призвана стать платформой для углубленного обсуждения возможных совместных ответов на новые вызовы и угрозы.

В Конференции планируется участие более 100 государственных и неправительственных экспертов, бизнесменов и практиков, вовлеченных в решение проблем безопасности, из стран «Большой восьмерки», стран-участниц Глобального партнерства, а также из Китайской Народной Республики, Индии, Бразилии, Венесуэлы, Египта, Казахстана, Малайзии, Южной Африки и др.

Программа Конференции включает в себя пленарные и секционные заседания. С докладами приглашены выступить: помощник Президента и личный представитель Президента в «восьмерке» И.И. **Шувалов**, помощник Президента С.Э. **Приходько**, министр иностранных дел С.В. **Лавров**, руководитель Федерального агентства по атомной энергии С.В. **Кириенко**, Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ Н.Н. **Спасский**, Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ К.И. **Косачев**, Председатель Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ В.М. **Заварзин**, Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности Н.Н. **Бордюжа**.

Более подробную информацию о Конференции можно найти на официальном сайте по адресу: <http://g8conference.pircenter.org>

Расхожая фраза «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» становится все более актуальной для сегодняшнего этапа развития глобальной системы безопасности. Прошло уже более четырех лет со дня терактов в Нью-Йорке, которые стали новым трагическим историческим рубежом для всего мирового сообщества. Именно они со всей очевидностью доказали, что новые риски, вызовы и угрозы уже вышли за рамки теоретических рассуждений политологов, социологов и историков, став реальностью сегодняшнего дня. События 11 сентября 2001 г. стали своего рода «лакмусовой бумажкой» процесса новой структурной трансформации системы международных отношений и безопасности, перехода от однополярности к многополярности.

Все большую значимость обретают региональные центры силы, такие как Китай, Индия². В этих условиях Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в особенности привлекает к себе внимание. Сегодняшняя региональная система безопасности (в АТР) создавалась в первую очередь с опорой на военное присутствие США. АТР в максимально возможной степени входил в сферу геополитических интересов США, для реализации которых использовались японо-американский союз, военное присутствие в Южной Корее, влияние Вашингтона на Тайвань. Одновременно с этим в регионе не сложилось ни системы сдерживания и противовесов, ни диалоговых механизмов, которые позволяли бы трансформировать систему безопасности в соответствии с современными реалиями, как это произошло, например, в Европе, где региональная система безопасности, созданная еще в период биполярного мироустройства, благополучно перестроилась под однополярную структуру международных отношений и сейчас вновь перестраивается под многополярную. Система безопасности в АТР изначально была «мертворожденной», даже в период холодной войны она не исполняла свои функции. Появление большого числа потенциальных полюсов и центров силы именно в АТР окончательно ее расшатало.

Результатом этого процесса стала концентрация в регионе огромного количества конфликтных зон, в которых пересекаются интересы всех ведущих региональных акторов (сегодня этих зон не меньше одиннадцати: остров Тайвань; Южные Курильские острова; острова Токто; острова Сэнкаку; Пескадорские острова и острова Пратас; Парасельские острова; острова Спратли и др.). В каждой из этих зон заложен высокий потенциал дестабилизации. Вследствие этого большинство новых вызовов существующей глобальной системе безопасности нагляднее всего проявляется именно в АТР: пиратство, борьба за энергоресурсы, интеграция³. Но на первом месте среди них находится новый виток распространения оружия массового уничтожения.

Все вышеизложенные процессы являются контекстным фоном для исследования вопроса, заявленного нами. Поэтому столь пространное введение в проблему представляется необходимым для адекватного восприятия некоторых прогнозируемых нами сценариев, которые на первый взгляд могли бы показаться невероятными. Действительно, ряд тезисов данной работы могут восприниматься как спорные и являться предметом

полемики. Однако актуальность подобного исследования не вызывает сомнения, поскольку в условиях общей геополитической нестабильности могут реализоваться даже самые неожиданные риски и угрозы, особенно в давних конфликтных зонах, к которым относится и Тайваньский пролив.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ ТАЙВАНЯ

Уже никто не может отрицать особую значимость развития КНР как глобального геополитического фактора. Очертания будущего мироустройства, несомненно, будут во многом зависеть от сегодняшних действий Китая на мировой арене. Одной из важнейших и наиболее взрывоопасных проблем в АТР становится вопрос воссоединения острова Тайвань с материком. Неудивительно, что данный вопрос актуализируется именно в настоящее время, в период кризиса и перестройки системы безопасности. Сегодня целый комплекс причин побуждает Китай активизировать решение давней проблемы.

Во-первых, геополитическая значимость подобного шага – решение вопроса – станет своеобразным символом перехода Китая в разряд мировых держав. Если говорить прямо, неприсоединение острова, сохранение существующего на данный момент *status quo*, а тем более возможная декларация полной независимости со стороны Тайваня ставят под большое сомнение со стороны всех акторов международных отношений имидж Китая как «государства XXI века», его геополитические возможности, амбиции и уровень влияния. Во-вторых, с военно-политической точки зрения переход Тайваня под полную юрисдикцию КНР может стать одним из сильнейших (если не роковых) ударов по военному присутствию США в регионе. Уже более 40 лет США рассматривают Тайвань не только как политического союзника (сателлита) в рамках АТР, но и как «непотопляемый авианосец», стратегически важную базу, одну из опор для инфраструктуры ВМФ США в АТР. В свою очередь, обретение Тайваня, особенно если оно произойдет мирным путем, резко повысит уровень военного потенциала КНР, оно просто жизненно необходимо, если КНР действительно стремится превратиться в морскую державу и экстраполировать свое присутствие на океанический уровень. В-третьих, присоединение острова несет в себе огромные экономические, финансовые, производственные и технологические выгоды. Наконец, в-четвертых, присоединение – это важная идеологическая победа, необходимая КПК и новой, четвертой генерации лидеров Китая⁴.

Все это ставит тайваньский вопрос на повестку уже сегодняшнего дня. Неизбежность его скорейшего решения становится все очевиднее. Но в таком случае для Китая обостряется и проблема выбора метода реализации подобного решения. Эта дилемма в самое ближайшее время может стать проверкой силы нового поколения китайских руководителей.

В 90-е гг. XX века Китай не раз декларировал и демонстрировал серьезность своих намерений относительно присоединения острова, возможность использования Народной Освободительной Армии Китая (НОАК) в случае объявления островом независимости. КНР всегда резко и болезненно реагировала на любые попытки правительства Тайваня получить мировое признание как суверенное государство. Однако за всеми проявлениями готовности к силовому решению всегда стояло понимание того, что оно приемлемо только в крайнем случае. Слишком уж много существовало сдерживающих факторов: в первую очередь это было невыгодно самому Китаю. Грубо говоря, «игра не стоила свеч»: слишком велики были затраты, а остров после победной кампании терял практически всю экономическую привлекательность. Кроме того, в первой половине и середине 90-х гг. XX века доминирующая роль США казалась неизбежной, Китай не мог позволить себе вступить в противостояние или, тем более, в открытый конфликт. Свою позитивную роль в китайско-американских отношениях играл и курс «политики вовлечения», избранный администрацией Клинтона. В тот период казалось, что мирное «возвращение острова в лоно родины» – дело времени: в пользу подобного взгляда говорили такие неоспоримо оптимистичные факты, как «заявление трех нет» Клинтона в Шанхае в 1998 г., «консенсус 1992 г.»⁵, а также общее усиление контактов между берегами пролива, выразившихся в

огромном объеме инвестиций, бизнес-связей, кажущейся открытости к диалогу. Все это позволило некоторым исследователям даже говорить о том, что экономическая интеграция уже произошла и политическая, следовательно, не за горами⁶.

Сегодня ситуация изменилась кардинальным образом. Во-первых, последующие действия администрации Тайваня были направлены на сохранение *status quo* и демонстрировали нежелание входить в Китай даже по гонконгской модели. Более того, шаги и декларации президента Чэнь Шуйбяня на последних президентских выборах на Тайване говорили о стремлении к официальной независимости. Во-вторых, республиканская администрация Буша открыто перешла к «политике сдерживания» в отношении Китая. В-третьих, новые вызовы и угрозы, расшатывающие глобальную систему безопасности, акцентуализировали возможность и даже необходимость силового решения в условиях общей геополитической нестабильности. Подтверждением тому можно считать северокорейский ядерный кризис, в процессе мирного урегулирования которого КНР получила возможность вступить в политический торг за право обладания Тайванем в обмен на свою помощь США в разрешении кризиса⁷. В-четвертых, проблема сроков решения вопроса резко обострилась, по ряду аспектов став важнее, нежели экономические выгоды воссоединения.

Все вышеизложенные факторы резко переориентировали курс, проводимый китайским руководством в отношении тайваньской проблемы. Судя по всему, Китай сейчас как никогда ранее желает «разрубить гордиев узел». Доказательством этому может служить принятие Всекитайским Собранием народных представителей (ВСНП) в 2005 г. закона, по сути дающего юридическое право на военный захват острова Китаем. Независимость Тайваня сегодня по-прежнему зависит от позиции США, но и эта защита уже не воспринимается такой надежной, как раньше. В таких условиях главной геополитической задачей, стоящей перед руководством Тайваня, становится задача обеспечения военной безопасности.

Наконец мы вплотную подходим к вопросу актуальности нового витка распространения ядерного оружия и в отношении Тайваня. Отстранимся на время от множества факторов, удерживающих Тайвань от этого варианта, – их мы рассмотрим позднее и попытаемся объективно спрогнозировать реальность подобного сценария. Сейчас обратимся к причинам, которые, напротив, могут спровоцировать подобное развитие событий.

Первой из причин является активизация действий со стороны КНР по присоединению острова военным путем – это важнейшая причина, заставляющая Тайвань искать пути выхода на мировые рынки вооружений, стремиться к расширению военного партнерства с США, резко наращивать затраты на покупку вооружений всех типов⁸. Нельзя исключить, что в условиях поиска «последней соломинки утопающего» Тайвань обратится и к ядерной военной программе.

Катализатором и второй причиной данного процесса может послужить уже упоминавшийся «эффект ядерного домино». Мы должны согласиться, что со времени обретения Пакистаном ядерного оружия темпы распространения резко возросли, особенно применительно к Ближнему Востоку и Азиатско-Тихоокеанскому региону. А то, что ядерные технологии двойного назначения получают страны, не являющиеся «респектабельными» с точки зрения своих более развитых и благополучных соседей, еще больше обостряет эту проблему. В подобном контексте вполне объяснимо возвращение общественного интереса в таких странах, как Япония и Южная Корея, к вопросу возобновления своей ядерной программы в целях защиты собственной национальной безопасности⁹. Если на миг представить, что северокорейский кризис не будет урегулирован в ближайшее время, а, наоборот, обострится, то велика вероятность целой череды «выходов из ДНЯО по десятой статье», что может завершиться крахом режима. Для Тайваня же эта юридическая процедура может оказаться даже проще, чем, например, для Японии, в связи с его «половинчатым» статусом в Договоре. Как известно, Тайвань сегодня не признается ООН и большинством международных организаций в качестве суверенного государства, поэтому его участие в ДНЯО, как и его отношения с МАГАТЭ регулируются специальными договоренностями¹⁰. Эти договоренности, несмотря на их действенность, ни в коей мере нельзя считать полным эквивалентом ДНЯО.

Кроме приведенных объективных факторов представляется возможным выделить и ряд менее вероятных, субъективных, которые, тем не менее, могут в определенных обстоятельствах стать реальностью. Пристальнейшего внимания заслуживает внутривнутриполитическая обстановка на Тайване. Как известно, последние президентские выборы в очередной раз продемонстрировали достаточно высокую напряженность и противоречивость во взглядах как между партиями Тайваня, так и внутри самих партий. Чэнь Шуйбянь победил, однако в том, какой ценой эта победа была достигнута, мы можем увидеть несколько интересных тенденций применительно к нашей теме.

Во-первых, оба кандидата активно спекулировали на национальных идеях тайваньского общества, что очень симптоматично. В частности, Чэнь Шуйбянь как политический игрок достаточно уверенно придерживается, с одной стороны, имиджа «борца за идею независимости острова от материка», с другой стороны, имиджа прагматичного политика, готового к широкому диапазону действий в целях удержания власти и сохранения общего направления своего курса. Причем эти действия могут быть очень рискованными с точки зрения сохранения мира в проливе. Непосредственно со времени его прихода к власти Чэнь стал восприниматься как политик, от которого можно ожидать практически любого неожиданного шага – как в сторону налаживания контактов с Пекином, так и в сторону независимости. Во многом этим объясняется охлаждение отношений и уменьшение прямых контактов между нынешним руководством острова и высокопоставленными лицами в США – слишком уж г-н Чэнь непредсказуем. Достаточно вспомнить его стремление провести предвыборный референдум относительно оборонного планирования или его декларацию об изменении конституции Тайваня в 2006 г.

Одновременно с этим нельзя не отметить и непоследовательность, прослеживающуюся в его политических заявлениях и действиях. Это второй важный фактор. Причина непоследовательности кроется в том, что Чэнь Шуйбянь вынужден лавировать между интересами слишком многих политических сил – как внутренних, так и внешних, особенно с учетом поляризации настроений в обществе. Нельзя забывать о том, что достаточно большая доля населения считает воссоединение неизбежным, стремится к налаживанию связей между берегами пролива. Именно эта линия сегодня поддерживается оппозицией в лице Гоминьдана. Параллельно с этим в последнее время в очередной раз резко усилились и националистические настроения, особенно в среде молодежи и военных. В этой связи весьма примечателен факт покушения на президента Чэня и вице-президента Люй за двое суток до президентских выборов, что вызвало огромное количество споров, взаимных обвинений и фактически привело к расколу тайваньского общества, заставив оба лагеря выйти на демонстрации. А спорный результат выборов едва не привел к серьезнейшему внутривнутриполитическому кризису. Важно и то, что причиной раскола являлся именно вопрос обеспечения собственной безопасности¹¹.

Третий показательный момент связан с проведением последних выборов и приуроченным к ним «оборонным» референдумом¹², точнее, с реакцией США на данный референдум. У многих исследователей сложилось впечатление, что референдум, помимо решения своих прямых задач, должен был выявить позицию Белого дома в случае обострения конфронтации между островом и материком. И результаты были показательны: в условиях жесточайшего торга по северокорейской проблеме и забуксовавшей контртеррористической операции в Ираке США стало выгоднее сотрудничать с Пекином¹³. Белый дом пошел на шаг, который не мог не насторожить Тайбэй, – он осудил проведение «оборонного» референдума¹⁴. Судя по всему, сегодня все более явственно прослеживается закономерность отношения Вашингтона к Тайваню как к разменной карте в большой геополитической игре с Китаем. Особенно если предположить вполне вероятный переход власти в США от республиканцев к демократам, традиционно в большей степени ориентированным на поиск компромиссов в американо-китайских отношениях. Таким образом, в среднесрочной перспективе можно ожидать и резкую переориентацию позиции США по тайваньскому вопросу.

Наконец, в-четвертых, мы можем догадываться о еще одной любопытной тенденции. Судя по всему, «смятение в умах» присутствует и у людей, принадлежащих к одной социальной страте и, вероятно, внутри самих борющихся партий. Так, например, военные

и сотрудники полиции традиционно являлись опорой Гоминьдана, представляя собой во многом замкнутую касту. Однако с ростом уровня демократизации тайваньского общества армия пополнилась молодыми выдвиженцами с ярко националистическими взглядами, которые, в отличие от членов Гоминьдана, верных принципам Чан Кайши, не воспринимают Тайвань частью единого Китая, захваченного коммунистическими мятежниками. Кроме того, если даже большая часть армии и до сих пор поддерживает Гоминьдан (не зря перед последними выборами армия и полиция были переведены на казарменное положение, в связи с чем Лянь Чжань не досчитался достаточно большой доли голосов), то мы можем заметить определенный раскол в позициях верхушки вооруженных сил. Многие генералы, обязанные своей карьерой Чэню, – яркие националисты.

Не удивительна в этих условиях и реакция той части общества Тайваня, которая в наибольшей степени настроена на обретение островом юридической независимости и суверенитета. Резко активизировалась полемика по вопросу поиска возможных путей, чтобы отстоять свою независимость собственными силами. То, что в рамках этого поиска всплыла тема «возможности возобновления ядерной программы Тайваня», уже никого не удивило¹⁵. В том числе и Китай материковый, который и до этого активнейшим образом использовал подобный сценарий в своей пропаганде. Естественно, факт обретения Тайванем ядерного оружия или даже неоспоримые доказательства его разработки будут равносильны *casus belli*. Однако в крайних «общественных» взглядах, которые с достаточной регулярностью публикуются в китайской печати, проблема даже только сохранения потенциальной возможности реализации ядерной программы Тайванем уже давно воспринимается как неоспоримый мотив готовности прибегнуть к военной операции. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести статью «Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силовым путем – секретное Тайваньское ядерное оружие». Смысл ее сводится примерно к следующему: затягивание процесса объединения ничего не изменит, а идея «мирного объединения» есть не что иное, как затягивание; если Тайвань объявит независимость или заявит о наличии ядерного оружия, то Китай все равно будет вынужден применить силу, но в таком случае жертв с обеих сторон будет гораздо больше, нежели если начать операцию немедленно¹⁶.

Но если позиция китайской стороны по данному вопросу очевидна и мнения авторов разнятся лишь относительно реальности подобного сценария и жесткости предлагаемых контрмер, то тайваньская общественность и политические деятели всерьез высказывают диаметрально противоположные точки зрения. Полемика идет активно, причем не только в печати, но и на интернет-форумах. Естественно, что опасные высказывания на страницах тайваньских признанных периодических изданий и информационных агентств или декларации должностных лиц привлекают внимание всей мировой общественности.

В этой связи стоит отметить вызвавшую много шума статью в англоязычной *Taipei Times* в августе 2004 г., главным тезисом которой стало утверждение: «Уничтожение десяти крупных китайских городов станет хорошим противовесом китайскому стремлению к [насильственному] объединению и заставит Китай три раза подумать, прежде чем его предпринимать»¹⁷. Хотя автор статьи не заявил о существовании на Тайване проекта разработки ядерного оружия, тем не менее он практически открыто высказался за необходимость рассмотрения подобной возможности.

По указанным выше причинам новая волна интереса к проблеме в тайваньском обществе была вызвана предвыборной кампанией, и хотя мнения, высказывавшиеся в процессе борьбы, зачастую были одиозными, тем не менее они симптоматичны. Например, одно из самых известных высказываний тайваньских официальных лиц – заявление президента Ли Дэнхуэя, сделанное еще в 1995 г.: «Тайвань сейчас не ведет разработок ядерного оружия, но этот вопрос стоит рассмотрения»¹⁸. А уже через три года, в 1998 г., Чэнь Шуйбянь высказался в том же ключе: «У Тайваня нет военного ядерного проекта, но мы постоянно держим в уме такую возможность»¹⁹. Огромный резонанс, особенно в китайской печати, получило высказывание бывшего высокопоставленного тайваньского военно-морского чиновника Гу Чанляня, который в октябре 2004 г. заявил, что на Тайване могут секретно вестись разработки военной ядерной программы «небольшой группой

из пяти человек» (дословно)²⁰. Хотя данное высказывание мало кем было принято всерьез, тем не менее идея «небольшой секретной группы» была подхвачена и сторонниками, и противниками идеи «тайваньского оружия сдерживания». Не менее любопытна и позиция, высказанная в конце того же года одним из членов тайбэйской администрации Ю, который видит модель сдерживания насильственного объединения примерно следующим образом: «Вы бьете по нашему Тайбэю, мы бьем по вашему Шанхаю»²¹. Как правило, после подобных деклараций появляются заявления, отражающие официальную позицию, например известное заявление «четыре нет ядерному оружию Тайваня» заместителя министра обороны Тайваня 16 октября 2004 г.: «Тайвань не разрабатывает, не производит, не размещает, не применит ядерное оружие»²². Таким образом, очевидно, что дискуссия о возможности разработки и наличия ядерного оружия на Тайване ведется даже в высших эшелонах власти острова.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯДЕРНОЙ ОБЛАСТИ НА ТАЙВАНЕ

История ядерной программы Тайваня начинается в 50-х гг. XX века. Тогда множество факторов благоприятствовало ее быстрому развитию. В первую очередь это международный статус Китайской Республики как законной власти всего Китая. Республика воспринималась как суверенное государство, государство-победитель Второй мировой войны. Руководство Гоминьдана в лице Чан Кайши имело налаженные связи и поддержку на Западе, хороший имидж генерала – «политика, с которым можно и нужно договариваться», его личные контакты позволяли добиться условий максимального международного одобрения таким начинаниям, как реформа вооруженных сил, грандиозное строительство в Тайбэе, развитие экономики и торговли²³, равно как и ущемление прав коренных жителей острова. В программу модернизации страны вошло и развертывание собственной ядерной программы. Она предусматривала эксперименты по производству ядерного топлива, строительство на территории страны собственного реактора, в перспективе – создание сети АЭС.

Вторым фактором, катализирующим процесс реформ на Тайване, было жесткое и в то же время целенаправленное руководство Гоминьдана и Чан Кайши при одновременной активной финансовой подпитке широкомасштабных национальных проектов.

В результате первый ядерный реактор был запущен в Национальном университете Цинхуа в 1956 г. Можно предположить, что в тот период приоритет не отдавался военной стороне программы. Однако, скорее всего, ситуация изменилась в 1964 г. в связи с испытанием первого ядерного боезаряда КНР. Это событие, с одной стороны, поставило на карту престиж Китайской Республики как олицетворения китайской цивилизации, с другой стороны, важным стимулом стала необходимость ядерного паритета с материком.

Эти соображения вынудили руководство Гоминьдана в июле 1965 г. издать приказ о создании «Чжуншаньского института науки и техники», подотчетного Министерству обороны. Данный институт в 1966–1967 гг. получил заказ на исследования военного применения ядерной энергии на сумму 140 млн. долл. Естественно, тематика разработок была засекречена. В феврале 1966 г. будущие руководители Чжуншаньского института посетили израильские исследовательские центры²⁴. Вероятно, в дальнейшем Тайвань широко использовал израильские наработки, несмотря на то, что не имел с Израилем установленных дипломатических связей. Особенную помощь в исследованиях в ядерной области в 1966–1968 гг. Тайвань получил от Комиссии по атомной энергии США. 1 июля 1968 г. произошло официальное открытие Чжуншаньского института. Институт занимал площадь более 300 га, в его штате состояло 6300 научных сотрудников и 8500 человек технического персонала, треть сотрудников были военными²⁵. Помимо Чжуншаньского института, являвшегося «секретным и таинственным центром» всей программы, по выражению китайских исследователей, в ней были задействованы исследовательские центры Университета Цинхуа, Тайбэйского университета, Университета путей сообщения. С течением времени все большую роль в программе начал играть вскоре созданный Институт исследования ядерной энергии Тайваня (ИИЯЭ). Ежегодные затраты на

содержание программы составляли более 100 млн. долл. Проект подразумевал строительство реактора на тяжелой воде, завода по производству тяжелой воды, исследовательской лаборатории по переработке облученного топлива и завода по выделению плутония²⁶.

В конце 1960-х гг. Тайвань наладил очень тесное сотрудничество с Германией, Канадой, Францией, где активно покупались оборудование, материалы и, вероятно, разработки. Так, до 1973 г. только в ЮАР было закуплено более 100 т природного урана, а по некоторым данным – в небольших количествах в США для исследовательских целей приобретался и плутоний²⁷. Вопрос сырья был и остается одним из актуальнейших для любых ядерных программ на Тайване, так как он не обладает собственными источниками. Чуть позже в Канаде был куплен 40-мегаваттный тяжеловодный исследовательский реактор, аналогичный тому, на котором Индия изготовляла плутоний для своей первой ядерной бомбы²⁸. В 1968 г. Тайвань подписал ДНЯО и ратифицировал его в 1970 г., однако, вероятнее всего, это не означало свертывания военной части ядерной программы. К тому времени среди прочих были налажены тесные контакты с Лос-Аламосской лабораторией, которую регулярно посещали сотрудники Чжуншаньского института и Университета Цинхуа, со многими исследовательскими центрами в Европе. Хотя официально взаимодействие шло по направлению развития мирного атома, тем не менее большинство тайваньских специалистов были военными.

Закат «золотого века» тайваньской военной ядерной программы начался с признанием США КНР в качестве единственного олицетворения китайской государственности. В феврале 1972 г. президент Р. Никсон совершил свой исторический визит в КНР, который ознаменовал собой процесс поиска путей возобновления контактов между Пекином и Вашингтоном. Финалом этого сближения стал официальный разрыв дипломатических отношений между США и Китайской Республикой и установление их с Китайской Народной Республикой в 1979 г. А уровень мирового сотрудничества в ядерной области с Тайванем уже в начале 1970-х гг. резко пошел на спад. Тем не менее работа над военной ядерной программой продолжалась как минимум до 1976 г. В том году инспекция МАГАТЭ выявила проведение в Тайване экспериментов над нигде не учтенными 500 граммами плутония²⁹. К этому времени тайваньская ядерная программа уже представляла серьезную геополитическую опасность для США, которые стремились к сохранению стабильности в проливе, пытаясь, с одной стороны, контролировать Тайвань и одновременно, с другой стороны, избежать конфронтации с КНР. В результате, под давлением МАГАТЭ, США и «мировой общественности», Тайвань официально полностью отказался от военных разработок в ядерной сфере, о чем президент острова объявил в сентябре 1976 г.

Однако сын Чан Кайши Цзян Цзинго, занявший через год после его смерти в 1975 г. пост президента, всегда являлся активнейшим сторонником разработки Тайванем собственного ядерного оружия. Он еще в 1960-е гг. курировал тайваньский ядерный проект в должности директора Комитета по научному развитию. Вероятно, уже в начале 1980-х гг. Тайвань возобновил секретные разработки военного ядерного проекта. Причем происходило это по уже апробированной схеме прикрытия исследований «развитием мирного атома». Место «базового» центра занял уже упоминавшийся ИИЯЭ. В 1985 г. его штат составлял 1100 человек, институт обладал современнейшим оборудованием (в частности, канадским исследовательским реактором), официально разработки касались вопросов производства ядерного топлива для АЭС и исследований технологий радиохимической переработки облученного урана. Ответственность за то, что военная область разработок не была быстро обнаружена и развивалась, в китайских источниках возлагается на США, хотя именно ЦРУ опубликовало доказательства наличия этого проекта. Дело в том, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. именно США компенсировали «сворачивание» военной программы поставками ядерного топлива для мирных целей. Например, 28 сентября 1984 г., когда, судя по всему, «вторая попытка» Тайваня находилась в апогее развития, между США и Тайванем было заключено соглашение на поставки для АЭС низкообогащенного урана на сумму в 2 млрд. долл. в течение 30 лет. По некоторым китайским оценкам, около 10% данных поставок использовалось не по назначению. Кроме того, по тем же оценкам, около 70% всех выпускников физиков-ядерщиков Университе-

та Цинхуа, распределяемых в ИИЯЭ, в середине 80-х гг. отправлялись на обучение и стажировки в США, где знакомились с новейшими ядерными технологиями³⁰.

Новый удар по тайваньской ядерной программе был нанесен заместителем директора Института исследования ядерной энергии Тайваня. Он был завербован ЦРУ в 60-е гг. XX века, еще в его бытность кадетом военной академии. В 1987 г. полковник Чан с помощью ЦРУ бежал в Америку с пакетом документов, доказывающих проведение на Тайване активнейших разработок секретной военной программы³¹. Это вызвало серьезное давление США на администрацию Ли Дэнхуэя, еще не освоившуюся в управлении островом и зачастую даже не знавшую о целом ряде фактов государственной важности. Кроме того, одной из целей заявленного новым президентом курса на демократические преобразования было усиление лоббирования тайваньских интересов в Конгрессе США, а доказательство существования таких дестабилизирующих фактов, как военная ядерная программа, несомненно, повредило политическому имиджу новых руководителей Гоминьдана в глазах мировой общественности. Поэтому в 1988 г. Тайвань официально признал проведение исследований и ряда экспериментов в 1980-х гг., имевших военную направленность, но декларировал свой отказ от деятельности в этом направлении в будущем, что, помимо всего прочего, было подтверждено письменными гарантиями президента Ли Дэнхуэя президенту США Р. Рейгану. 40-мегаваттный исследовательский реактор, использовавшийся в программе, сначала был закрыт для проведения его конверсии в реактор на легкой воде³², но в итоге был просто демонтирован. Кроме того, Тайвань продолжал получать топливо для АЭС. Официальная позиция Тайваня относительно обретения им собственного ядерного оружия с тех пор не претерпела изменений.

В истории развития военной ядерной программы Тайваня нам представляется возможным особо обратить внимание на три фактора, которые могут помочь нам в оценке потенциальных рисков сегодняшней ситуации и спрогнозировать возможные сценарии развития событий в данном вопросе.

Во-первых, сразу бросается в глаза двойственная роль США в истории программы. С одной стороны, именно благосклонное отношение США во многом способствовало старту проекта. Несомненна и поддержка США технологиями, возможностью обучения персонала, поставками сырья, материалов и оборудования на всех этапах разработок. Причем этот тезис применителен и к периоду полной секретности исследований. Без поддержки США они были бы если не полностью невыполнимы, то как минимум крайне затруднены. Особенно сильным негативным аспектом является постоянное влиятельное протайваньское лобби в Конгрессе и администрациях всех без исключения президентов США³³. Именно благодаря этому лобби Тайвань всегда получал, получает и будет получать в дальнейшем возможности приобретения ядерных материалов и оборудования под предлогом развития мирных ядерных проектов, в то время как наладить реально действующий механизм контроля над применением данных средств в лоббистских кругах не считается необходимым условием. Огромную роль в данном вопросе играют обширные личные связи руководства Тайваня в США³⁴. Именно этой своего рода «протекцией» объясняется заключение островом контрактов на приобретение сырья даже после скандалов, связанных с выявлением военных ядерных разработок. США и сегодня поддерживает развитие на Тайване ядерной промышленности и исследований в области «мирного атома»³⁵.

С другой стороны, именно позиция США является одним из основных сдерживающих факторов для Тайваня во всех вопросах, каким-либо образом касающихся проблемы независимости. Обретение островом ядерного оружия – провокация, которая ни в коей мере не отвечает интересам США. Сегодня Тайваню жизненно необходима уверенность в военной помощи США в случае конфликта с материком. Это является главным залогом сохранения *status quo* в проливе. Но Тайвань, как квази-государственное образование, государство *de facto*, одним из главных геополитических приоритетов не может не иметь задачу обретения государственного статуса *de jure*. Для этого Тайвань должен получить возможность защитить себя от китайских притязаний без прямой помощи со стороны США. Конечно, в соответствии с реалиями сегодняшнего дня трудно всерьез воспринимать возможность подобного развития событий. Мы рассматриваем процесс воссоединения как неизбежный. Но в рамках данной работы нам в первую очередь необходимо осознать двойственность

интересов мятежного острова: не потерять защиту США, что равноценно присоединению, и одновременно усилить свой оборонный потенциал до такой степени, чтобы в теории суметь отказаться от американской опеки. В свете этой дилеммы мы должны анализировать и актуальность создания ядерного оружия Тайванем.

Вторая особенность тайваньской военной ядерной программы состоит в «богатом опыте» проведения секретных разработок. В течение как минимум двух периодов – с 1968 по 1976 г. и с начала 1980-х по 1988 г. наличие проекта было основательно засекречено. В связи с этим опасения китайских исследователей относительно существования «секретной малой группы» не кажутся столь уж необоснованными. Создание же этой «малой группы», а также условий и инфраструктуры для ее продуктивного функционирования не является особой сложностью для современного Тайваня.

Третья отличительная черта – то, что серьезными вехами в тайваньской ядерной программе всегда становились периоды перехода власти и внутривластные кризисы. Свертывание программы в 1976 г. произошло через год после смерти Чан Кайши. В это время Цзян Цзинго еще только стал лидером Гоминьдана, президентом же он будет избран лишь в 1978 г. Следующий знаковый момент – подписание гарантий об отсутствии военного ядерного проекта в 1988 г. произошло сразу после перехода власти к Ли Дэньхуэю после смерти Цзян Цзинго. Сегодня политическая система Тайваня является в полной мере демократической, однако, на наш взгляд, очень симптоматичен тот факт, что дискуссия в тайваньском обществе, касающаяся вопроса военной ядерной программы, возобновилась в процессе неоднозначной и агрессивной предвыборной кампании.

ПОТЕНЦИАЛ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ТАЙВАНЯ

Этот вопрос также не поддается однозначной оценке. В 1988 г., в период последнего свертывания тайваньской военной ядерной программы, многие западные эксперты полагали, что проект на тот момент уже был близок к завершению. По мнению ЦРУ, Тайвань в течение одного года мог бы полностью завершить исследовательские разработки и испытания, после чего приступить к созданию собственного военного ядерного потенциала³⁶. В частности, остров активнейшим образом вел разработки в сфере выделения плутония. Сегодня оценки технического и технологического потенциала возобновления тайваньской ядерной программы сильно разнятся. Нам кажется возможным выделить два диаметрально противоположных взгляда на данный вопрос, которые чаще всего встречаются в источниках.

Первая точка зрения особенно распространена в западных и российских оценках, суть ее сводится к тому, что даже в случае возобновления Тайванем военных разработок в ядерной сфере они не могут быть завершены очень быстро – для этого потребуются годы. Аргументы в пользу данной позиции достаточно серьезны. Во-первых, тайваньская ядерная программа была свернута «качественно», так как закрытие исследовательских центров, конверсия реактора, инвентаризация оборудования и материалов проводились под достаточно жестким контролем представителей МАГАТЭ, с одной стороны, а также сотрудников спецслужб и Министерства энергетики США – с другой. По оценкам российских спецслужб, все официально импортированное оборудование, материалы и технологии не дают Тайваню возможности создать ядерное оружие³⁷. Естественно, отсутствие подобных вливаний извне и учет поставляемого на остров ядерного сырья значительно затруднили возможность скрытого развертывания и деятельности параллельного военного проекта. Во-вторых, со времени «последней попытки» Тайваня минуло уже больше пятнадцати лет. За это время наверняка были утеряны не только некоторые практические разработки, но, отчасти, и интеллектуальный потенциал, способный работать в данном направлении. Большинство из ведущих ученых, работавших в проекте 1980-х гг. и имевших практический опыт разработок ядерного оружия, сегодня уже не могут так же активно, как раньше, быть задействованными в программе. В то же время новое поколение специалистов в области ядерной энергии работает исключительно в области «мирного атома» и, следовательно, не имеет практического опыта в вопросах военной стороны исследований. Наконец, в-третьих, запасы сырья, необходимого для создания ядерного оружия,

на Тайване крайне малы. Сегодня Тайвань официально обладает менее чем двумя килограммами плутония, а также двумя тоннами урана, которые находятся под гарантиями МАГАТЭ на предмет их целевого использования. Помимо этого, под большим вопросом наличие у Тайваня адекватных задач разработок в сфере ядерно-топливного цикла, маловероятным кажется и наличие неучтенного оборудования для этих целей. Таким образом, в рамках этой концепции авторы называют срок от 8 до 10 лет³⁸.

Вторая точка зрения более широко представлена в китайских и тайваньских источниках. Правда, ее появление имеет противоположные мотивы. Китайская сторона заинтересована в привлечении внимания ко всем потенциальным угрозам, исходящим от независимой провинции, а также акцентуализации их значимости с целью использования в рамках собственной пропаганды. Тайвань же, очевидно, стремится подать мировой общественности свои возможности в наиболее сильном ключе. В результате именно в АТР достаточно широко распространено мнение, что «создание ядерного оружия для Тайваня – вопрос не технологий и разработок, а вопрос политического решения». В частности, приверженцы данной концепции называют срок в 3–4 месяца. Приводимые ими аргументы также нельзя не принимать во внимание.

Во-первых, ядерную энергетику Тайваня называют «главным детищем Гоминьдана». За время правления партии на острове Тайвань добился весомых успехов в развитии мирной атомной программы. Сегодня остров обладает тремя действующими АЭС, четвертая находится в последней стадии строительства (см. таблицу 1). Электроэнергия, вырабатываемая ядерными реакторами, составляет 25–30% от общего объема потребления электроэнергии в стране³⁹. Статистические данные о развитии атомной энергетики острова и карта расположения реакторных площадок приведены ниже. Помимо этого сегодня Тайвань официально обладает двумя действующими исследовательскими реакторами, одним заводом по переработке урана, заводом по производству ядерного топлива, одним хранилищем отработавшего ядерного топлива – все они находятся под контролем гарантий МАГАТЭ⁴⁰. Безусловно, столь высокий уровень развития мирной ядерной программы предполагает как наличие разноплановых технологий, так и достаточное количество высококлассных специалистов.

Таблица 1

Действующие и проектируемые энергетические реакторы на Тайване

Реактор	Тип	МВт	Дата ввода в эксплуатацию
В эксплуатации			
Цзиньшань-1	GE BWR-4 Реактор на кипящей воде	604	12/1978
Цзиньшань-2	GE BWR-4 Реактор на кипящей воде	604	7/1979
Гошэн-1	GE BWR-6 Реактор на кипящей воде	948	12/1981
Гошэн-2	GE BWR-6 Реактор на кипящей воде	948	3/1983
Мааньшань-1	W PWR Легководный реактор	890	7/1984
Мааньшань-2	W PWR Легководный реактор	890	5/1985
В стадии строительства			
Лунмэнь-1	GE ABWR усовершенствованный кипящий ядерный реактор	1300	2004 (?)
Лунмэнь-2	GE ABWR усовершенствованный кипящий ядерный реактор	1300	2005 (?)

Источник: Джардин Л. Дж., Холси У. Дж., Смит Ч.Ф. Технические основы обеспечения хранения иностранного отработавшего ядерного топлива и его захоронения в России. Министерство энергетики США. Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса, 2000. <http://nuclearno.ru/pdf/taiwan.pdf>

Оценки наличия запасов обработавшего топлива на Тайване

	Реакторных лет	ОЯТ (т)	ОЯТ (сборки)
BRW-4 Реактор на кипящей воде	40	800	3500
BRW-6 Реактор на кипящей воде	31	700	3000
W PWR Реактор на воде под давлением	29	600	1100
Всего	100	2100	7600

Исследовательские реакторы на Тайване

Реактор	Тип	Дата запуска	Статус
THOR	2 MW TRIGA Conv	1961	Функционирует
THAR	10 KW Argonaut	1974	Выведен из эксплуатации – 1991
THMER	0 KW Mobile Edu.	1975	Закрит – 1976
TRR	40 MW Heavy Water	1973	Закрит – 1988
TRR-II	20 MW Pool	Около 2006	Строительство
WBRL	Homog (L)	1983	Выведен из эксплуатации
ZPRL	30 KW Pool	1971	Функционирует

Источник: База данных исследовательских реакторов МАГАТЭ.
<http://www.iaea.org/worldatom/rrdb/>

Рис. 1. Карта Тайваня с указанием расположения реакторных площадок

Источник: Taiwan Atomic Energy Council. <http://www.aec.gov.tw/>

Хотя получение материалов для ядерного оружия на имеющихся объектах мирной атомной энергетики острова практически невозможно, тем не менее, судя по всему, Тайвань обладает технологией «соплового» обогащения урана, известной как «метод Беккера»⁴¹, технологией лазерного обогащения⁴². На острове длительное время и достаточно успешно велись разработки в области радиохимической переработки облученного урана, эксперименты по выделению плутония. Следовательно, есть основания говорить о том, что Тайвань обладает и технологиями, необходимыми для получения ядерных материалов – как для мирных целей, так и для использования при создании ядерного оружия.

Во-вторых, китайские авторы особенно часто обращают внимание на то, что Тайвань сумел максимально близко подойти к созданию ядерного оружия именно в тот период, когда его военные разработки были официально закрыты, он являлся членом ДНЯО, а официальные поставки материалов и оборудования ставились под гарантии МАГАТЭ. Вывод, который делают китайские исследователи, напрашивается сам собой: велика вероятность, что Тайвань достаточно долго скрывает проведение работ по созданию ядерного оружия. Наибольший ажиотаж вызывает факт существования «малой группы», о которой уже упоминалось выше⁴³. Связано это с тем, что впервые данная идиома была использована именно тайваньскими политиками.

В-третьих, Тайвань имеет длительные и прочные связи в ядерной области с ЮАР, Израилем, поддержание подобных контактов возможно и с Пакистаном и КНДР⁴⁴. В этих условиях существует потенциальная опасность получения Тайванем в обход МАГАТЭ материалов, которые ему необходимы для создания ядерного оружия⁴⁵.

При определении степени реалистичности возможности возобновления Тайванем военной ядерной программы мы обязаны учитывать скорость, с которой она может быть приведена к своему логическому завершению, то есть время, за которое Тайвань реально может произвести и испытать ядерный боезаряд. Если мы примем точку зрения, изложенную нами первой, то тем самым признаем отсутствие серьезной угрозы существующему режиму нераспространения со стороны Тайваня. Относительно сегодняшней скорости развития исторического процесса и изменения мировой геополитической обстановки 8–10 лет – огромный срок, который сам по себе нивелирует дестабилизирующий потенциал подобных решений. Но ситуация предстает в абсолютном ином ракурсе, если мы согласимся, хотя бы отчасти, с доводами приверженцев второй концепции. На наш взгляд, за 4 месяца Тайвань никак не сможет завершить проект: помимо принятия политического решения, необходимо будет решить целый комплекс проблем – от проведения испытаний, которые неизбежно рассекретят проект, до адаптации полученного боезаряда к имеющимся средствам доставки. Но мы в любом случае должны признать, что потенциал возобновления военной программы у Тайваня есть, а значит, реально существует и потенциальная геополитическая опасность, которой стоит уделять гораздо более пристальное внимание.

РАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАЙВАНЯ. СРЕДСТВА ДОСТАВКИ – ПРОБЛЕМА?

В контексте рассмотрения потенциальной возможности возобновления ядерного военного проекта Тайванем мы неизбежно должны обратиться и к вопросу его обладания средствами доставки ОМУ. Как нами уже указывалось выше, в условиях постоянного противоборства острова с материком Тайвань непрерывно наращивал собственный суммарный оборонный потенциал. Вооружение покупалось и производилось по специальным заказам везде, где только это возможно, в первую очередь, конечно, в США⁴⁶. Даже отсутствие международного признания и государственного статуса не могло сдерживать этот процесс, и Тайвань давно стал одним из серьезных покупателей на мировом рынке вооружений и военных технологий. Тайвань имеет давние налаженные каналы ВТС с США, Израилем, Германией. Одновременно с этим развитие ВПК острова тоже не стояло на месте, всегда получая мощнейшую государственную поддержку. В результате между берегами пролива сложилась ситуация, когда начало военной операции со стороны материка неизбежно встретит серьезнейшее сопротивление, которое делает невозможным проведение «короткой победоносной войны». Конфликт обязатель-

но затянется, и США получит время на вмешательство в него. Именно на такой сценарий развития событий была ориентирована оборонная доктрина Китайской Республики в период правления Гоминьдана, поэтому и вооружение, которое стремился получить Тайвань, в первую очередь было оборонительным.

Однако этот путь все равно не мог в полной мере отвечать интересам Тайваня как государства *de facto* по двум причинам. Во-первых, подобный курс неизбежно ставил вопрос суверенитета в полную зависимость от США и, во-вторых, никак не мог привести остров к обретению всеобщего международного признания. Поэтому трансформация геополитической ситуации в регионе, опасения потерять в будущем поддержку США, а также стремление администрации президента Чэня к независимости поставили на повестку дня изменение оборонной доктрины острова. Заявления о том, что в скором времени она перестанет быть исключительно оборонительной, а будет предусматривать превентивные и ответные удары по объектам на территории КНР, делались неоднократно самыми высокопоставленными лицами тайваньского руководства⁴⁷. Но эти декларации, скорее всего, так и оставались бы только декларациями, если бы не ряд шагов, свидетельствующих о серьезности этого намерения. Мы можем даже предположить, что Чэнь Шуйбянь намерен внести эти изменения одновременно с планируемым принятием новой конституции острова в конце своего президентского срока. Конечно, проведения всех подобных реформ с очень большой тревогой ожидают в Пекине, возможно, отчасти именно этим вызвано и принятие ВСНП закона о праве КНР на применение силы в решении тайваньского вопроса.

Одним из ярких проявлений процесса переориентации тайваньской военной стратегии является развитие собственного ракетного потенциала. История разработок ракет всех типов и классов на Тайване столь же продолжительна, как и история разработок в ядерной области. И связана она все с тем же Чжуншаньским институтом науки и техники. Некоторые из подразделений этого научного военного центра (Второй и Третий департаменты) изначально были ориентированы именно на разработки в сфере ракетных технологий. Причем охватывался весь комплекс проблем: разработка двигателя, дизайна, аэродинамики, испытания и тесты⁴⁸. Естественно, что одной из целей подобных разработок было создание проектов средств доставки ядерного оружия.

В то же время проведение исследований в области ракетных технологий в меньшей степени зависело от международной конъюнктуры. Поэтому даже в периоды полного запрета и демонтажа военной ядерной программы институт не прекращал работы над созданием и укреплением тайваньского ракетного потенциала. В результате к настоящему времени Тайвань обладает практически полным спектром ракетных вооружений собственного производства, за исключением ракет «воздух-земля», так как на вооружении ВВС Тайваня преобладают самолеты производства США, укомплектованные американскими ракетами этого класса. Также Тайвань предпочитает закупать ракеты «воздух-воздух», хотя и имеет собственные разработки.

На вооружении армии Тайваня на сегодняшний момент находятся:

- В классе «земля-воздух»: три вида ракет, произведенных в полной мере по своим разработкам (*Sky Bow I, II, III*)⁴⁹; планируется покупка американских комплексов противоракетной обороны *Patriot-3*⁵⁰.
- В классе «воздух-воздух»: *Sky Sword-I TC-1* и *Sky Sword-II TC-2*, близкие по характеристикам и дизайну к американским *AIM-7/SPARROW* и *AIM-9/SIDEWINDER*⁵¹.
- В классе «земля-земля» Тайвань обладает всеми типами ракет – от систем залпового огня, неуправляемых ракет *Кунфэн IV*, *Кунфэн VI*⁵² до противокорабельных, тактических и крылатых ракет: *Сюнфэн I*, *Сюнфэн II*, *Сюнфэн III*⁵³. Кроме того, Тайвань закупает в США крылатые ракеты *Harpoon*⁵⁴. Подробнее о характеристиках см. таблицу 4.

В рамках исследуемого нами вопроса особый интерес вызывают тайваньские ракеты класса «земля-земля», представляющие собой непосредственную угрозу объектам на

территории КНР. В этом аспекте тайваньский арсенал особенно пополнился в 2004–2005 гг., в период предвыборной кампании и возвращения интереса общественности и политиков к вопросу изменения стратегии сдерживания в проливе. За год с небольшим «мятежный остров» провел целый ряд испытаний, ставших очень тревожным сигналом для материка.

Информация о работе над созданием ракет *Сюнфэн IIA* и *Сюнфэн IIE*, хотя она и велась секретно, появлялась и в западной, и в азиатской печати с завидной регулярностью на протяжении последних 5 лет. То есть, судя по всему, проект был активизирован именно после прихода к власти Чэнь Шуйбяня, хотя первые сообщения о прототипе *Сюнфэн II* появились еще в середине 1990-х гг.⁵⁵. Первые серьезные испытания ракеты проводились в 2001 г.⁵⁶; проект стал принимать более четкие очертания. Стало очевидно, что различные модификации ракеты *Сюнфэн II* предназначены для поражения надводных, подводных (*Сюнфэн IIA*) и наземных целей (*Сюнфэн IIE*). В конце 2004 г. проводились итоговые испытания *Сюнфэн IIA*. По данным западных источников, это противокорабельная ракета, обладающая скоростью 0,65–0,7М, весом боеголовки 180–225 кг, дальностью полета 100 км, снабженная системами самонаведения и защиты от помех⁵⁷. Конечно, это был успех Чжуншаньского института, но гораздо больший резонанс в мире вызвало сообщение о том, что 5 июня 2005 г. на Тайване была испытана модификация *Сюнфэн IIE*⁵⁸. По тайваньским данным, во время испытаний на одной из военных баз на юге острова ракета пролетела 500 км и точно поразила цель. Тайваньские источники заявляют, что максимальная дальность поражения ракеты составляет 1000 км. Учитывая то, что ширина пролива составляет всего 160 км, ракета стала первым оружием острова, которое может напрямую угрожать мегаполисам юго-востока КНР и более чем 20 крупным военным базам⁵⁹. Китайская сторона отреагировала незамедлительно, вполне адекватно расценив испытания как угрозу стабильности и военной безопасности в проливе⁶⁰. В то же время иногда в китайских источниках выражается серьезное сомнение в возможности ракеты преодолевать расстояние в 1000 км, они предпочитают указывать 500 км (основываясь на том расстоянии, которое она пролетела на испытаниях)⁶¹. Но и в таких источниках не отрицается опасность для Китая, которую несет в себе это оружие, особенно в свете заявлений Министерства обороны Тайваня о том, что ракета будет поставлена на поточное производство уже в конце 2005 – начале 2006 г. и станет ответом 700 тактическим ракетам КНР, нацеленным на остров⁶².

Кроме того, в прессе появились сообщения о том, что в 2001 г. на Тайване был возвращен к жизни и другой ракетный проект все того же Чжуншаньского института – *Сюнфэн III*, подразумевающей создание противокорабельной ракеты, обладающей сверхзвуковой скоростью⁶³. По некоторым данным, сейчас проект уже близок к завершению, и финальные испытания могут быть проведены в начале 2006 г.; дальность полета этой ракеты составляет около 500 км, скорость 2,3 М⁶⁴. Пока не ясно, может ли в рамках этого проекта появиться аналог, предназначенный для поражения наземных целей, но, как показывает опыт *Сюнфэн-II*, такой вариант не исключен.

В качестве последней иллюстрации высокого уровня развития тайваньского ракетостроения нами был выбран еще один проект Чжуншаньского института, который, во всяком случае пока, официально не был возобновлен. Работа над созданием баллистической ракеты средней дальности *Тянь ма/Sky Horse* велась параллельно с развитием военной ядерной программы. Естественно, они были тесно взаимосвязаны и результатом должно было стать создание адаптированных друг к другу ядерного боезаряда и средства доставки. Однако, также под давлением США, проект *Тянь ма* был свернут в середине 1980-х гг., но интерес к нему не ослабевал, регулярно возникали данные о возможности его возобновления, что опять же легко ассоциируется с дискуссией о возможности возобновления тайваньской ядерной программы⁶⁵.

На наш взгляд, приведенные выше данные наглядно свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития тайваньских технологий в области ракетостроения. Кроме того, нам представляется необходимым отметить еще три достаточно тревожных аспекта. Во-первых, по мнению большинства западных экспертов, тайваньские ракеты *Сюнфэн-I* являются «клоном» израильских ракет *Габриэль*⁶⁶. В дальнейшем развитии серии прослежива-

ется определенное заимствование у американских *Harpoon*. Не является ли это доказательством давнего и тесного сотрудничества тайваньских и израильских специалистов? А если это сотрудничество действительно было и существует, в какой еще сфере оно может вестись? Напрашивающийся ответ не требует дальнейших комментариев. Во-вторых, достаточно показательным, на наш взгляд, является сам факт того, что разработки острова в области ракетостроения ведутся организацией, теснейшим образом связанной с историей военной ядерной программы.

В-третьих, и это главное, по указанным нами выше причинам сегодняшнее руководство «мятежного острова» уверенно держит курс на усиление собственной обороноспособности и, в среднесрочной перспективе, уменьшение своей зависимости в этом вопросе от геополитической позиции США. За время президентства Чэнь Шуйбяня был сделан рывок в обретении островом целого ряда вооружений, носящих не только оборонительный, но и наступательный характер. Обо всем этом можно судить по темпам развития ракетного потенциала Тайваня в первые годы XXI века. В контексте такой переориентации военной стратегии и оборонной доктрины острова стоит задать вопрос: где будет та граница в развитии наступательных вооружений сдерживания и устрашения, которую Тайвань не переступит? Есть ли эта граница вообще? Шаг, который необходимо сделать Тайваню для создания собственного ядерного оружия, не столь уж велик, а последствия такого решения могут иметь уже необратимый характер.

Таблица 4

Характеристики некоторых типов ракет Тайваня

	<i>Сюнфэн I</i>	<i>Сюнфэн IIA</i>	<i>Сюнфэн IIE</i>	<i>Сюнфэн III</i>	<i>Тянь ма</i>
Длина	3,9 м	4,65 м	6 м	3,9 м	Нет данных
Диаметр	34 см	39 см	50 см	40 см	Нет данных
Вес	540 кг	685 кг	1600 кг	520 (?) кг	Нет данных
Вес боеголовки	150 кг	180–225 кг	450 кг	Нет данных	Около 500 кг
Скорость	0,9 М	0,65–0,7 М	0,7 М	2,0–2,3 М	Нет данных
Дальность	Около 50 км	130 км	500–1000(?) км	500 км	1000–2000 км

Таблица составлена по данным *Jane's Information Group*. <http://www.janes.com>

ПРО ТАЙВАНЯ. ВЗГЛЯД ТАЙБЭЯ

Несколько в стороне от исследуемой нами темы, но в то же время в тесной взаимосвязи с ней находится вопрос ПРО Тайваня. Сегодня остров, по большому счету, беззащитен перед нацеленными на него огромными арсеналами ракет КНР. В последние годы президентства Ли Дэнхуэя, когда актуализировалась идея создания региональной системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), гоминьдановская администрация острова всецело выступила в поддержку включения острова в систему. Было даже дано специальное президентское распоряжение правительственным ведомствам совместно с министерством обороны проработать конкретные детали этого плана, невзирая на затраты, которые были бы неминуемы при его реализации⁶⁷. Естественно, эти заявления вызвали дежурную критику со стороны Пекина, который выступил «решительно против продажи американского оружия на Тайвань (особенно – противоракетных систем *Patriot*) и вовлечения острова в планируемую к развертыванию систему ПРО ТВД для Азии»⁶⁸. Также отмечалось, что «подключение Тайваня в любой форме к системам ПРО, создаваемым иностранными государствами, является неприемлемым и серьезно подорвет стабильность в регионе»⁶⁹. Но на тот период всем заинтересованным сторонам были очевидны цели взаимных действий и их последствия. Тайвань Ли Дэнхуэя действовал в русле оборонной военной доктрины, стремясь всеми возможными способами получить как можно больше оборонного вооружения и заручиться как можно боль-

шими гарантиями безопасности со стороны США. По выражению генерала Тан Фэя, который был министром обороны в правительстве президента Ли, «военное строительство должно обеспечить Тайбэю равные права на переговорах между двумя берегами Тайваньского пролива, Тайвань выступает за проведение этих переговоров на паритетной основе»⁷⁰. То есть для Тайваня того периода участие в ПРО должно было стать всего лишь одним из козырей в процессе дипломатического торга с Пекином. КНР вполне осознавала эти мотивы, реально понимая, что остров не в состоянии полностью обезопасить себя покупкой даже огромной партии систем *Patriot*. Это была привычная ситуация «обмена ударами», «размена фигур», направленная на получение тех или иных политических выгод сторонами в процессе неминуемого сближения.

Ситуация предстала совсем в ином ракурсе после прихода к власти Демократической Прогрессивной Партии Тайваня (ДПП) во главе с Чэнь Шуйбянем. Изменения в вопросе развертывания ПРО ТВД вполне вписываются в изложенную нами схему переориентации военной стратегии Тайваня. С одной стороны, остров стремится получить поддержку вооружениями, технологиями, определенными гарантиями, пока это возможно, со стороны США, с другой – сегодняшняя администрация пытается избежать роли разменной карты в отношениях между КНР и США. Поэтому сегодня Тайвань планирует продолжать получать вооружение от США (в частности и системы *Patriot*), но не собирается входить в состав обязывающих соглашений вроде ПРО ТВД, которые сделают военную безопасность, а значит, и суверенитет острова заложником отношений между двумя центрами силы. Прекрасно иллюстрирует этот тезис позиция генерального секретаря правящей Демократической Прогрессивной Партии Тайваня, бывшего премьер-министра Чжан Цзюньсюня, высказанная им в 2003 г.: «Тайвань не должен приноситься в жертву улучшению отношений между КНР и США [...]. Реализация плана ПРО ТВД приведет к ситуации, когда у Японии, Южной Кореи и Тайваня ядерного оружия не будет, а останется оно только у Китая. То есть в будущем получится так, что ракетно-ядерным потенциалом в азиатской части АТР будет обладать только Китай, в этом смысле американский план оборачивается выгодами только для Пекина... Некоторые наши деятели считают, что мы должны разрабатывать ядерное оружие, чтобы иметь возможность защитить себя»⁷¹.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ТАЙВАНЕМ ВОЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В данной работе мы акцентировали внимание на ряде факторов, которые могут вызвать новый виток дестабилизации существующего баланса сил и безопасности как в Тайваньском проливе, так и в регионе в целом. Безусловно, мы не отрицаем того факта, что все описанные нами сценарии и аспекты рассмотрены в самом пессимистичном и даже апокалиптическом ключе. На сегодняшний момент мы ни в коей мере не можем утверждать, что Тайвань действительно ведет секретные разработки ядерного оружия или официально планирует предпринимать шаги в этом направлении.

С 1970 г. Тайвань является членом ДНЯО. Более того, Тайвань принял к реализации Дополнительный протокол о гарантиях МАГАТЭ⁷² и множество раз подвергался инспекциям Агентства⁷³. Но особый статус Тайваня как квази-государственного образования, государства *de facto* в рамках договора требует пристального рассмотрения в отдельной работе, посвященной этому вопросу.

Трудно спорить с тем, что появление каких-либо серьезных доказательств проведения Тайванем разработок в сфере военных ядерных технологий будет равноценно политическому самоубийству. Скорее всего, подобный сценарий не может быть приемлемым и для сегодняшней администрации президента Чэнь Шуйбяня. В случае обнаружения новых тревожных данных о тайваньской ядерной программе Китай материковый, без сомнения, пойдет на проведение упреждающей силовой операции и, судя по всему, в таком случае будет «в своем праве», так как источником угрозы выступит именно Тайвань. При таком сценарии развития событий США, скорее всего, смирятся с потерей острова в обмен на какие-то политические уступки со стороны КНР. Поэтому Тайвань был бы ре-

ально заинтересован в собственном ядерном оружии *только* в условиях внезапной полной потери поддержки «мирового сообщества»⁷⁴ или же если США продемонстрируют готовность отказаться от своих обязательств по защите суверенитета острова.

В то же время, в рамках данной работы, мы приходим и к целому комплексу неутешительных выводов, связанных с новыми дестабилизирующими процессами, проходящими сегодня в АТР.

Во-первых, Тайвань, на наш взгляд, реально *обладает потенциалом для собственной военной ядерной программы*, которую до определенного периода может развивать тайно, используя: собственные наработки и опыт в этом вопросе; уже налаженные каналы сотрудничества с Израилем и ЮАР или же новые – с Пакистаном или КНДР; развитую ядерную инфраструктуру и практически неограниченные финансовые возможности. Мы не можем уверенно судить о сроках, за которые программа может быть реализована, но представляется, что Тайваню не потребуется для этого слишком уж продолжительное время.

Во-вторых, *Тайвань заинтересован* в укреплении собственной обороноспособности и уменьшении прямой зависимости своего суверенитета от геополитических интересов США в регионе. Поэтому сегодняшняя администрация острова, держащая курс на независимость от Пекина, будет всеми возможными способами *развивать оружие не только оборонительного типа, но и наступательного, чтобы получить возможность использовать угрозу адекватного по силе разрушения ответного или превентивного удара по КНР* в качестве новой модели политики сдерживания между берегами пролива. В первую очередь это касается развития ракетного потенциала Тайваня, в последние годы выходящего на качественно новый уровень.

В-третьих, в этих условиях *правительство президента Чэня будет стремиться*, с одной стороны, всеми силами *поддерживать имидж Тайваня* как правового государства, *руководствующегося духом ДНЯО и существующего режима нераспространения*, государства, действующего в соответствии со всеми взятыми на себя международными обязательствами, дабы по-прежнему сохранять на своей стороне симпатии общественного мнения и ряда международных организаций. С другой стороны, в рамках избранного курса политики сдерживания материка, Тайваню необходимо *сохранять возможность создания собственного ядерного оружия*. Причем в идеале «открытый» потенциал разворачивания программы должен находиться «на грани», «в шаге» от реализации и претворения в жизнь. Более того, Тайвань заинтересован в том, чтобы сведения о психологической готовности лидеров острова принять решение о возобновлении программы периодически муссировались в СМИ, что, в свою очередь, опять же должно продемонстрировать Пекину возможность Тайваня и без помощи Вашингтона нанести сокрушительный ответный удар с использованием ОМУ по густонаселенным районам материка в случае проведения силовой акции присоединения.

Наконец, в-четвертых, в условиях общей дестабилизации и расшатывания региональной системы безопасности, в условиях трудностей, с которыми сегодня сталкивается существующий режим нераспространения, сам факт сохранения потенциальной возможности возобновления военной ядерной программы Тайванем несет в себе геополитическую угрозу. В первую очередь – не столько даже с точки зрения существенного влияния на расстановку сил ведущих акторов международных отношений в регионе, хотя, безусловно, переход конфронтации между материком и «мятежной провинцией» в открытое военное столкновение, да еще и с возможным применением ядерного оружия, может иметь катастрофические и труднопредсказуемые последствия, сколько с точки зрения распространения технологий военного назначения в ядерной сфере. Поэтому сегодня, зная обстоятельства «дела Абдул Кадыр Хана», мы имеем все основания опасаться того, что *Тайвань может стать одним из звеньев в цепи передачи оборудования, материалов или научных данных в этой области, учитывая его контакты, которые крайне трудно контролировать в связи с его неоднозначным статусом государства de facto, но не de jure, как с «пороговыми странами», так и со странами, уже обладающими ядерным оружием.*

Подводя итог, стоит особо отметить, что вопрос о ядерном будущем Тайваня, на наш взгляд, может рассматриваться исключительно в контексте проблемы присоединения острова к матерiku. Именно архитектура отношений в треугольнике Пекин–Вашингтон–Тайбэй определяла раньше и будет определять в обозримом будущем любую динамику во всех вопросах, касающихся безопасности в проливе. Поэтому и проблема распространения ядерного оружия в отношении Тайваня является крайне труднопрогнозируемой, но оттого еще более взрывоопасной.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву, Р.М. Тимербаеву и А.В. Хлопкову за помощь, оказанную в работе над статьей.

² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений. М.: Институт США и Канады, 1997.

³ Клименко А. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, №2.

⁴ Зиновьев Г. Отношения в треугольнике Вашингтон – Пекин – Тайбэй: политические аспекты (2000–2003 гг.). *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, №2.

⁵ Осенью 1992 г. в результате переговоров Пекин и Тайбэй смогли выработать взаимоприемлемую интерпретацию принципа «одного Китая», что получило название «консенсуса 1992 г.», этот принцип должен был стать основой для дальнейшего сближения. В 1993 г. между берегами пролива был достигнут ряд практических соглашений. Однако вскоре возникли новые разногласия относительно идеи «одного Китая» и компромисс умер, так и не родившись. Клинтон достаточно далеко зашел в своем стремлении улучшить китайско-американские отношения. Одним из символов этого курса стало заявление «трех нет» Клинтона во время его визита в Шанхай: «нет – независимости Тайваня, нет – геополитическим схемам «два Китая» и «один Китай, один Тайвань», нет – принятию Тайваня в международные организации, для участия в которых необходим государственный статус».

⁶ Зиновьев Г. Стратегическая неопределенность в Тайваньском вопросе. *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2004, №7.

⁷ Glosserman Brad. Sino-US Relations and Regional Security. Center for Strategic and International Studies. Issues & Insights. Vol. 4, № 7. 2004, August. http://www.csis.org/media/csis/pubs/v04n07_pdf%5B1%5D.pdf

⁸ Причем, несмотря на то, что военный бюджет острова в последние годы официально сокращался (затраты на оборону составляют около 3% от ВВП, порядка 8 млрд. долл. США), тем не менее сокращение это шло в основном за счет оптимизации затрат на личный состав. На деле же реальные затраты на покупку вооружений постоянно росли, так как они, как правило, утверждаются отдельно от оборонного бюджета парламентом Тайваня. Например, именно таким образом была утверждена программа закупок у США 8 дизельных подводных лодок, 6 систем *Patriot PAC III* и 12 противолодочных самолетов-истребителей *F-16*. По той же системе проводятся закупки истребителей-бомбардировщиков *Mirage* во Франции. См., например: <http://www.cdi.org/russia/234-7.cfm> В то же время сегодняшняя администрация острова планирует увеличение и основного оборонного бюджета до 9,14 млрд. долл. США. См.: US Proposes Sale of Missiles and Pilot Training Services to Taiwan. *Jane's Defence Industry*. 2005, 27 October.

⁹ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под. ред. А. Арбатова, В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

¹⁰ См., например: IAEA INFCIRC/133 и IAEA INFCIRC/158

¹¹ Иванов Д. Живот президента. <http://lenta.ru/articles/2004/03/19/taiwan/>

¹² Проведение «оборонного» референдума мотивировалось внешней опасностью, угрожающей Тайваню, в виде баллистических ракет КНР, нацеленных на остров. Вопрос, который ставился перед населением, звучал так: «Если Китай не уберет ракеты, нацеленные на Тайвань, и не откажется от планов применения силы, согласитесь ли вы с планами правительства нарастить противоракетную оборону в целях укрепления обороноспособности острова?».

¹³ Лузянин С. Пекин и Вашингтон заключают сделку. *НГ-Дипкурьер*. 2004, 26 января.

¹⁴ Верлин Е. Тайбэй пошел на попятную. *Независимая Газета*. 2004, 20 февраля.

¹⁵ The Nuclear Tipping Point. Ed. Campbell K.M., Einhorn R.J., Reiss M.B. The Brookings Institution, 2004. P. 293–313.

¹⁶ О вэй шэньмэ чжучжан ули сутун – Тайвань хэ уци чжими. (Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силой – Секретное ядерное оружие Тайваня). <http://bbs.people.com.cn/bbs/ReadFile?whichfile=3112&type&id=92>

¹⁷ Цит. по: Мэйти бао дао Тайвань хэ цзихуа. (Пресса управляет тайваньскими ядерными планами). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/15/n690747.htm>

¹⁸ Цит. по: Тайвань ю энли чжицзао хэуци ма? (У Тайваня есть возможность произвести ядерное оружие?). <http://www.chinataiwan.org/web/webportal/W2001509/A37754.html>

¹⁹ Ibid.

²⁰ Цит. по: Тай ду фэнцзы сянь юн хэу цзюй тун. (Часть тайваньцев хочет использовать ядерное оружие для противодействия объединению). http://news.xinhunet.com/mil/2004-10/22/content_2124784.htm

²¹ Ibid.

²² Тайвань: бу сюньцюнь хэ уци. (Тайвань не добывается ядерного оружия). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/19/n695324.htm>

²³ Воспоминания современников-политиков о работе и контактах с Чан Кайши см., например: Lee K.Y. *The Singapore Story: 1965–2000. From Third World to the First*. Harper Collins Publishers, N.Y., 2000.

²⁴ О вэй шэньмэ чжучжан ули сутун – Тайвань хэуци чжи ми. (Почему я считаю необходимым быстрее объединиться силой – Секретное ядерное оружие Тайваня). Op. cit.

²⁵ Ibid.

²⁶ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

²⁷ К 1988 г. Тайвань сумел накопить 85 кг плутония, однако позже 79,1 кг было возвращено в США. См., например: The Nuclear Tipping Point. Op. cit. или: Albright D., Gay C. *Taiwan's Former Nuclear Bomb Program Revealed*. Institute for Science and International Security. 1997, December 19. <http://www.isis-online.org/publications/taiwan/pr121997.html> или <http://nuclearweaponarchive.org/nwfaq/nfaq7-4.html>

²⁸ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

²⁹ FBIS Report: PRC Media Response to Taiwan Nuclear Weapons Debate Low-key. <http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/fbis111204.html>

³⁰ Тайвань ю чуань яньфа хэ уци дань цзюй тайду нуань мэй ю жэнь цзаньчэн. (Некоторые люди одобряют возобновление развития тайваньской военной ядерной программы). <http://tw.people.com.cn/gb/14811/14873/2927835.html>

³¹ Weiner T. CIA Spy Kept Taiwan from Developing Bomb, Former Officials Say. *New York Times*. 1997, 20 December.

³² Bullard M. Taiwan and Nonproliferation. http://www.nti.org/e_research/e3_61b.html

³³ Chang P.H. The Taiwan Lobby is Different. *International Herald Tribune*. 1997, 1 April.

³⁴ <http://www.politicalamazon.com/bush-chinese.html>

³⁵ Джардин Л. Дж., Холси У. Дж., Смит Ч.Ф. Технические основы обеспечения хранения иностранного отработавшего ядерного топлива и его захоронения в России. Министерство энергетики США. Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса, 2000. <http://nuclearno.ru/pdf/taiwan.pdf>

³⁶ FBIS Report: PRC Media Response to Taiwan Nuclear Weapons Debate Low-key. Op. cit.

³⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. (Открытый доклад СВР за 1995 год). <http://www.svr.gov.ru/material/4-tw.html>

³⁸ The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

³⁹ Дмитриев В. Камень убрали с дороги. *Новое Время*. 2000, №41.

⁴⁰ Facilities under Agency Safeguards or Containing Safeguarded Material on 31 December 2003. IAEA, Table A24.

⁴¹ Подробнее о технологии см.: Тимербаев Р. Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие и почему она отказалась от него. *Ядерный Контроль*. 2005, №2.

⁴² The Nuclear Tipping Point. Op. cit.

- ⁴³ Фачжань хэу? Гофанбу чжун шэнь сы бу. (Развитие ядерного оружия? Министерство обороны провозгласило «четыре нет»). <http://www.epochtimes.com/gb/4/10/17/n6925595.htm>
- ⁴⁴ La Coree du Nord a Fabrique Une Bombe d'une Tonne en Employant Quatre Kilogrammes de Plutonium. *Le Monde*. 2005, 21 July.
- ⁴⁵ IAEA INFCIRC/534. 1997, 7 April.
- ⁴⁶ Behn S. US Should Build 8 Subs in Deal with Taiwan. *Washington Times*. 2004, 29 September.
- ⁴⁷ Hille K. Taiwan is seeking missiles that could hit China. *Financial Times*. 2004, 26 September.
- ⁴⁸ [Http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/agency/csist.htm](http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/agency/csist.htm)
- ⁴⁹ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/skybow-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/skybow-2.htm)
- ⁵⁰ О модернизации тайваньской армии. *ИТАР-ТАСС*. 2003, 26 августа.
- ⁵¹ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/sky-sword-1.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/sky-sword-1.htm)
- ⁵² [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/kf-6.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/kf-6.htm)
- ⁵³ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm)
- ⁵⁴ Taiwan has developed mid-range missiles that could hit Chinese cities. *Associated Press*. 2004, 26 September.
- ⁵⁵ Цзеду Тайвань «чжаньфу». (Анализ тайваньского «топора войны»). http://military.china.com/zh_cn/jzwc/03/11028431/20050705/12457455.html
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ [Http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm](http://www.fas.org/man/dod-101/sys/missile/row/hf-2.htm)
- ⁵⁸ Тайвань сюнхун даодань кэ да Шанхай Сянган. (Стратегическая ракета Тайваня может ударить по Шанхаю и Гонконгу). <http://latelinenews.com/ll/chinese/1370098.shtml>
- ⁵⁹ Production set to begin on Hsiung Feng II-E missiles. *Taipei Times*. 2005, 5 July.
- ⁶⁰ Цзеду Тайвань «чжаньфу». (Анализ тайваньского «топора войны»). Op. cit.
- ⁶¹ Чжуань Тайвань сюнхун даодань ваньчэн цзуйчжун цзочжань пинцэ шэчэн 500 гунли. (Тайвань завершил последние боевые испытания баллистической ракеты. Дальность полета 500 км). <http://news.sohu.com/20050704/n226180098.shtml>
- ⁶² *Taipei Times*. 2005. 5 July. Op. cit.
- ⁶³ Тайвань цзяньюй сююэ шишэ «Сюнфэн-III» чаоиньсу фаньцзянь даодань. (Тайвань к апрелю произведет испытательные пуски сверхзвуковой противокорабельной ракеты «Сюнфэн-III»). <http://www.people.com.cn/GB/junshi/60/20010228/405142.html>
- ⁶⁴ Мэйго мэйти пилу Тайцзюнь «Сюнфэн-III» даодань цзишу шущюй. (Данные о Тайваньском проекте ракеты «Сюнфэн-III» из американских СМИ). <http://jczs.sina.com.cn/2005-05-28/1051292126.html>
- ⁶⁵ <http://www.fas.org/nuke/guide/taiwan/missile/index.html>
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Китай не исключает применение силы на Тайване. http://gazeta.lenta.ru/daynews/081999/40china_printed.htm
- ⁶⁸ Заявление представителя МИД КНР Чжу Банцзао. *РИА Новости*. 2001, 13 февраля.
- ⁶⁹ Совместное заявление Председателя КНР и Президента РФ по вопросам ПРО. 2000, 18 июля.
- ⁷⁰ Китай не исключает применения силы на Тайване. Op. cit.
- ⁷¹ Американская ПРО выгодна Китаю. *Независимая Газета*. 2003, 12 сентября.
- ⁷² <http://www.iaea.org/ourwork/SV/safeguards/es2004.html>
- ⁷³ Kerr P. IAEA Investigating Egypt and Taiwan. *Arms Control Today*. 2005, January/February. http://www.armscontrol.org/act/2005_01-02/Egypt_Taiwan.asp?print
- ⁷⁴ Мэйсюэчжэ: Тайвань фачжань хэуци ши шидаогуачжу. (Американские исследователи: развитие Тайванем ядерного оружия – это неверный путь, который не найдет поддержки). <http://www.washingtonobserver.org/military-twnuclear-102004CN103.cfm>

Корейский ядерный кризис относится к самым опасным направлениям ядерного распространения в начале XXI века. Вместе с тем перспективы его урегулирования пока не просматриваются². Это затрагивает ключевые интересы России. Москва претендует на значимую роль в решении этого кризиса. Однако развитие событий в последние три года все острее ставит два вопроса:

- каковы реальные возможности России влиять на результаты переговоров и иных усилий по разрешению корейского ядерного кризиса, учитывая ее сокращающиеся экономические, политические и военные позиции в Северо-Восточной Азии?
- насколько обоснована и последовательна позиция российской дипломатии в отношении этого кризиса?

ВТОРОЙ КОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС: ИТОГИ ТРЕХ ПЕРВЫХ ЛЕТ

К настоящему времени обозначились подходы затронутых корейским ядерным кризисом государств к его урегулированию, а также основные проблемы, без решения которых он может выйти на новые уровни эскалации.

Основные этапы второго корейского ядерного кризиса

Пхеньян инициировал кризис осенью 2002 г. На встрече в Пхеньяне в октябре 2002 г. американская делегация во главе с заместителем государственного секретаря США Дж. Келли поставила вопрос об осуществлении в КНДР «урановой программы». Речь шла о работах по обогащению урана для создания ядерного оружия, проводимых в нарушение Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Рамочной договоренности 1994 г. Представители КНДР признали наличие такой программы. Впоследствии северокорейское руководство утверждало, что имелось в виду лишь право на обогащение урана, но никаких работ в этой области не ведется. Эта трактовка сохраняется до сих пор. Затем последовали отказ КНДР от всех обязательств и начало нового тура работ по созданию ядерного оружия.

С этого момента и до конца 2005 г. имела место поэтапная эскалация ядерного кризиса на Корейском полуострове. В этом процессе можно выделить четыре основные стадии, причем переход от одной из них к другой связан с принятыми в КНДР решениями. Одна важная «критическая точка» имела место весной 2003 г., когда Пхеньян согласился участвовать в многосторонних переговорах по урегулированию кризиса, другая приходится на лето 2004 г. Вскоре после третьего раунда шестисторонних переговоров КНДР отказалась от

участия в переговорах, ужесточила позицию по ряду проблем урегулирования кризиса, объявила об обладании ядерным оружием и, возможно, начала подготовку к его испытаниям. Наконец летом 2005 г. Пхеньян остановил эскалацию кризиса – на время отказался от испытания, если, разумеется, оно готовилось, и согласился возобновить переговоры.

Таблица 1

Основные этапы развития второго корейского ядерного кризиса

		Сроки	Содержание
ЭТАПЫ	Первый	Октябрь 2002 г. – лето 2003 г.	Первый тур эскалации кризиса. КНДР вышла из ДНЯО; выслала из страны инспекторов МАГАТЭ; возобновила работу ядерного реактора для производства оружейного плутония; начала переработку отработавшего ядерного топлива с целью извлечения плутония. Руководство КЕДО прекратило поставки в КНДР нефтепродуктов и строительство там энергетических реакторов. В марте 2003 г. США и Южная Корея провели крупные совместные военные учения.
	Второй	Лето 2003 г. – август 2004 г.	«Стабилизация кризиса». Стороны воздерживаются от акций, способных обострить ситуацию. В апреле 2003 г. состоялись трехсторонние переговоры США, КНР и КНДР. В августе 2003 г. – июне 2004 г. прошли три раунда шестисторонних переговоров. Результатов достигнуто не было, но на третьем раунде США выдвинули план решения кризиса, учитывавший некоторые принципиальные позиции КНДР.
	Третий	Август 2004 г. – июнь 2005 г.	Второй тур эскалации кризиса. КНДР отказалась участвовать в шестисторонних переговорах; изменила концепцию переговоров – вместо обсуждения условий отказа от ядерных программ выдвинула требование переговоров относительно контроля над ядерными вооружениями в регионе; официально объявила себя государством, обладающим ядерным оружием; разгрузила реактор для получения новой порции оружейного плутония. США заявили о подготовке в КНДР ядерного испытания. США и Япония угрожали обращением в Совет Безопасности ООН, если КНДР не вернется на переговоры.
	Четвертый	Июнь 2005 г. –	«Стабилизация кризиса» на более высоком уровне эскалации. КНДР согласилась на возобновление шестисторонних переговоров; в августе – сентябре 2005 г. состоялся их четвертый раунд. Принято Совместное заявление, содержащее несколько общих принципов урегулирования кризиса. Обозначились острые расхождения по проблеме мирного использования атомной энергии в КНДР. Общих подходов к решению конкретных проблем урегулирования кризиса не найдено.

Ядерный потенциал КНДР

До сих пор нет ясности в вопросе, есть ли у КНДР ядерное оружие и если есть, то каковы размеры ее ядерного арсенала³. Это связано во многом с дефицитом достоверной информации. Практически единственными источниками информации о ядерной программе КНДР являются электронная и космическая разведка и свидетельства перебежчиков. Космическая и электронная разведка, при всех своих возможностях, не может дать точную оценку уровня научно-технического прогресса. Перебежчики в подавляющем большинстве не обладают значимой информацией о ядерных исследованиях, могут быть вольными или невольными каналами дезинформации.

Нет сомнений, однако, что Северная Корея может производить оружейный плутоний из отработавшего топлива ядерного реактора тепловой мощностью 25–30 МВт⁴. К осени 2005 г. КНДР могла иметь 45–50 кг оружейного плутония⁵. Теоретически из него можно произвести 5–10 ядерных взрывных устройств мощностью около 20 кт. Известный американский специалист-ядерщик З. Хеккер считает, что КНДР возобновила сооружение ядерного реактора электрической мощностью 50 МВт. По его мнению, этот реактор мо-

жет начать работу «через пару лет» и производить оружейный плутоний в количестве, достаточном для изготовления 10 ядерных боеприпасов в год⁶.

Заявление МИД КНДР от 10 февраля 2005 г. о том, что Северная Корея имеет ядерное оружие, не устранило имеющихся сомнений⁷. Доказательством наличия у КНДР ядерного оружия может быть только его испытание⁸. Российские эксперты по-разному объясняют, почему КНДР не испытала ядерное оружие. Северокорейские ученые не уверены в успехе испытания, считают одни. Другие полагают, что испытание откладывается из-за опасения международных санкций⁹. Наконец, утверждают, что Северная Корея не может создать ядерное оружие в силу экономической и технологической отсталости¹⁰.

Такие объяснения возможны. Но, скорее всего, Пхеньян пока просто не нуждается в испытании. Хотя окончательных доказательств этому нет, игнорировать возможность того, что у КНДР есть ядерное оружие, весьма рискованно. При этом, не проводя испытаний, КНДР не переходит грань, за которой могут последовать международные санкции, а также невыгодное для Пхеньяна изменение позиций Китая, Южной Кореи и России.

Такая неопределенность позволяет лидерам КНДР шантажировать международное сообщество, даже не располагая реальными возможностями создания ядерного оружия. Но если урегулирование кризиса перейдет в практическую плоскость, КНДР придется предоставить конкретные сведения о состоянии своих ядерных программ. Без этого невозможно, например, проверка выполнения будущих соглашений. И если выяснится, что Пхеньян попросту блефовал, последствия для него будут тяжелыми. Северная Корея не получит компенсации за отказ от ядерного оружия и станет объектом жесткого давления.

Ключевые проблемы урегулирования второго корейского ядерного кризиса

К осени 2005 г. Пхеньян в принципе согласился «демонтировать» свои военные ядерные программы и ядерное оружие в обмен на выполнение политических и экономических условий, список которых время от времени меняется¹¹. Было достигнуто понимание, что урегулирование кризиса будет поэтапным, что Северной Корее должны быть предоставлены гарантии безопасности и экономической помощи в случае отказа от ядерного оружия. Наряду с этим обозначилась совокупность проблем, которые должны быть решены для урегулирования корейского ядерного кризиса.

Последовательность действий

Очень сложным является вопрос, в каком порядке должны осуществляться шаги КНДР и США. Необходимо исключить возможность быстрого восстановления северокорейского ядерного потенциала в случае очередного отказа Пхеньяна от договоренностей. Но КНДР требует, чтобы значительная часть ее требований, прежде всего относящихся к поставке легководного ядерного реактора, была выполнена до того, когда она приступит к «демонтажу» военных ядерных программ¹². Соединенные Штаты готовы «вознаградить» Северную Корею за отказ от ядерного оружия лишь после того, как та завершит ключевые шаги по ликвидации ядерного потенциала¹³. Позиция Пхеньяна вряд ли может быть принята. Многочисленные нарушения обязательств по ДНЯО и Рамочной договоренности 1994 г. подорвали доверие к КНДР. Поэтому именно она должна доказать готовность отказаться от ядерного оружия, предприняв шаги, свидетельствующие о необратимом движении к этой цели.

Содержание возможной договоренности о «демонтаже» ядерных программ КНДР

Весьма сложным является вопрос, какие конкретно объекты, оборудование и материалы должны быть ликвидированы или демонтированы и какая деятельность должна быть запрещена, чтобы предотвратить создание в КНДР ядерного оружия. Теоретически

можно обозначить три варианта: «минималистский», «промежуточный» и предусматривающий полную денуклеаризацию Северной Кореи.

Таблица 2

Подходы к определению объекта договоренности об устранении возможности создания в КНДР ядерного оружия

Подход	Примерное содержание договоренности
Минималистский	Ликвидируются или вывозятся из страны ядерное оружие и/или ядерные взрывные устройства, объекты и оборудование для обогащения урана и выделения плутония из отработавшего топлива, произведенные ядерные оружейные материалы. «Замораживается» имеющийся у КНДР реактор тепловой мощностью 25 МВт. Дается принципиальное согласие на строительство в КНДР легководного реактора после демонтажа ядерного оружия при условии, что отработавшее топливо вывозится за ее пределы.
Промежуточный	В дополнение к мерам, предусмотренным «минималистским подходом», ликвидируется ядерный реактор, служащий для производства оружейного плутония, запрещаются строительство новых ядерных реакторов, в том числе легководных, и добыча урана, ликвидируются урановые шахты, произведенный уран вывозится за пределы страны. Государства-участники соглашения берут на себя обязательство о поставках в КНДР энергоресурсов, компенсирующих вывезенный уран и ее гипотетические потери в результате отказа от ядерной энергетики.
Полная денуклеаризация КНДР	В КНДР запрещается вся ядерная деятельность, за исключением использования радиоактивных изотопов в медицине, сельском хозяйстве и некоторых отраслях промышленности. Запрещены исследования и разработки, направленные на создание ключевых неядерных компонентов ядерного оружия. Все соответствующие объекты и оборудование ликвидируются, производится переподготовка специалистов. Осуществляется интрузивный контроль над северокорейскими научно-исследовательскими центрами.

Будущая договоренность должна максимально замедлить осуществление КНДР военных ядерных проектов в случае ее выхода из Соглашения. Для этого важно запретить не только производство оружейных материалов, но и создание других компонентов ядерного оружия, прежде всего необходимых для реализации импловзивной схемы подрыва плутониевого боеприпаса. Если КНДР не имеет пока ядерного оружия, то причина этого – именно неспособность осуществить импловзивный подрыв боеприпаса.

Урановая программа КНДР

Как уже говорилось, Пхеньян отрицает проведение работ по обогащению урана – как в военных, так и в гражданских целях¹⁴. США, со своей стороны, настаивают на том, что такие работы в КНДР ведутся и, соответственно, предназначенные для них объекты и оборудование должны быть выявлены и ликвидированы. Заявления северокорейского руководства доверия не вызывают. В открытых источниках приводятся четыре основных аргумента, подтверждающих усилия КНДР в этой области:

- наличие «подозрительных» объектов на территории Северной Кореи¹⁵;
- продажа Ливии значительной партии гексафторида урана, используемого в процессе его обогащения;
- закупки специальных материалов для производства центрифуг, необходимых для обогащения; и
- получение из Пакистана центрифуг для обогащения урана и их чертежей¹⁶.

Вместе с тем на основе открытой информации трудно оценить достигнутый в КНДР прогресс в области обогащения урана и, следовательно, перспективы создания там оружия на его основе.

Мирное использование атомной энергии

Вплоть до завершения четвертого раунда шестисторонних переговоров США требовали демонтажа всех ядерных программ КНДР. Это означало отрицание права Северной Кореи на использование атомной энергии не только в военных, но и в мирных целях. Китай, Россия и Южная Корея поддержали претензии КНДР на осуществление мирной ядерной деятельности. В ходе четвертого раунда позиция США несколько изменилась: в Совместном заявлении говорилось об «уважении права» КНДР на мирное использование ядерной энергии, что соответствует ДНЯО. Отрицание права Северной Кореи на мирную ядерную деятельность могло бы еще более обострить ситуацию вокруг этого Договора. Но многие ядерные технологии имеют двойное назначение. Опыт Ирана показывает, что признание права на создание ядерной энергетики может немедленно повлечь за собой требование о признании права на обогащение урана. Между тем технологии производства низкообогащенного урана для энергетических реакторов практически не отличаются от технологий производства высокообогащенного урана для ядерного оружия. Правда, признание за КНДР права на мирное использование ядерной энергии не влечет за собой обязательств по оказанию ей содействия в ядерной области.

Строительство в КНДР легководного ядерного реактора

Пхеньян не удовлетворился теоретическим признанием права на мирную ядерную деятельность, но в ультимативном порядке потребовал от США предоставить КНДР легководный ядерный реактор для производства электроэнергии. Соединенные Штаты к этому не готовы. Разногласия по этому вопросу стали одним из наиболее крупных препятствий на шестисторонних переговорах.

Считается, что изотопный состав плутония в отработавшем топливе легководных реакторов не позволяет изготовить из него ядерное оружие¹⁷. Есть и другая точка зрения¹⁸. Правда, в инженерном отношении боеприпас из «реакторного плутония» существенно сложнее, чем боеприпас, изготовленный из оружейного плутония; для него требуется больше плутония, а мощность взрыва будет меньше.

Таким образом, строительство в КНДР легководных реакторов даст ей возможность производить плутоний и, что важнее, претендовать на право обогащать уран. Кроме того, там сложно использовать произведенную на АЭС электроэнергию. Линии электропередачи, распределительные сети и подстанции в Северной Корее крайне изношены и работают на пределе возможностей. Они могут не выдержать существенного увеличения производства электроэнергии.

Верификация

Принципиальное значение имеет надежная проверка выполнения КНДР будущего соглашения. Она должна удостовериться, что:

- КНДР предъявила все объекты, все ядерное оружие, оборудование и материалы тех типов, которые по соглашению должны быть ликвидированы или вывезены за пределы страны;
- все указанные объекты, оружие, оборудование и материалы ликвидируются, демонтируются или вывозятся за пределы КНДР;
- КНДР не имеет укрытых от международных инспекций ядерных оружейных материалов, взрывных устройств или ядерных боеприпасов.

Решение этих задач требует намного более масштабных и интрузивных процедур верификации, чем это определено имеющимися соглашениями по контролю над ядерными вооружениями. В частности, ни одно из них не предусматривало уничтожение ядерных боеприпасов. Поскольку Северная Корея объявила себя государством, имеющим ядерное оружие, Пхеньян должен:

- предъявить все изготовленные ядерные взрывные устройства или боеприпасы;
- продемонстрировать, сколько плутония и урана в них содержится;
- доказать, что других ядерных оружейных материалов произведено не было, для чего требуется детальная и проверяемая информация о ядерной деятельности в последние 15–20 лет.

Поскольку КНДР может завязать потери оружейных материалов и тем самым скрыть их часть от международных инспекторов, необходимо удостовериться, что в распоряжении КНДР нет утаенных ядерных материалов и боеприпасов. Это требует инспекции практически любого объекта на территории КНДР. Скорее всего, это будет воспринято в Пхеньяне как неприемлемая «потеря лица», даже если там будет принято политическое решение об отказе от ядерного оружия.

Помимо этих трудностей, которые возникнут в будущем, сегодня возникли разногласия относительно механизма верификации. КНДР требует создания специального, не имеющего отношения к МАГАТЭ механизма контроля. Согласие с этим ослабит статус МАГАТЭ и создаст негативный прецедент для решения других проблем ядерного нераспространения. Кроме того, даже если это требование будет принято, согласование деталей функционирования такого механизма может продлиться несколько лет.

Гарантии безопасности

Гарантии безопасности КНДР в случае ее отказа от ядерного оружия являются одним из ключевых элементов урегулирования кризиса. Общее согласие, что какие-то гарантии безопасности КНДР должны быть предоставлены, было достигнуто. Однако единого понимания содержания и механизма этих гарантий нет.

Таблица 3

Представления КНДР и США о гарантиях безопасности (по состоянию на сентябрь 2005 г.)¹⁹

Требования КНДР	США
<p>Вывод американского ядерного оружия из Южной Кореи и исключение его повторного размещения там;</p> <p>прекращение всех учений, «предполагающих ядерную войну против КНДР»;</p> <p>устранение «инструментов, с помощью которых кто-либо может угрожать другим странам ядерным оружием»;</p> <p>установление «отношений доверия между окружающими странами, в том числе между КНДР и США»;</p> <p>предоставление гарантий неприменения ядерного оружия против КНДР;</p> <p>отказ от использования американского «ядерного зонтика» для защиты Южной Кореи от агрессии со стороны третьей державы;</p> <p>отказ от попыток насильственно сменить режим в КНДР.</p>	<p>Многосторонний документ, заменяющий соглашение о перемирии 1953 г.</p>

Северокорейские требования неприемлемы для США, поскольку означают отказ от союзнических обязательств по отношению к Южной Корее. Соединенные Штаты (как и другие участники переговоров) не откажутся от учений в зоне Дальнего Востока, которые включают использование ядерного оружия. Непонятно, какие гарантии непримене-

ния ядерного оружия против Северной Кореи могут дать США. Строго говоря, это требование полного уничтожения американского ядерного оружия.

Военно-политические последствия второго корейского ядерного кризиса

Оставаясь неурегулированным, ядерный кризис на Корейском полуострове будет дестабилизировать стратегическую обстановку в регионе и в глобальном контексте. Конкретно:

- В регионе начнется «ядерное домино». Ядерное оружие, скорее всего, будет создано в Японии, где имеется около 5,6 т плутония, пригодного для создания нескольких тысяч ядерных боеприпасов²⁰. От момента принятия Токио соответствующего решения до изготовления первых ядерных боеприпасов может пройти несколько месяцев. За этим, скорее всего, последует развертывание высокотехнологичных систем *C⁴RI*, а также ракет, способных наносить «хирургические» удары по Северной Корее.
- Это стимулирует настроения в пользу создания ядерного оружия в Южной Корее и на Тайване. Кроме того, в Японии, на Тайване и в Южной Корее будет ускорено создание противоракетной обороны вместе с США. Вашингтон увеличит военное присутствие в Северо-Восточной Азии. Китай в ответ будет наращивать усилия в ракетно-ядерной области, что еще больше подтолкнет региональную гонку вооружений.
- Кризисная стабильность на Корейском полуострове снизится. США и Япония не могут игнорировать возможность применения Северной Кореей ядерного оружия и в случае обострения кризиса могут нанести превентивный удар. В Пхеньяне, в свою очередь, могут руководствоваться аналогичной логикой.
- «Ядерное домино» на Дальнем Востоке приведет к фактическому краху режима ядерного нераспространения. Многие государства-участники ДНЯО убедятся, что выход из него остается безнаказанным, а ведущие государства не могут остановить страну, бросающую вызов международному сообществу.
- Нельзя исключать передачу КНДР ядерных материалов государствам, поддерживающим терроризм, или террористическим группировкам. В Пхеньяне могут попытаться использовать ядерный террористический акт за пределами Северо-Восточной Азии, чтобы отвлечь внимание от ситуации на Корейском полуострове. Угроза ядерного распространения из КНДР может привести к международным санкциям против нее. Это вызовет эскалацию кризиса, в том числе может привести к столкновению военных кораблей вблизи северокорейского побережья.

Совместное заявление

19 сентября 2005 г., в последний день четвертого раунда шестисторонних переговоров, их участники приняли Совместное заявление. В нем зафиксированы некоторые принципы урегулирования кризиса, хотя основные проблемы, требующие решения, отложены на будущее. Помимо бессодержательных ссылок на ООН, упоминания взаимного уважения и равенства это Заявление содержит следующие основные положения.

После принятия Совместного заявления появились, в том числе в России, весьма оптимистические оценки его значения для урегулирования корейского ядерного кризиса²¹. Такие оценки преувеличены. Формулировки, относящиеся к вопросам о гарантиях безопасности и поставки ядерного реактора, сводятся к тому, что эти проблемы будут обсуждаться когда-нибудь в будущем на «соответствующих форумах» или «в соответствующее время». Новым является лишь уважение со стороны США права КНДР на мирное

использование ядерной энергии. «Пакетный принцип» урегулирования кризиса не упомянут. Вопрос, как именно увязаны друг с другом действия КНДР и других стран, остался открытым. В итоге конкретные контуры урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове не намечены.

Таблица 4

Основное содержание Совместного заявления²²

Положения совместного заявления	Комментарий
Цель шестисторонних переговоров – проведяемая денуклеаризация Корейского полуострова мирным путем.	Согласие с этой целью выражалось ранее. Косвенным образом указывается, что «денуклеаризация» означает отказ от ядерного оружия, поскольку Южная Корея находится на данном полуострове, имеет развитую ядерную энергетику и не собирается от нее отказываться.
КНДР обязалась отказаться от всего ядерного оружия и «существующих ядерных программ», вернуться в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ «в сжатые сроки» ²³ .	Упоминание «существующих» ядерных программ означает, что КНДР зафиксировала право осуществлять «новые» ядерные программы. Упоминание МАГАТЭ может свидетельствовать об изменении позиции КНДР по вопросу о механизме верификации.
КНДР заявила о своем праве на мирное использование ядерной энергии. Другие стороны «выразили свое уважение этого права и согласились обсудить в надлежащее время вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора».	Данный компромисс не имеет реального содержания, поскольку не конкретизировано, что означает «уважение права» на мирное использование ядерной энергии. Вопрос о поставках легководного реактора отложен на неопределенное будущее.
Китай, Япония, США, Южная Корея и Россия согласились предоставить КНДР «содействие в области энергетики».	Такое согласие выражалось и ранее.
США подтвердили, что в Южной Корее нет американского ядерного оружия. Южная Корея еще раз подтвердила, что на ее территории нет ядерного оружия, что она не будет получать ядерное оружие или размещать его на своей территории.	Новым является, по-видимому, только официальное заявление США об отсутствии ядерного оружия в Южной Корее.
США заявили, что уважают суверенитет КНДР, не намерены нападать на нее или вторгаться в нее с помощью ядерного или обычного оружия.	Это заявление впервые было сделано в процессе подготовки к четвертому раунду.
Стороны согласились изучить пути «содействия сотрудничеству в области безопасности в Северо-Восточной Азии», а «непосредственно вовлеченные стороны» будут вести переговоры о постоянном режиме поддержания мира на Корейском полуострове «на надлежащем отдельном форуме».	Вопрос о гарантиях безопасности заменен вопросом о постоянном «режиме поддержания мира», суть которого не конкретизирована. Такой режим предполагает, в частности, обязательства КНДР по ограничению вооружений и военной деятельности. Упоминание «непосредственно вовлеченных сторон» означает, что Россия, а также, возможно, Япония не будут участвовать в будущих переговорах.
Достигнутый консенсус будет претворен в жизнь поэтапно и в соответствии с принципом «обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие».	Эта формула упоминалась и ранее.

КОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ядерный кризис на Корейском полуострове вписан в систему других проблем безопасности в Северо-Восточной Азии. Перспективы его урегулирования во многом определяются совпадением или расхождением подходов государств региона ко всей совокупности существующих и назревающих стратегических проблем. Среди них особую роль играет озабоченность растущей мощью Китая. Государства Дальнего Востока с тревогой воспринимают также возможность краха пхеньянского режима. В этом случае вероятны острая борьба за власть высших командиров вооруженных сил, распад системы управления, социальный хаос и тому подобное.

КНДР

Многие уверены, что действия КНДР являются ответом на угрозу со стороны США. Считается, что причисление ее к государствам «оси зла» и невыполнение Соединенными Штатами обязательств по Рамочной договоренности вынудили Пхеньян создать средства ядерного сдерживания. Эту версию отстаивает руководство КНДР. Другие предполагают, что ядерная программа КНДР является «разменной монетой» в сделке, цель которой – получить максимальную помощь для поддержания разложившейся экономики и гарантии невмешательства во внутренние дела. И то и другое важно для выживания режима, особенно в свете предстоящего перехода власти к преемнику Ким Чен Ира. Для руководства КНДР желательно также расширить круг партнеров на мировой арене, избавиться от экономической и, как следствие, политической зависимости от Китая. Наконец, ядерное оружие могло понадобиться Пхеньяну, чтобы предотвратить вмешательство США в возможные военные действия против Юга.

Предположение, что ядерное оружие понадобилось КНДР для нейтрализации американской угрозы, малообоснованно. Вблизи демилитаризованной зоны в подземных сооружениях развернуто около 8 тыс. северокорейских артиллерийских и ракетных систем, способных в первые часы войны разрушить Сеул до основания. Это – мощный фактор сдерживания США и Южной Кореи. Далее, президент Дж. Буш действительно причислил КНДР к «оси зла». Но около трети из примерно 1 млрд. долл., выделенных США на помощь Северной Корее после 1996 г. (продовольствие, медикаменты, мазут и так далее), было предоставлено в 2001–2002 гг., после прихода в Белый дом нынешней администрации²⁴. Кроме того, КНДР инициировала ядерный кризис не сразу после заявления Дж. Буша, но через девять месяцев после того как оно было сделано. В это время США готовились к операции против Ирака и не могли должным образом отреагировать на действия КНДР. Это свело к нулю военную угрозу в адрес КНДР со стороны Соединенных Штатов.

Если КНДР действительно имеет ядерное оружие, то она должна была вести работы в военной ядерной области на протяжении всех 1990-х гг., в нарушение обязательств по ДНЯО и Рамочной договоренности. А.-К. Хан и другие пакистанские деятели подтвердили, что КНДР получала оборудование и *know-how* для обогащения урана во второй половине 1990-х гг. Иными словами, ее урановая программа была начата задолго до упомянутых заявлений президента Дж. Буша.

В Пхеньяне, скорее всего, добиваются максимальных выгод от отказа от ядерной программы. С этой целью КНДР ведет рискованную игру, балансируя на грани перехода конфликта в неуправляемую стадию, но не переходя ее. Северокорейское руководство не готово сорвать переговоры, опасаясь нежелательных изменений в позиции Китая, России и Южной Кореи. Вместе с тем Пхеньян стремится максимально их затянуть, выдвигая заведомо неприемлемые требования и провоцируя длительные перерывы в переговорном процессе. Имеет место корреляция действий КНДР с развитием событий в Ираке. Очевидно, что КНДР остановила эскалацию кризиса весной 2003 г., учитывая быстрый разгром иракской армии. Но когда к лету 2004 г. в Ираке обозначился военно-политический тупик, Пхеньян начал новый тур эскалации.

Возможно, впрочем, что, используя переговоры, Пхеньян пытается выиграть время и создать необходимое количество ядерных боеприпасов, но не допустить жестких действий международного сообщества. Наконец, нельзя исключать, что северокорейское руководство просто не знает, как выйти из трудного положения, в которое оно само себя поставило, если ядерные потенциалы КНДР существенно преувеличены.

США

Появление ядерного оружия у КНДР рассматривается в США как серьезная угроза безопасности. Особое беспокойство вызывает возможность передачи Северной Кореей ядерного оружия, материалов или технологий террористическим группировкам или враждебным США режимам. Интересам Соединенных Штатов не соответствует обострение обстановки в Северо-Восточной Азии, имея в виду значение региона в глобальной экономике и союзнические обязательства перед Японией и Южной Кореей. Нарушение этих обязательств для Вашингтона неприемлемо. Однако втягивание в вооруженный конфликт для защиты союзников от агрессии крайне нежелательно. При этом использование США военной силы для ликвидации северокорейского ядерного потенциала с помощью массированных «хирургических» ударов вызывает серьезные сомнения:

- разведка не может заранее обнаружить все хранилища ядерных боеприпасов, пусковые установки ракет и сами ракеты;
- находясь в подземных убежищах, некоторые ядерные боеприпасы и ракеты могут сохраниться после удара, даже если он нанесен ядерными боеприпасами глубокого проникновения;
- северокорейские войска, сосредоточенные вблизи демилитаризованной зоны, слишком многочисленны для того, чтобы быть уничтоженными в течение нескольких часов.

Это предопределяет интерес США к санкциям против КНДР вплоть до введения полной морской и воздушной блокады и, с другой стороны, к поискам политического решения. Непременными условиями такого решения являются ликвидация северокорейского ядерного оружия, предприятий его разработки и производства, а также минимизация риска возобновления ядерных оружейных программ, если КНДР нарушит соглашения об отказе от ядерного оружия. Эти установки разделяются практически всем американским политическим классом. Да и, по сути дела, нет смысла соглашаться с урегулированием кризиса, если у КНДР сохраняется возможность быстро возобновить производство ядерного оружия. Вместе с тем в США существуют серьезные расхождения относительно путей достижения этих целей. Одни считают, что с КНДР можно заключить сделку, включающую надежные гарантии безопасности пхеньянского режима и безъядерного статуса КНДР, другие предполагают, что единственным средством урегулирования кризиса являются жесткое давление на Пхеньян и, в конечном итоге, смена режима²⁵.

Блокирование Пхеньяном приемлемого соглашения об отказе КНДР от ядерного оружия подтверждает аргументы сторонников жесткой линии. Однако вовлеченность в Ираке, обострение иранской ядерной проблемы и в целом ситуация на Ближнем Востоке отвлекают ресурсы США от Дальнего Востока. Эффективные санкции против Северной Кореи невозможны без поддержки Китая и Южной Кореи. Но эти государства не готовы участвовать в указанных санкциях. Следовательно, решение ядерного кризиса на Корейском полуострове пока не просматривается. При этом в США могли прийти к выводу о том, что КНДР уже имеет ядерное оружие, но ничего катастрофического пока не произошло. И, наконец, ядерное вооружение Японии не угрожает, по сути дела, стратегическим интересам США. Возможно даже, что становление Японии в качестве ядерной державы отвечает этим интересам, поскольку создается противовес растущей мощи Китая, который рассматривается как соперник, а может быть, и противник США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В этих условиях США, скорее, сосредоточатся на предотвращении распространения ядерного оружия и материалов из Северной Кореи, а не на разрешении кризиса в целом. Кроме того, Вашингтон заинтересован в том, чтобы не допустить существенного обострения ситуации, например в результате проведения КНДР ядерных испытаний, что потребовало бы крупномасштабного, в том числе силового вмешательства²⁶. Другое направление американской политики в регионе – наращивание боеспособности американских войск, дислоцированных в регионе, совершенствованием японо-американского военного взаимодействия, развертыванием противоракетной обороны²⁷.

Военная акция США против Северной Кореи возможна только в крайнем случае, например в ответ на неустрашимую политическими средствами угрозу применения Пхеньяном ядерного оружия или развязывания им новой войны на Корейском полуострове. Но более вероятный сценарий предполагает столкновение северокорейских и американских вооруженных сил в случае перехвата корабля или самолета КНДР, заподозренного в перевозке ядерного оружия, материалов или оборудования. Нельзя также исключать американского военного вмешательства в Северной Корее в случае краха режима, возникновения там хаоса и попадания ядерного оружия в руки авантюристических элементов²⁸.

Китай

Китай заинтересован в мирном урегулировании корейского ядерного кризиса²⁹. Такое урегулирование, по мнению Пекина, должно включать в себя: гарантии ненападения на КНДР со стороны США; возвращение КНДР в ДНЯО и под инспекции МАГАТЭ; признание права Северной Кореи на мирную ядерную деятельность. Оставаясь неурегулированным, кризис может привести к неприятным для Китая последствиям: «ядерному домино», росту вооруженного противостояния на Корейском полуострове, снижению там кризисной стабильности, противоречиям с США и Южной Кореей, если конфронтация на полуострове перейдет приемлемые рамки. Очаг напряженности на Корейском полуострове отвлекает ресурсы Китая от главного – обеспечения международно-политической обстановки, благоприятной для реализации экономических планов и для присоединения Тайваня. Китай стремится предотвратить нарастание в регионе американского военного присутствия и развертывание ПРО театра военных действий, не заинтересован в росте военного, особенно ядерного, потенциала Японии. Все это может осложнить далеко идущие планы Пекина, поэтому обуславливает стремление Китая не допустить обострения корейского ядерного кризиса и дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, в том числе в результате жестких мер против КНДР, включая санкции по решению ООН или без него. Шестисторонние переговоры помогают существенно повысить международный авторитет КНР, что укрепляет позиции Китая в тайваньском вопросе.

Кроме того, для Пекина важно сохранить Северную Корею как «буфер» между своей территорией и зоной размещения американских сухопутных сил: для Китая неприемлемо усиление американского политического и военного влияния в регионе, особенно вблизи своих границ³⁰. Руководители КНР, планируя действия на случай обострения обстановки в зоне Тайваньского пролива, хотели бы ограничить свободу маневра американских войск, развернутых на Корейском полуострове. Между тем, если КНДР пойдет когда-либо на подлинный отказ от ядерного оружия, это будет сделано только при условии многомиллиардных капиталовложений из США, Японии и Южной Кореи, что, в свою очередь, приведет к нежелательной для Китая внешнеполитической переориентации Северной Кореи.

Китай является единственным политическим союзником Северной Кореи, ее главным торговым партнером и источником экономической помощи³¹. Считается, что торговля с Китаем и поступающая оттуда экономическая помощь обеспечивают до 80 % потребностей населения КНДР в предметах первой необходимости и большую часть потребительских товаров³². Вместе с тем влияние Пекина на северокорейскую правящую клику ограничено. В Пхеньяне хорошо понимают, что в случае военного конфликта на полуострове Китай вряд ли вмешается в него на стороне КНДР; раздражены тем, что Пекин не

поддержал северокорейские ядерные амбиции; недовольны многолетней зависимостью от Китая в экономической области.

По сути дела, у Китая имеется только один рычаг «материального» воздействия на КНДР – прекращение помощи и свертывание экономических отношений. Однако это может подтолкнуть крах режима с трудно предсказуемыми последствиями. Хаотическое развитие событий в КНДР повлечет за собой, скорее всего, вооруженное вмешательство Юга и США, что никак не соответствует интересам Китая. В этих условиях линия Пекина, скорее всего, направлена на то, чтобы не допустить обострения корейского ядерного кризиса и предотвратить возможное усиление позиций США и Японии в регионе. Равнодействующая этих стратегий в том, чтобы поддерживать статус-кво.

Япония

Япония может оказать экономическое давление на Северную Корею. Проживающие в Японии корейцы ежегодно переводят в КНДР от 30 до 150 млн. долл.³³. Япония является третьим по величине товарооборота экономическим партнером Северной Кореи. На ее долю приходится 13% северокорейского экспорта и около 5% северокорейского импорта³⁴. В 2004 г. японский парламент принял закон, по которому может быть наложен запрет на заход северокорейских кораблей в японские порты и остановлены переводы денежных средств в КНДР.

Политика Японии в отношении корейского ядерного кризиса определяется во многом географической близостью к Северной Корее; наличием на японской территории американских войск; а также болезненной для японского общественного мнения проблемой японских граждан, похищенных много лет назад северокорейской разведкой. Наиболее серьезную озабоченность в Японии вызывает возможность ракетно-ядерного удара КНДР по американским базам, находящимся на японской территории, и даже по собственным японским объектам. Это предопределяет заинтересованность Токио в том, чтобы надежно предотвратить ядерное вооружение КНДР, прежде чем та развернет баллистические ракеты с ядерными боезарядами, способные достичь Японии.

В свете этого Япония поддерживает возможность обращения в Совет Безопасности ООН с просьбой рассмотреть корейскую ядерную проблему, может поддержать решительные меры против КНДР. Вместе с тем Япония включает в решение корейского кризиса вопрос о северокорейской ракетной программе и проблему «похищенных»³⁵. Такой подход не находит поддержки у участников шестисторонних переговоров, хотя северокорейский ракетный арсенал является дестабилизирующим фактором в регионе. Видимо, в повестку дня будущих обсуждений может быть включен пункт, который в Совместном заявлении звучит как «постоянный режим поддержания мира на Корейском полуострове». Вместе с тем японское правительство не склонно поддерживать, по крайней мере публично, идею смены режима в КНДР, полагая, что это могло бы спровоцировать жесткую реакцию Пхеньяна, что еще более затруднит решение проблемы «похищенных».

Поскольку политическое решение корейского ядерного кризиса не просматривается, Япония, скорее всего, будет наращивать военный потенциал, в перспективе – ядерный и развертывать совместно с США противоракетную оборону. Возможно движение к пересмотру статей конституции Японии, регулирующих использование военной силы для защиты безопасности страны. Руководство японской Либерально-демократической партии выступило с соответствующим проектом осенью 2005 г.³⁶.

Южная Корея

В основе подхода Южной Кореи к корейскому ядерному кризису лежат следующие факторы:

- подталкивание «коррекции режима» и экономических трудностей в КНДР контрпродуктивно для Южной Кореи, поскольку может привести на Севере к неконтролируемому развитию событий и необходимости вооруженного вмешательства со стороны Южной Кореи и США;
- представление, что Пхеньян не начнет неспровоцированную агрессию против Юга независимо от того, имеет он ядерное оружие или нет;
- уверенность, что новая крупная война на Корейском полуострове окончится в конечном итоге победой Южной Кореи и США, но приведет к катастрофическим последствиям для экономики и населения обоих корейских государств.

В силу этих представлений Южная Корея стремится по возможности не раздражать Пхеньян и не «загонять его в угол», пытается «заморозить ситуацию», продолжать «политику вовлечения», надеясь таким образом не допустить провоцирования войны и содействовать постепенному мирному перерождению пхеньянского режима³⁷. Сеул выступает за предоставление КНДР гарантий безопасности, негативно относится к жесткому силовому давлению на нее, готов предоставить КНДР значимую экономическую помощь в случае отказа последней от ядерного оружия.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КОРЕЙСКОГО ЯДЕРНОГО КРИЗИСА: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Сохранение корейского ядерного кризиса в его нынешнем состоянии все более приходит в противоречие с интересами России в регионе. Россия, как и Япония, хотя и по другим причинам, заинтересована не столько в том, чтобы заморозить кризис, сколько в том, чтобы его разрешить, прежде чем он породит нежелательные последствия.

Корейский ядерный кризис и стратегические интересы России на Дальнем Востоке

Гонка вооружений в северной части Тихого океана, особенно превращение Японии в современную мощную военную державу и сопряженное с этим форсированное наращивание китайской и, в ответ на это, американской военной мощи на Дальнем Востоке приведет к изменению соотношения военных сил в Северо-Восточной Азии не в пользу России. Снизится ее военно-политическая роль в регионе, где стратегическая обстановка существенно осложнится. В этой ситуации Россия либо будет вынуждена заметно увеличить свои вооруженные силы на Дальнем Востоке, что потребует крупных непроизводительных затрат ресурсов, либо ее возможности силовой защиты своих интересов в новой ситуации заметно сократятся.

Стратегическое положение России на Дальнем Востоке вызывает озабоченность уже сегодня. По данным Международного института стратегических исследований, сухопутные войска двух военных округов – Сибирского и Дальневосточного – насчитывают всего около 125 тыс. человек личного состава³⁸. Это в три с лишним раза меньше, чем личный состав сухопутных войск Китая, развернутых в граничащих с Россией военных округах – Пекинском и Шеньянском³⁹. Российский Тихоокеанский флот, важнейший инструмент силовой защиты безопасности страны, имеет в своем составе 8 крупных боевых кораблей, в том числе один ракетноносный крейсер, 5 ракетноносных эсминцев и 2 ракетноносных фрегата⁴⁰. В свою очередь, японский военный флот насчитывает 53 крупных боевых корабля, в том числе 39 ракетноносных эсминцев⁴¹. Единственным надежным средством обеспечения военной безопасности России в этой зоне является ядерное оружие. Но гонка вооружений и «ядерное домино» могут нейтрализовать его значение.

Вооруженный конфликт на Корейском полуострове тяжело скажется на экономическом и социально-политическом положении на российском Дальнем Востоке. Он, в частности, приведет к потоку беженцев из Северной Кореи. Будут окончательно перекрыты пер-

спективы реализации экономических проектов, обещающих крупные выгоды для России. Наконец, обострение военно-политической ситуации на Корейском полуострове заблокирует иностранные инвестиции в разработку восточносибирских нефтегазовых месторождений.

Болезненным будет для России ослабление режима ядерного нераспространения, если три постоянных члена Совета Безопасности ООН окажутся не в состоянии урегулировать корейский ядерный кризис. Это покажет всем государствам и группировкам, пытающимся получить ядерное оружие, что такого рода попытки оказываются безнаказанными, если распространитель удачно выбрал время и успешно шантажирует международное сообщество. Северокорейское руководство может пойти на тайные поставки ядерного оружия, материалов и технологий в том числе и исламским террористическим организациям.

В этих условиях России необходимо активно добиваться скорейшего урегулирования корейского ядерного кризиса. Чем дольше он остается неразрешенным, тем больше вероятность реализации последствий, негативно скажущихся на российских национальных интересах. Для России малоприемлема стратегия выжидания, нацеленная на предотвращение дальнейшего обострения кризиса в надежде на то, что с течением времени произойдет перерождение северокорейского режима и к власти в Пхеньяне придут конструктивно мыслящие деятели.

Ресурсы влияния России на обстановку на Корейском полуострове и вокруг него

Ресурсы влияния России на урегулирование корейского ядерного кризиса невелики. Вероятность военного вмешательства России в вооруженный конфликт на Корейском полуострове минимальна. Это может иметь место лишь в том случае, если боевые действия распространятся на российскую территорию, что маловероятно. Возможности России по оказанию экономической помощи Северной Корее также минимальны. Упомянутые ранее крупные международные проекты не осуществляются, среди причин – отсутствие у России средств для их финансирования. Россия не может манипулировать торговлей с Северной Кореей для оказания на нее политического влияния, поскольку объем торговли между Россией и КНДР сократился к середине прошлого десятилетия примерно в 10 раз по сравнению с 1980-ми гг. При этом северокорейский импорт из России, главными статьями которого являются нефть, уголь и черные металлы, в 20–30 раз превышает экспорт из КНДР в Россию. Несмотря на заметный, примерно в четыре-пять раз, рост в нынешнем десятилетии, торговля Северной Кореей с Россией составляет сейчас незначительную долю – около 4–6% северокорейского товарооборота с зарубежными государствами. Не урегулирован вопрос о долгах Северной Корее, что препятствует дальнейшему расширению двухстороннего экономического взаимодействия. Поставки из России в Северную Корею того, что там хотели бы получить более всего – вооружения и запасные части к имеющейся у Пхеньяна военной технике советского производства, в нынешнем десятилетии минимальны⁴². Все это не позволяет России использовать экономические взаимосвязи как средство воздействия на Пхеньян, если бы в Москве было принято такое решение.

Поскольку военных и экономических рычагов воздействия на политику Пхеньяна у России нет, особое значение приобретает политическое влияние. Последнее, в свою очередь, во многом зависит от дипломатического искусства лиц, отвечающих за осуществление внешней политики.

Политика России в отношении корейского ядерного кризиса: основные установки

Инициирование КНДР второго ядерного кризиса осенью 2002 г. оказалось, как можно предположить, полной и неприятной неожиданностью для российской дипломатии, которая не смогла предвидеть такого развития событий. Это, по сути дела, разрушило вы-

строенную МИД России стратегию укрепления российских стратегических позиций в Северо-Восточной Азии на основе развития конструктивных отношений с КНДР, которая осуществлялась с 1999–2000 гг. Эта линия, в частности, позволила России до начала второго ядерного кризиса выступать в качестве влиятельного посредника в налаживании отношений между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом и Вашингтоном – с другой⁴³.

Первоначально МИД России понадобилось около трех месяцев, чтобы, помимо повторения известных тезисов о необходимости строгого соблюдения всех положений и обязательств КНДР по «краеугольному Договору о нераспространении ядерного оружия, который является залогом не только глобальной стратегической стабильности, но и мира и безопасности на Корейском полуострове», а также обязательств других сторон по Рамочной договоренности 1994 г., выработать свой рецепт решения кризиса. В январе 2003 г. МИД России выступил с инициативой «пакетного» решения кризиса. Это предложение предусматривало:

- обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова;
- строгое соблюдение ДНЯО;
- выполнение всеми сторонами обязательств, вытекающих из других международных договоренностей, включая Рамочное соглашение 1994 г.;
- конструктивный двухсторонний и многосторонний диалог между всеми заинтересованными сторонами, одним из результатов которого должны стать гарантии безопасности КНДР;
- возобновление гуманитарных и экономических программ, действовавших на Корейском полуострове⁴⁴.

По сути дела, «пакетное» решение предполагало возвращение к *status quo ante*, дополненному гарантиями безопасности КНДР. Такой подход мог бы, теоретически, привести к полезным результатам, если бы Пхеньян был готов отказаться от начатой осенью 2002 г. линии на обретение ядерного оружия и легализацию ядерного статуса или, по крайней мере, на создание в мире впечатления, что КНДР имеет ядерное оружие. В этом случае идея возвращения к ситуации «до кризиса» могла бы быть реализована, а предоставление КНДР гарантий безопасности могло бы помочь Пхеньяну спасти лицо. Однако российское «пакетное» решение не произвело впечатления ни на КНДР, ни на США. Пхеньян, судя по всему, не собирался отказываться от политики эскалации кризиса, выработанной во второй половине 2002 г. Для США главный недостаток российского плана заключался в том, что предложенное возвращение к ситуации «до кризиса» вкупе с некими гарантиями безопасности КНДР не предотвращало нового выхода КНДР из ДНЯО и ее скрытых усилий по созданию ядерного оружия. Несмотря на эти очевидные лакуны, российский МИД до сих пор рассматривает «пакетное» решение «при его определенной модификации» как возможный путь урегулирования корейского ядерного кризиса⁴⁵.

После выдвижения предложения о «пакетном» решении российская дипломатия не выступала, по крайней мере открыто, с конкретными идеями об урегулировании ядерного кризиса на Корейском полуострове в целом или о решении основных проблем этого урегулирования. При этом, как можно предположить, тактическая линия российской дипломатии в отношении ядерного кризиса на Корейском полуострове состоит в исполнении роли посредника между Северной Кореей и США.

В содержательном плане позиция российского МИД включает в себя три основных компонента.

- Подчеркивается, что каких-либо убедительных доказательств создания в КНДР ядерного оружия нет⁴⁶. Если это верно, то требования Пхеньяна – не более чем шантаж международного сообщества, не основанный на реальных потенциалах страны. Но в этом случае присущее российской позиции требование учитывать

интересы КНДР не имеет основания: если у КНДР нет ядерного оружия, то нет и причин идти навстречу ее требованиям, а поддержка позиции КНДР означает, по сути дела, не более чем содействие откровенному шантажу.

- Россия поддерживает принципы решения корейского ядерного кризиса, разделяемые, так или иначе, всеми участниками переговоров с КНДР. В известной мере они нашли отражение в Совместном заявлении и сводятся к необходимости обеспечения денуклеаризации Корейского полуострова мирным, проверяемым образом, к предоставлению КНДР каких-то, пока не определенных, гарантий безопасности и экономической помощи после того как КНДР сделает реальные шаги по практическому демонтажу своей ядерной программы.
- Вместе с тем российская дипломатия акцентирует поддержку Северной Кореи по нескольким принципиальным позициям. МИД России выступает против применения к КНДР жестких санкций и самой идеи обращения в Совет Безопасности ООН для обсуждения корейской ядерной проблемы; требует разрешить КНДР мирное использование атомной энергии при условии ее возвращения в ДНЯО; настаивает на необходимости тщательного учета озабоченностей КНДР; придает повышенное значение предоставлению Пхеньяну гарантий безопасности⁴⁷.

Единственным публичным демаршем в адрес Пхеньяна в последнее время было заявление министра иностранных дел России С.В. Лаврова, который решительно отверг требование КНДР предоставить ей легководный ядерный реактор до того как начнется демонтаж ее ядерного оружия⁴⁸.

В целом позиция МИД России далеко не полностью соответствует подлинным интересам страны. Во-первых, принципиальный отказ рассматривать корейскую ядерную проблему в Совете Безопасности ООН по той причине, что это вызовет жесткую реакцию Пхеньяна, подрывает российскую линию на укрепление роли ООН и ее Совета Безопасности в качестве ключевого звена международной безопасности. При этом чем весомей роль Совета Безопасности в мировой политике, тем сильнее влияние России, как постоянного члена Совета, на эту политику. Кроме того, вызывает сомнения целесообразность политической поддержки обструкционистской линии Пхеньяна.

Во-вторых, поддержка северокорейского требования о праве КНДР на мирное использование атомной энергии в том виде, в каком это право интерпретируется сегодня, может предполагать согласие с правом на обогащение урана якобы для мирных нужд. Это весьма опасно, поскольку, как уже отмечалось, технологии обогащения урана для мирных целей ничем практически не отличаются от технологий его обогащения для военных целей.

В-третьих, негативное отношение к применению жестких санкций против КНДР стимулирует опасные элементы в политике КНДР. Разумеется, санкции должны быть выбраны таким образом, чтобы они в минимальной степени ухудшили и без того трагическое положение северокорейского населения и в максимальной степени затронули интересы северокорейской верхушки.

В-четвертых, эффективность линии на посредничество снижается по мере того как устанавливаются прямые контакты северокорейских и американских представителей.

Незначительная плодотворность российского подхода к урегулированию корейского ядерного кризиса связана, как представляется, с более общей стратегической установкой российской дипломатии в зоне Северо-Восточной Азии. Эта установка, судя по всему, включает в себя не только укрепление безопасности, стабильности и предотвращение конфликтов в регионе, но также:

- приоритетность и необходимость установления реального долгосрочного конструктивного партнерства с Китаем в сфере безопасности;
- ограничение влияния и военно-политических позиций США на Дальнем Востоке.

В итоге, как можно предположить, Россия, как и Китай, добивается такого урегулирования корейского ядерного кризиса, которое не будет усиливать влияние США на Корейском полуострове. Заслуживает внимания вывод российских экспертов о том, что Россия, подобно Китаю и Южной Корее, стремится не столько к реальному разрешению корейской ядерной проблемы, сколько к тому, чтобы не допустить военной операции США против Пхеньяна⁴⁹. Такая расстановка акцентов стимулирует обструкционизм северо-корейского руководства и не способствует установлению безъядерного статуса Корейского полуострова.

И, наконец, в условиях серьезной ограниченности ресурсов влияния на ситуацию вокруг корейского ядерного кризиса и Корейского полуострова в целом, роль России в шестистороннем процессе (и в более широком контексте) будет определяться способностью провести тщательный и непредвзятый анализ ситуации, выработать и предложить партнерам по переговорам конкретные практические варианты решения наиболее важных проблем корейского ядерного урегулирования. К таким проблемам, прежде всего, относятся формы и механизмы гарантий безопасности; процедуры и механизмы верификации; список технологий и объектов, которые должны быть запрещены в КНДР; перечень шагов, которые должны быть сделаны со стороны Северной Кореи, прежде чем ей будет предоставлена энергетическая и иная помощь.

Россия могла бы также поставить вопрос об условиях возвращения в ДНЯО государства, которое, будучи участником этого Договора, нарушало его ключевые требования и затем вышло из Договора без необходимых для этого оснований. Представляется, что такое возвращение не может происходить автоматически и должно сопровождаться серьезными ограничениями на ядерную деятельность. В этой связи заявление бывшего главы Росатома А.Ю. Румянцева о том, что «Россия будет решать вопрос о строительстве реактора в Северной Корее, когда КНДР вернется за стол переговоров», выглядит, во-первых, послеполем, а во-вторых, не соответствует обязательствам России по ДНЯО. Россия, в том числе согласно своему законодательству, не может сотрудничать в ядерной области с государствами, не являющимися членами МАГАТЭ⁵⁰. Возвращение за стол переговоров не означает возвращение под гарантии МАГАТЭ.

Не менее важной была бы разработка «эскалационной лестницы санкций», которые должны быть применены к КНДР в случае отказа от конструктивного подхода к переговорам и продолжения нынешней обструкционистской политики. Такие санкции должны быть в первую очередь направлены против интересов северо-корейской верхушки. На первой ступени они могут включать в себя аресты зарубежных банковских счетов членов высшего руководства КНДР и их родственников, жесткое ограничение экспорта в КНДР – поставка только товаров первой необходимости, решительные действия против северо-корейской нелегальной торговли, в том числе экспорта из КНДР наркотиков, оружия и тому подобное. Более продвинутая стадия санкций могла бы включать в себя ограничение или прекращение деятельности северо-корейских торговых представительств, арест северо-корейских активов и тому подобное.

Наконец, особую важность приобретает эффективная координация позиций государств, ведущих переговоры с КНДР. С этой целью Россия могла бы выступить с инициативой проведения регулярных встреч «пятерки», на которых могли бы выработаться конкретные согласованные позиции по тем вопросам, по которым можно достичь общего мнения. Сам факт проведения таких встреч окажет серьезное дисциплинирующее воздействие на Пхеньян, ограничит его возможность играть на расхождениях в позициях пяти государств.

Примечания

¹ Доклад подготовлен при содействии со стороны Фонда Кореи. Содержащиеся в этой работе оценки и соображения отражают взгляды автора и не могут рассматриваться как позиция Фонда Кореи, МГИМО (У) МИД России, или ПИР-Центра.

² Термин «денуклеаризация», используемый в документах и официальных заявлениях, относящихся к корейскому ядерному кризису, не имеет точного правового толкования. Он может означать

отказ от всех работ в ядерной области и их запрещение вместе с ликвидацией соответствующей материальной базы, или запрещение и ликвидацию только ядерного оружия, или, помимо ядерных боеприпасов, также предприятий и оборудования для их изготовления. С одной стороны, отсутствие юридической определенности позволяет, используя этот термин, снимать на время разногласия при подготовке дипломатических документов, с другой стороны – снижает эффективность этих документов.

³ Оценки количества ядерных боеприпасов или взрывных устройств, которые может иметь КНДР, основываются на количестве плутония, произведенного на действующем ядерном реакторе. Однако количество плутония, необходимого для производства одного ядерного взрывного устройства, зависит от планируемой мощности этого устройства, уровня технологического развития ядерного комплекса, потерь плутония при производстве и изготовлении ядерного устройства и других факторов.

⁴ Реактор данного типа производит в сутки около 0,9 грамма плутония на мегаватт тепловой мощности. См.: Albright David. Overview of North Korea's Fuel Cycle in the Early 1990s. In: Albright David and O'Neil Kevin (Eds). Solving the North Korean Nuclear Puzzle. Washington, D.C., 2000. P. 146–165.

⁵ Об этом, например, говорил З. Хеккер, выступая в ПИР-Центре 20 сентября 2005 г.

⁶ *U.S. Scientist*: N. Korea Pursuing Nukes. http://yahoo.com/s/ap/20051109/ap_on_go_ot/us_nkorea_nuclear_2

⁷ В этом заявлении говорится: «Мы уже приняли решительные действия по выходу из ДНЯО и произвели ядерные устройства (nukes) в целях самозащиты для того, чтобы справиться со все более явной политикой администрации Дж. Буша, направленной на изоляцию и удушение КНДР. Ее ядерное оружие останется ядерным сдерживающим средством для самообороны при всех обстоятельствах». DPRK Foreign Ministry on Its Stand to Suspend Its Participation in Six-party Talks for Indefinite Period". 2005, February 11. <http://www.kcna.co.jp/e-index.htm>

⁸ Теоретически, можно изготовить работоспособный урановый ядерный боеприпас без испытаний. Для плутониевого боеприпаса натурное испытание крайне важно.

⁹ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под ред. А.Г. Арбатова и В.В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 10.

¹⁰ Так, бывший руководитель Федерального агентства по атомной энергии А.Ю. Румянцев в конце 2004 г. заявил, что вероятность того, что Северная Корея разрабатывает ядерное оружие, очень мала, поскольку уровень развития КНДР «не позволяет допустить, что там ведутся серьезные разработки (в ядерной области. – Авт.)». <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=5044834>

¹¹ Термин «демонтаж» или “dismantlement” не имеет ясного международно-правового определения. Он может означать полную ликвидацию и физическое уничтожение вооружений, технологического и научно-исследовательского оборудования, предприятий и так далее, используемых для создания и производства ядерного оружия. Но может иметься в виду и частичное уничтожение соответствующих объектов или их разборка. Определение конкретного содержания этого термина, видимо, станет одним из сложных вопросов на переговорах.

¹² 20 сентября 2005 г. МИД КНДР заявил: «США не должны даже мечтать, что КНДР ликвидирует свой потенциал ядерного сдерживания прежде чем они поставят ядерный реактор, являющийся материальной гарантией доверия. Это – справедливая и последовательная позиция, непоколебимая, как скала, глубоко уходящая в землю». Spokesman for DPRK Foreign Ministry on Six-Party Talks. 2005, September 20. <http://www.kcna.co.jp/index-e.htm>

¹³ Так, перед началом пятого раунда шестисторонних переговоров руководитель американской делегации Кр. Хилл заявил: «Сначала они (КНДР. – Авт.) должны разоружиться, создать безъядерный Корейский полуостров; вот когда они вернутся в ДНЯО и встанут под гарантии МАГАТЭ, то в соответствующее время мы проведем дискуссии» по вопросу о предоставлении ядерного реактора. North Korea Nuke Talks Open in Beijing. http://news.yahoo.com/s/ap/20051109/ap_on_re_as/koreas_nuclear_10

¹⁴ Так, в августе 2005 г. в Пекине северокаорейские представители в очередной раз категорически отвергли предположения о разработках в области обогащения урана. <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=6310839>

¹⁵ Особые подозрения вызывает подземное сооружение в районе Тэчона, к которому подходят линии высоковольтных передач, а в образцах почвы из этого района содержание урана в десятки раз превышает естественный уровень. http://www.nti.org/e-research/profiles/NK/45_547.html

¹⁶ В августе 2005 г. президент Пакистана П. Мушарраф признал, что А.К. Хан продал КНДР центрифуги для обогащения урана и их чертежи, однако он не смог вспомнить, сколько конкретно центрифуг было продано. <http://www.rambler.ru/db/news/print?mid=6456457>

¹⁷ Плутонием оружейного качества считается плутоний, состоящий не менее чем из 93% плутония-239 и не более чем из 7% плутония-240. Чем выше степень «выгорания» ядерного топлива, тем больше в нем образуется плутония-240, затрудняющего создание ядерного боеприпаса.

¹⁸ Garwin Richard L. Reactor-Grade Plutonium Can be Used to Make Powerful and Reliable Nuclear Weapons. NY: Council on Foreign Relations, 1998. <http://www.fas.org/rlg/980826-pu.htm>. В документе, подготовленном Комитетом по международной безопасности и контролю над вооружениями Американской академии наук (SISAC), говорится: «Потенциальный пролифератор может изготовить простое в конструктивном отношении ядерное взрывное устройство из реакторного плутония мощностью от одной до нескольких килотонн. Более мощное взрывное устройство потребует более сложной конструкции». The Management and Disposition of Excess Weapons Plutonium. SISAC, National Academy Press. Washington D.C., 1994. <http://www.nap.edu/readingroom/enter2.cgi?0309050421.html>

¹⁹ DPRK Foreign Ministry Spokesman on Denuclearization of Korea. 2005, March 31. <http://kcpa.co.jp/index-e/htm>; Заявление руководителя делегации КНДР на шестисторонних переговорах Ким Ге Гвана. <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=6315930>; Kerr Paul. U.S. Unveils Offer at North Korea Talks. *Arms Control Today*. 2004, July/August. P. 37.

²⁰ Perkovich George, Mathews Jessica T., Cirincione Josef, Gottemoeller Rose, Wolfsthal Jon B. Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 106.

²¹ Российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил: «Достигнутые договоренности решают главные вопросы, которые были камнем преткновения – обеспечение денуклеаризации Корейского полуострова и реализации законных нужд КНДР в сфере безопасности и гуманитарной сфере». http://www.rian.ru/world/foreign_russia/20050919/41441994.html

²² Неофициальный перевод с английского. Text of Joint Statement from Nuclear Talks. <http://www.nytimes.com/aponline/international/AP-Koreas-Nuclear-Text.html?pagewanted=print>

²³ В переводе этого документа, сделанного в российском МИД, в данном разделе почему-то сказано, что обязательство КНДР носит политический характер. В английском тексте никакого упоминания о политическом обязательстве нет.

²⁴ Eberstadt Nicholas. The Persistence of North Korea. *Policy Review*. 2004, October. <http://www.policyreview.org/oct04/eberstadt.html>

²⁵ Так, в аналитическом обзоре, подготовленном Международной группой по предотвращению кризисов, говорится: «Вашингтон прилагает большие усилия, направленные на проведение последовательной политики в отношении к Северной Корее. Большинство высших чиновников соглашается с тем, что предотвращение распространения ядерного оружия Северной Кореей находится в числе главных приоритетов. Однако очевидны большие расхождения между теми, кто считает возможным заключение соглашения с Северной Кореей и проверку его соблюдения, и теми, кто считает Северную Корею не заслуживающей доверия. Последняя группа господствует в американской политике в период пребывания у власти президента Буша, приведя к полному отказу от многих позитивных достижений администрации Клинтона». North Korea: Where Next for the Nuclear Talks. *Asia Report*. 2004, № 87, November 15. P. 13.

²⁶ В середине 1990-х гг. американское командование вооруженными силами в Южной Корее подсчитало, что новая корейская война нанесет экономический ущерб в 1 трлн. долл., а потери составят 1 млн. человек, включая 52 тыс. американских военнослужащих. См.: Cha Victor and Kang David. Think Again: The Korea Crisis. *Foreign Policy*. 2003, May/June. P. 24; По расчетам Министерства обороны Южной Кореи, применение КНДР химического оружия может вызвать гибель и болезни 2,19 млн. граждан Южной Кореи, в том числе в районе Сеула – 1,2 млн. человек. См.: North Korea: Where Next for the Nuclear Talks. *Asia Report*. 2004, № 87, November 15. P. 25–26.

²⁷ На основе соглашения с Южной Кореей происходит сокращение находящихся там американских войск и передислокация 2-й пехотной дивизии к югу от реки Хан, с тем чтобы оказаться вне зоны обстрела северокорейской артиллерии. Достигнуто соглашение с Японией о существенном усилении взаимодействия американских и японских вооруженных сил, базировании на постоянной основе в Иокосуке американского авианосца, начале развертывания в 2007 г. американской противоракетной обороны в Японии и так далее. – Блинов Артур. Токио: с пацифизмом покончено. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, № 42, 2–10 ноября. С. 2.

²⁸ В апреле 2005 г. командующий седьмым флотом США адмирал Дж. Гринерт заявил, что «если режим (в КНДР. – Авт.) рухнет, там будет большой беспорядок. Мы составим военно-морской компонент любой последующей операции. Мы войдем туда и поможем восстановить порядок в Северной Корее в случае нестабильности или краха режима». *Stars and Strips*. 2005, April 17. <http://www.strips.com/article.asp?section=1048&article=2768&archive=true>.

Спустя несколько дней Министерство обороны Южной Кореи подтвердило, что плана совместных с США военных действий на случай чрезвычайной ситуации в КНДР больше не существует. Пред-

ложенный ранее Вашингтоном план предполагал военные операции под американским командованием. Южнокорейские военные заявили, что если в Северной Корее возникнет нестабильная ситуация, в том числе если произойдет свержение властей, южнокорейское правительство будет играть ведущую роль в урегулировании этого конфликта. http://rian.ru/defense_safe-ty/20050420/39671765.html

²⁹ Впрочем, китайское руководство не отказывается от силовых демаршей в отношении КНДР. Так, в 2003 г. на границе Китая с Северной Кореей были развернуты дополнительно пять дивизий, насчитывающих около 150 тыс. военнослужащих.

³⁰ Интересен вывод видного российского эксперта В.В. Михеева, который писал еще в 2003 г.: «Сейчас трудно говорить о том, что Китай является прикрытием Северной Кореи. Китай испытывает большое раздражение по поводу того, что Ким Чен Ир не может организовать хозяйственную жизнь внутри страны, а это приводит к появлению огромного количества беженцев, которое оценивается в 200–300 тыс. человек. [...] Вместе с тем в Китае есть и другой, более традиционный подход к проблеме. Пекин боится такого развития событий на полуострове, в результате которого произошли бы военные столкновения, военные действия в Северной Корее, либо укрепились бы военно-политические позиции США. Такие опасения присутствуют, и ими определяется позиция Китая». Кризис вокруг КНДР. *Ядерное Распространение*. 2003, выпуск 16, январь-март. С. 42–43.

³¹ На Китай приходится около 30% северокорейского экспорта и примерно 33% импорта. См. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/kn.html#Econ>

³² Северная Корея: сможет ли железный кулак принять помощь невидимой руки? Доклад Международной группы по кризисам. 2005, 25 апреля. С. 10.

³³ North Korea: Where Next for the Nuclear Talks. *Asia Report*. 2004, № 87, November 15. P. 21.

³⁴ <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/kn.html#Econ>

³⁵ 2 августа 2005 г. министр иностранных дел Японии Н. Матимура заявил: «Для Японии важно, в частности, как будут отражены в итоговом документе (речь шла о готовившемся тогда заявлении участников четвертого раунда шестисторонних переговоров. – Ю.Ф.) проблемы «похищенных» и ракет». См. http://www.mofa.go.jp/announce/fm_press/2005/80802.html

³⁶ См.: Блинов Артур. Токио: с пацифизмом покончено. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, № 42, 2–10 ноября. С. 2.

³⁷ Так, президент Южной Кореи Но Му Хён заявил в середине апреля 2005 г.: «Я не думаю, что санкции заставят Северную Корею отказаться от своей ядерной программы и, на мой взгляд, усиливающееся давление на нее только осложняет ситуацию... Ограничения могут быть установлены только тогда, когда уже нет надежды. Я верю, однако, что надежда пока есть. Подлинная проблема заключается в недоверии между Северной Кореей и Соединенными Штатами. Но ведь в действительности Пхеньян никогда не утверждал, что не откажется от ядерных амбиций, а Соединенные Штаты никогда не говорили, что не признают Северную Корею. Северокорейская угроза сегодня сократилась намного больше, чем когда-либо ранее. Это – следствие того, что у Северной Кореи нет современного высокотехнологичного оружия, а ее экономические возможности не позволяют вести войну». http://www.korea.net/news/news/newsView.asp?serial_no=20050415024&pert=1037Searchday

³⁸ The Military Balance, 2005–2006. The International Institute for Strategic Studies, 2005. P. 165.

³⁹ Ibid. P. 272.

⁴⁰ Ibid. P. 163–164, 167.

⁴¹ Ibid. P. 280.

⁴² В 2001 г. в интервью агентству *Киодо Цусин* бывший заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков сказал: «Если вести речь о военно-техническом сотрудничестве с КНДР, то должен сказать, что это сотрудничество носит, и подразумевается, что будет носить в перспективе, взвешенный характер, базироваться на принципе разумной оборонной достаточности. На Юге Кореи, как вы знаете, существует определенный военный потенциал, в том числе присутствуют иностранные войска. Естественно, КНДР должна иметь уверенность в том, что она сможет себя защитить, если возникнут какие-то экстраординарные обстоятельства. Я думаю, что в общем-то в интересах всех стран региона, чтобы в КНДР не испытывали чувства опасности. Когда такое чувство присутствует, оно может привести к сложным ситуациям». См.: Интервью заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова агентству *Киодо Цусин*. 2001, 28 июня. <http://www.mid.ru>.

⁴³ Бывший заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков упомянул, например, что Россия «способствовала возобновлению межкорейского диалога и переговоров КНДР с США и Японией. Диалог между КНДР и США постепенно восстанавливается. Состоялась встреча Госссе-

кретаря США К. Пауэлла с министром иностранных дел КНДР Пэк Нам Суном в Брунее. Считаю, в том, что встреча состоялась, сыграло роль посредничество И.С. Иванова, который в Пхеньяне вел разговор о возможности такого контакта». Стенограмма интервью заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова японскому информационному агентству *Киодо Цусин* 12 августа 2002 г. <http://www.mid.ru>

⁴⁴ См.: Панин А., Альтов В. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004. С. 285–286.

⁴⁵ Так, накануне четвертого раунда шестисторонних переговоров официальный представитель МИД России заявил: «Предложенное в свое время Россией так называемое «пакетное» и синхронизированное решение проблемы, на наш взгляд, не утратило своей актуальности, многие его элементы совпадают с предложениями других участников переговоров и при определенной модификации могут быть востребованы при выработке совместных договоренностей». См. Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы СМИ в связи с предстоящими в Пекине шестисторонними переговорами по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова. 2005, 20 июля. <http://www.mid.ru>

⁴⁶ В марте 2004 г. бывший заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков заявил, что имеющиеся в МИД России сведения о ядерной программе КНДР устарели, поскольку сотрудничество с ней в ядерной области прекращено много лет назад, а «разведка каких-то убедительных свидетельств не приносит». Однако он добавил: «В целом наши эксперты оценивают возможности Северной Кореи в этой области не очень высоко. Американцы занимают более алармистскую позицию. Может быть, у них больше данных. Но в любом случае у США озабоченность больше, чем у России или Китая». Северная Корея может взорваться. *Независимая Газета*. 2004, 5 марта.

Бывший глава Федерального агентства по атомной энергии А.Ю. Румянцев в конце 2004 г. заявил, что вероятность того, что Северная Корея разрабатывает ядерное оружие, очень мала, поскольку уровень развития КНДР «не позволяет допустить, что там ведутся серьезные разработки (в ядерной области. – Авт.)» <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=5044834>

⁴⁷ Характеризуя принципиальные черты российского подхода к корейскому ядерному кризису, заместитель министра иностранных дел России А.П. Лосюков, например, прямо заявил: «Мы разделяем точку зрения США относительно опасности распространения ядерного оружия. В то же время Россия более склонна к пониманию озабоченности северокорейской стороны. Можно по-разному оценивать режим, существующий там. Но помимо режима есть и народ. Сказать, что северокорейское население не заслуживает доверия, нельзя. Надо с пониманием относиться к ситуации, в которой оказался народ КНДР. Негуманно заниматься только угрозами и выставлять требования, которые ведут к усугублению жизни этого народа». См.: Стенограмма интервью заместителя министра иностранных дел России А.П. Лосюкова японскому информационному агентству *Киодо Цусин*. 2003, 17 апреля. <http://www.mid.ru>

⁴⁸ В конце сентября 2005 г. С.В. Лавров после переговоров с государственным секретарем США К. Райс заявил: «Последовательность шагов, которая была зафиксирована в Пекинской договоренности, должна соблюдаться: сначала демонтаж ядерной программы, а уже потом – решение вопроса о поставках реакторов». <http://www.rian.ru/world/relations/20050921/41458391.html>

⁴⁹ В разработке, подготовленной под руководством А.Г. Арбатова и В.В. Михеева, говорится, например: «Что касается Южной Кореи, КНР и России, то они рассматривают переговоры в первую очередь как способ предотвратить силовую акцию США против КНДР, которая чревата непредсказуемыми последствиями военного, социального, экологического и политического порядка и может втянуть в кризис три ангажированные ядерные державы. Иными словами, их первоочередная цель не только и не столько снять ядерную проблему Северной Кореи, как бы серьезно они к ней ни относились, сколько сдержать США от применения «иракской модели». См.: Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии. Под ред. А.Г. Арбатова и В.В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 13.

⁵⁰ <http://www.minatom.ru/News/Main/viewPrintVersion?id=20092&idChannel=579>

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОМУ ДЛЯ ЭКСПЕРТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

9–16 июля 2006 г., Подмосковьё

Целью программы, организуемой ПИР-Центром и Центром изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований (США), является повышение квалификации молодых специалистов из государственных и негосударственных структур, которые работают в области нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями, а также научных сотрудников, аспирантов, учащихся старших курсов вузов, журналистов, интересующихся этими вопросами.

Участие в Летней школе позволит слушателям расширить представление о региональных аспектах проблемы нераспространения ОМУ и средств его доставки, угрозе терроризма с использованием оружия массового уничтожения и роли механизмов экспортного контроля в предотвращении распространения чувствительных материалов. Одновременно участникам программы будут даны практические рекомендации по решению проблем, с которыми сталкиваются молодые политики, эксперты и управленческий персонал в реальной жизни.

В рамках курса лекций планируется участие ведущих российских специалистов в области нераспространения, включая:

- АХТАМЗЯНА И.А.**, доцента МГИМО, кандидата исторических наук;
- ЕВСТАФЬЕВА Г.М.**, старшего советника ПИР-Центра, генерал-лейтенанта (в отставке);
- ОРЛОВА В.А.**, директора ПИР-Центра, кандидата политических наук;
- СОКОВА Н.Н.**, старшего научного сотрудника Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, доктора политических наук;
- ТИМЕРБАЕВА Р.М.**, председателя Совета ПИР-Центра, доктора исторических наук, Чрезвычайного и Полномочного Посла;
- ХЛОПКОВА А.В.**, заместителя директора ПИР-Центра;
- ЧУЕН** Кристину, старшего научного сотрудника Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований.

Также планируется, что с лекциями перед слушателями выступят эксперты Министерства иностранных дел РФ, Федерального агентства по атомной энергии, Счетной Палаты РФ.

Курс является бесплатным для его участников. Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивают их необходимыми раздаточными материалами и литературой. Набор участников программы осуществляется на конкурсной основе.

Заявки на участие в Летней школе необходимо отправлять на имя заместителя директора ПИР-Центра А.В. **Хлопкова** по факсу +7-495-234-9558, или по электронной почте: votanovskaya@pircenter.org

В 2005 г. в Летней школе приняли участие 25 участников из шести стран (Армения, Казахстан, Киргизстан, Россия, Узбекистан, Украина).

Заявки принимаются до **29 мая 2006 г.** включительно. Объявление результатов конкурсного отбора запланировано на **1 июня 2006 г.**

За дополнительной информацией о Летней школе по проблемам нераспространения ОМУ следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Екатерине Вотановской по тел. +7-495-234-0525, факсу или по электронной почте: votanovskaya@pircenter.org

БИОБЕЗОПАСНОСТЬ И КОНТРОЛЬ НАД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ БИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В сентябре 2005 г. в Москве состоялся российско-швейцарский семинар по теме «Биобезопасность и контроль над распространением биологических материалов: перспективы международного сотрудничества», организованный ПИР-Центром и Женевским центром политики безопасности (ЖЦПБ). С докладами выступили старший советник Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ В.С. Бундин, профессор Женевского центра политики безопасности М. Фино, генеральный директор Научно-производственного центра экологического мониторинга (РАЦЕМ, Киров) Г.Н. Лепешкин, директор Лаборатории Шпиц (Швейцария) М. Кадиш и директор НИИ молекулярной биологии ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор» (Кольцово, Новосибирская область) С.В. Нетесов.

Участники семинара обсудили вопросы, являющиеся ключевыми для начала реализации проектов международного сотрудничества России и стран Запада в области биобезопасности, включая следующие:

- Существует ли, с российской точки зрения, потенциал для двухстороннего сотрудничества и совместных, прежде всего коммерческих проектов в области биобезопасности?
- Какие шаги необходимо предпринять для практической реализации проектов международного сотрудничества в этой области?
- Есть ли предмет для двухстороннего российско-швейцарского сотрудничества и совместных проектов, прежде всего коммерческой направленности в области биобезопасности?

В заседании приняли участие представители Министерства обороны, МЧС, СВР, Счетной палаты, Министерства сельского хозяйства, Управления конвенционных проблем химического и биологического оружия Федерального агентства по промышленности, Института физиологии растений им. К.А. Тимирязева, Некоммерческого партнерства «Центр новых медицинских технологий», НИИ медстатистики, Общенациональной ассоциации генетической безопасности, Центра токсикологии и гигиенической регламентации биопрепаратов (все – Россия), Лаборатории Шпиц, Женевского центра политики безопасности, Программы против распространения биологического оружия (все – Швейцария), Посольства Швейцарии в России, Международного научно-технического центра, Организации Договора о коллективной безопасности и др.

В своем письме по случаю проведения российско-швейцарского семинара на имя директора ПИР-Центра В.А. Орлова главнокомандующий Сухопутными войсками России генерал-полковник А.Ф. Маслов отметил:

«Глобальный характер вспышек инфекционных заболеваний, появление новых нозологических форм болезней, характеризующихся крайне тяжелым течением и техническим распространением, таких как атипичная пневмония, птичий грипп и другие, рост трансграничных перемещений людей в связи с развитием торговли и туризма, опасность применения биологических агентов в террористических целях обуславливают необходимость международной кооперации в области создания средств и методов диагностики, профилактики и лечения инфекционных заболеваний».

Текст стенограммы заседания (в сокращении), а также последовавшая по итогам семинара дискуссия, которая велась при координации ПИР-Центра по электронной почте, приводятся ниже.

В.А. ОРЛОВ (ДИРЕКТОР ПИР-ЦЕНТРА)

Семинар носит двухсторонний российско-швейцарский характер, хотя на нем присутствуют также представители других европейских государств, чему есть свои причины. Учитывая чувствительность тематики, активный процесс сотрудничества в области биобезопасности, Россия должна начинать точно, и Швейцария здесь могла бы стать одним из наиболее перспективных партнеров. Для этого есть целый ряд оснований. Прежде всего, это высочайший уровень биотехнологий Швейцарии и уже имеющиеся значительные наработки. Примером здесь могут служить работы, которые Швейцария вела по коровьему бешенству. Помимо технологического, есть еще и политический аспект – Швейцария не является ни членом НАТО, ни членом Европейского Союза, чем похожа на Россию. Именно это сочетание высокого технологического уровня Швейцарии и ее нейтралитета облегчает возможное продвижение совместного российско-швейцарского сотрудничества в области биобезопасности.

МАРК КАДИШ (ДИРЕКТОР ЛАБОРАТОРИИ ШПИЦ, ШВЕЙЦАРИЯ)

Лаборатория Шпиц входит в состав Министерства обороны, гражданской защиты и спорта Швейцарии [далее – Министерство обороны], являясь подразделением федерального управления гражданской защиты. Главной задачей Лаборатории Шпиц является деятельность по предотвращению ядерных, химических и биологических угроз.

В части, касающейся биологических угроз, задачей Швейцарского государства в целом и Министерства обороны в частности являются разработка необходимых технологий, формирование и поддержание национальной сети экспертов, а также создание и обеспечение деятельности лабораторий биобезопасности. Так, уже в 1996 г. Министерство начало проект по созданию лаборатории 4-го уровня (BL-4 – высший уровень безопасности по классификации США). В ноябре 2001 г. было выбрано место для объекта. В 2003 г. проект получил финансовое одобрение Министерства. В 2005 г. проводилась экологическая оценка. В бюджет Швейцарской Конфедерации на 2006 г. заложены средства на строительство. Планируется, что лаборатория вступит в строй к 2010 г.

Швейцария, как и другие страны, ощущает важность расширения сотрудничества в области биобезопасности. Проекты сотрудничества должны осуществляться между исследовательскими институтами путем обмена информацией, докладами, путем совместной разработки сценариев будущего и осуществления совместных исследовательских проектов. Также важно концентрироваться на проработке коммерческих проектов между частными компаниями. Главный принцип сотрудничества – взаимность. Залог успеха международного сотрудничества – это:

- качество;
- гибкость;
- прозрачность;

- надежность передачи информации;
- своевременность;
- прямые контакты между экспертами;
- высокий уровень взаимозависимости.

В.С. БУНДИН (СТАРШИЙ СОВЕТНИК, ДЕПАРТАМЕНТ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗОРУЖЕНИЯ, МИД РФ)

Считаю необходимым начать с перечня рисков, вызовов и угроз глобальной биологической безопасности. При этом не претендую на его полноту и считаю необходимым включить в него не только угрозы эволюционной и экологической этиологии, но и те, появление которых возможно в результате преднамеренной деятельности человека. К этому перечню можно было бы отнести следующие:

- природные вспышки опасных инфекционных заболеваний человека, животных и растений;
- повышение внутривидовой (от человека к человеку) и межвидовой (от животного к человеку) трансмиссивности (передачи) и векторных возможностей патогенов;
- изменение круга хозяев патогена (зоонозные заболевания начинают передаваться человеку);
- повышение устойчивости известных науке патогенов к применяемым в настоящее время лекарственным препаратам (в том числе антибиотикам);
- возможность использования простейших технологий для создания «грязной биологической бомбы»;
- возможность использования для биотеракта добровольцев-смертников, зараженных особо опасными заболеваниями;
- риски и угрозы, ассоциированные с возможностью использования достижений современной биотехнологии для создания биологического оружия нового поколения;
- отсутствие универсальности КБТО, что повышает угрозу распространения биологического оружия;
- отсутствие у КБТО механизма контроля/верификации, что исключает международный контроль за биоразработками двойного назначения.

Учитывая указанный перечень вызовов, рисков и угроз глобальной биологической безопасности, необходимо соответственным образом выстраивать алгоритм сотрудничества, который может иметь следующий вид:

- Работа по согласованию поля деятельности двухстороннего сотрудничества и принятию единых терминов и определений применительно к его целям и задачам.
- Оценка рисков, вызовов и угроз биологической безопасности в рамках сотрудничества.
- Поиск потенциальных участников сотрудничества (физических и юридических лиц).
- Определение потенциальными участниками приоритетных направлений научно-технического сотрудничества с учетом их актуальности для профильных министерств или частного сектора государств-участников и востребованности конечных результатов на внутренних рынках или мировом рынке биотехнологических продуктов.

- ❑ Оформление сотрудничества в рамках межгосударственного соглашения.

С учетом указанных выше глобальных вызовов и угроз биологической безопасности, в качестве наиболее востребованных на сегодня направлений научно-технического сотрудничества можно было бы назвать следующие:

- ❑ выработка согласованного списка особо опасных заболеваний, представляющих интерес для целей сотрудничества;
- ❑ разработка высокочувствительных средств диагностики и идентификации, действующих в режиме реального времени;
- ❑ создание безопасных профилактических (вакцинных) препаратов против известных и новых инфекционных заболеваний;
- ❑ синтез (химический и биологический) эффективных лекарственных препаратов направленного и общеукрепляющего действия;
- ❑ создание математических моделей для прогнозирования возможного развития чрезвычайных ситуаций биологической природы и программ обучения специалистов по ликвидации чрезвычайных ситуаций;
- ❑ работа по гармонизации требований к должной лабораторной, экспериментальной, производственной, клинической и полевой практике применительно к целям и задачам сотрудничества;
- ❑ подготовка экспертов в сфере контроля/верификации КБТО как для целей национального аудита, должного осуществления требований Конвенции, так и для целей международных инспекций и/или верификации ежегодных объявлений государств-участников;
- ❑ медико-эпидемиологическая подготовка специалистов, относящихся к категории «группа риска», которые в условиях развития чрезвычайной биологической опасности природного, техногенного или преднамеренного характера должны будут принять на себя первый удар;
- ❑ совершенствование законодательной базы, направленное на обеспечение безопасности работ с патогенами.

Хорошо известно, что на период председательства России в «восьмерке» одно из заявленных приоритетных направлений работы – борьба с инфекционными заболеваниями. Могут утверждать, что все страны заинтересованы в предупреждении реальной угрозы трансграничного распространения эпидемий, локализации вспышек неизвестных ранее опасных заболеваний, ликвидации их последствий, установлении причин их возникновения, создании эффективных средств профилактики и лечения.

Наша общая глобальная задача – комплексное изучение особо опасных инфекций. В рамках международного сотрудничества, думается, правильным было бы сфокусировать внимание на проблеме уязвимости человечества в результате природного или преднамеренного распространения натуральной оспы, новых возникающих инфекций, опасных для человека, животных и растений. Это могло бы стать существенным вкладом и в дело укрепления КБТО, и противодействия биотерроризму.

С.В. НЕТЕСОВ (ДИРЕКТОР НИИ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ, ФГУП ГНЦ ВИРУСОЛОГИИ И БИОТЕХНОЛОГИИ «ВЕКТОР»)

Область исследований инфекционных агентов – это по природе своей область, которая должна быть предметом международного сотрудничества. В начале XXI столетия мы имели уже несколько вспышек очень тяжелых инфекционных заболеваний, которые

очень быстро распространялись по всему миру. Таблица 1 содержит данные по тяжелому острому респираторному синдрому (ТОРС) или так называемой SARS-инфекции. Этой инфекцией было охвачено 6 стран, а также Гонконг и Тайвань, число инфицированных превысило 8 тыс., а средняя смертность составила более 10%.

Таблица 1

Тяжелый острый респираторный синдром: заболеваемость и смертность в странах мира на 7 августа 2003 г. (данные ВОЗ)

Страна	Число случаев	Число смертей	Смертность, %
Вьетнам	63	5	7,94
Канада	251	41	16,33
Китай	5327	349	6,55
Россия	1	0	0,00
Сингапур	238	33	13,87
США	73	0	0,00
Гонконг	1756	300	17,08
Тайвань	665	180	27,07
Всего в мире	8422	916	10,88

Источник: http://www.who.int/csr/sars/country/en/country2003_08_15.pdf

Еще большее число стран было озабочено тем, чтобы встретить эту инфекцию на своей территории во всеоружии. Необходимо отметить, что борьба с ТОРС – это хороший пример продуктивности международного сотрудничества, потому что исследователи из Германии и США практически немедленно выложили в Интернет данные по строению генома возбудителя, которые были нужны для обнаружения этого вируса. Эта последовательность появилась 30 марта, и уже 4 апреля мы сделали свой вариант диагностики для этой инфекции. Точно так же поступили и во всем мире, и это показало действенность международного сотрудничества через Интернет.

Приведем еще одну иллюстрацию действенности международного сотрудничества. В 2005 г. была вспышка вируса птичьего гриппа среди водоплавающих птиц на юге Западной Сибири и на Урале. В России этот вирус появился после целой серии вспышек в Гонконге, во Вьетнаме, в Таиланде, Камбодже, Индонезии и в Китае. Печальные результаты этих вспышек приведены в Таблице 2.

Надо сказать, что штамм, который появился в Новосибирской области, к счастью, не являлся патогенным для людей. Но это не означает, что такие случаи исключены в будущем. В данном случае партнеры из США фактически немедленно после начала вспышки переслали нам свежую, еще не опубликованную информацию о свойствах целого ряда штаммов из Юго-Восточной Азии, которая помогла нам в установлении степени родства наших штаммов со штаммами Юго-Восточной Азии.

Интересно отметить, что публикация в журнале *Science* во многом действительно предупредила вспышку в Новосибирской области. Этот еженедельный журнал вышел 15 июля 2005 г., когда еще не было никаких данных о вспышке вирусов птичьего гриппа в Новосибирской области (первые пробы были получены 16 и 17 июля, а анализы были готовы 21 и 22 июля). Тем не менее эксперты, которые готовили журнал, спрогнозировали, что если вирус имеется в озере Цинхай, то неминуемо с птицами он должен попасть и на территорию СНГ. Так и случилось.

На пути к новой пандемии птичьего гриппа среди людей (данные ВОЗ)

Подтип	Место и год появления	Как проявилось
H5N1	Гонконг, 1997	18 случаев, 6 смерт.
H9N2	Гонконг, 1999	2 случая, 0 смерт.
H5N1	Гонконг, 2003	2 случая, 1 смерт.
H7N7	Голландия, 2003	83 случая, 1 смерт.
H9N2	Гонконг, 2003	1 случай, 0 смерт.
H5N1	Вьетнам, 2004–2005	90 случаев, 41 смерт.
H5N1	Таиланд, 2004	16 случаев, 11 смерт.
H5N1	Камбоджа, 2005	4 случая, 4 смерт.
H5N1	Индонезия, 2005	1 случай, 1 смерт.

Число вспышек среди домашних и диких птиц во многих странах было весьма велико, в Китае только официально было зарегистрировано 54 вспышки. В России число этих вспышек тоже было значительным, только в Новосибирской области 27 населенных пунктов были охвачены этой эпидемией. К счастью, в России вирус не попал ни на одну из птицефабрик. Учитывая схему разлета перелетных птиц из района Новосибирской, Омской областей и Алтайского края, этот вирус мог попасть в дельту Волги и далее в Западную Европу. Поэтому вполне оправданно беспокойство стран Европейского Союза. К счастью, подозрение в отношении Финляндии не подтвердилось, там вирус оказался не такого подтипа, который эффективно поражает домашнюю птицу. Но тем не менее работу надо вести и дальше, потому что птицы из нашего региона перелетают в Европу.

Надо сказать, что есть и масса других примеров, когда именно международное сотрудничество играло если не ключевую, то очень заметную роль в замедлении темпов распространения инфекции и ускорении внедрения новых эффективных типов диагностических и вакцинных препаратов. Здесь можно привести в пример практически все инфекционные заболевания, но особенно хотелось бы сказать о *гепатите В и С*, потому что именно в отношении этого заболевания широко распространенная международная информация – и о диагностике инфекции, и о вакцинах – привела к тому, что во многих странах они были своевременно введены и эффективно использованы, и сейчас там, и в том числе в России, началось планомерное снижение распространения этой инфекции. За последние 5 лет заболеваемость вирусом *гепатита В* сократилась в России примерно в 3 раза, и этот процесс продолжается.

Есть, к сожалению, и примеры недостаточного международного взаимодействия. Так, первые случаи коронавирусной инфекции, или *ТОРС*-инфекции, появились в Китае еще осенью 2002 г., но оперативная информация об этих случаях широкого распространения не получила, и только в феврале 2003 г. этой опасности было уделено значительное внимание. Только когда к анализу этих случаев подключились международные эксперты и лаборатории, выяснилось, что это новый вирус, и только тогда стало ясно, как с ним бороться.

Похожая ситуация была с задержкой информации о гибели перелетных водоплавающих птиц на озере Цинхай в Китае. Это уже потом выяснилось, что вспышка началась в середине мая, и если бы о ней знали заранее российские и монгольские исследователи, то готовность была бы обеспечена существенно раньше – готовность к тому, что эти птицы могут занести вирус и на территорию Казахстана, и на территорию Монголии, и на территорию России. В конце концов информация дошла, но появилась она, когда вспышка у нас была уже в разгаре.

К сожалению, есть и другие примеры отрицательных последствий из-за недостаточного международного сотрудничества. В частности, мы несколько лет назад собрались обновить списки инфекций, встречающихся на территории России и на территории ряда соседних стран. Выяснилось, что далеко не все зарубежные страны представляют на своих интернет-сайтах регулярную информацию об инфекционной заболеваемости. Россия здесь оказалась одним из лидеров: есть сайты Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор, бывший Госсанэпиднадзор). На сайте <http://www.gsen.ru> фактически ежедневно обновляется информация об инфекционных заболеваниях, сайт <http://www.fcgsen.ru> публикует ежемесячную информацию о заболеваемости, кроме того, издается специальный бюллетень. Таким образом, Россия свои международные обязательства по публикации статистики исполняет в полной мере, и хотелось бы, чтобы это делали и другие страны.

Несколько слов о других препятствиях на пути сотрудничества. В первую очередь, несмотря на то, что какой-то международный обмен в области правил биобезопасности существует, он начался совсем недавно, и сохраняются существенные различия в законодательстве стран в области правил работы с патогенами. Если вы посетите сайты большинства национальных организаций, занимающихся вопросами биобезопасности, то обнаружите, что как таковые правила биобезопасности на них не опубликованы. Если бы это делалось, это было бы очень полезно для развития национальных законодательств в этой области.

Еще одна сложность заключается в том, что многие страны приняли новое законодательство об экспортном контроле и о правилах пересылки микроорганизмов между странами. Надо сказать, что в целом ряде стран эти правила настолько сложны и настолько многоэтапны, что фактически преодолеть этот барьер не удастся. Обмен штаммами с такими странами практически прекращен из-за того, что другая сторона просто не желает связываться с такой бюрократией.

Серьезной проблемой является неопределенность статуса международных фондов в России. Эту проблему специалисты знают, ее, конечно, надо решать совместными усилиями, потому что иначе на пути прохождения проектов встречается целый ряд юридических казусов.

И, наконец, в очень многих странах процедуры получения правительственного одобрения международных проектов очень сложны. С этим сталкиваемся и мы. К примеру, по ряду наших проектов мы ждали решения других стран по два-три года. Такое случается и у нас в России. Надо как-то облегчать прохождение этих проектов через соответствующие органы.

Есть ряд предложений о том, что было бы хорошо сделать для активизации международного сотрудничества. *Во-первых*, важно в максимальной степени унифицировать национальные законодательства по правилам работы с патогенами. Это было бы полезно для всех сторон и облегчило бы многие аспекты сотрудничества. Особое внимание следует уделить правилам хранения, упаковки и транспортировки патогенов. В России такие правила существуют отдельно от правил работы с патогенами. Кроме того, в этой области между законодательствами ряда стран есть нестыковки, которые надо устранять. Причем нестыковок довольно много – вплоть до правил перевозки штаммов.

Во-вторых, было бы полезно гармонизировать правила экспортного контроля. Сейчас получается так, что перелетные птицы спокойно переносят инфекцию из страны в страну, а люди перевезти образцы штаммов не могут. Уже были такие случаи, когда реально необходимость передачи таких штаммов пропадала, потому что перелетные птицы, для которых нет правил экспортного контроля, инфекцию уже давно перенесли.

В-третьих, есть необходимость усиления работы по расширению объемов информации по правилам биобезопасности на национальных интернет-ресурсах. Правила на них, к сожалению, не размещаются, и даже правила ВОЗ, хоть и содержатся на сайте, но для того, чтобы их открыть, требуется специальный доступ. Представляется, что для такой организации, как ВОЗ, вполне допустимо было бы просто поместить их на сайте в режиме открытого доступа.

В-четвертых, было бы очень полезно расширить информацию и статистику о вспышках инфекционных заболеваний на национальных сайтах. Россия такую информацию предоставляет, может, не всегда полно, но это позволяет проводить сравнение статистики заболеваний у нас и в США. А вот с некоторыми странами, даже европейскими, мы никак не можем связаться, потому что информация отсутствует не только на сайтах, но и даже в министерствах здравоохранения долго думают, прежде чем направить нам такую информацию.

В-пятых, важно упростить и ускорить процедуру прохождения экспертизы научных проектов в правительственных институтах. Это необходимо сделать во многих странах, включая Россию.

Ну и, наконец, *в-шестых*, очень полезно было бы увеличить финансирование международных проектов в области биобезопасности и борьбы с инфекционными болезнями, в первую очередь двухсторонних проектов с соседними с Россией странами, со странами ближнего зарубежья. А для нас вся Европа по сути является ближним зарубежьем. Поэтому такие проекты были бы полезны не только на многонациональной, но и на двухсторонней основе.

Г.Н. ЛЕПЕШКИН (ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЦЕНТРА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА «РАЦЕМ»)

Существуют три основных аспекта проблемы обеспечения биобезопасности работ: организационные, инженерно-технические решения и медико-биологические. Все они взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены. Только комплексный подход при разработке и реализации соответствующих необходимых мероприятий может обеспечить эффективное решение проблемы в целом. Мероприятия организационного характера включают координацию всех работ в области безопасности, регламентацию порядка и правил работы. К инженерно-техническим решениям следует отнести автоматизированный контроль исправности и эффективности работ технологических систем безопасности, постоянный визуальный и инструментальный контроль за выполнением персоналом требований безопасности. Медико-биологические аспекты включают комплекс профилактических, лечебных и противозидемических мероприятий. К ним относятся: диспансерное наблюдение за персоналом, привлекаемым к работам с опасными патогенами, специфическую профилактику инфекций, с возбудителями которых ведутся исследования, ежедневный медицинский контроль перед началом работ и др. Эти работы выполняет персонал специализированного медицинского учреждения.

Работы с микроорганизмами, их учет, хранение и транспортировка регламентированы Санитарными правилами, которые направлены на обеспечение личной и общественной безопасности при транспортировке биоматериалов, а также исключение несанкционированной передачи и безучетного хранения. Еще одно важное направление деятельности – это физическая безопасность учреждений, которая обеспечивается созданием интегрированной системы контроля доступа на эти объекты.

В последние годы, в связи с возможной угрозой проведения диверсий экстремистами, разрушения объектов микробиологического профиля и использования биологических агентов в террористических целях, актуальность проблемы биобезопасности значительно возрастает. Различные экстремистские и криминальные структуры могут планировать проведение диверсий на предприятиях и в научно-исследовательских центрах, где проводятся разрешенные работы с патогенными возбудителями для разработки и производства иммунобиологических препаратов, с целью захвата этих учреждений и угрозы их разрушения в случае отказа выполнения требований террористов. Возможны также хищения из музейных коллекций патогенов и угроза их использования для вышеуказанных целей. Поэтому на таких объектах должна быть организована надежная комплексная система физической защиты, производственной техники безопасности и промышленной санитарии, противозидемического режима и др.

Соблюдение вышеизложенных требований противоэпидемического режима в микробиологических лабораториях, научных центрах, производствах и музейных коллекциях, а также деятельность, направленная на совершенствование их физической безопасности и эффективного функционирования, в зависимости от решаемых задач как на национальном, так и международном уровнях, позволит обеспечить достаточный уровень биобезопасности, а также исключить или снизить до минимума возможность несанкционированного доступа экстремистов к биологическим материалам. В этой связи важно изучать опыт зарубежных стран, а также опыт сотрудничества в рамках международных организаций, таких как ЕС и МНТЦ.

А.С. БАРАНОВ (ПРЕЗИДЕНТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

Поскольку существуют специфические особенности и практические наработки (ноу-хау) в построении системы биологической безопасности в каждой из конкретных стран, а она сама является частью общегосударственной системы безопасности, вряд ли уместно и экономически оправданно привлекать для этого чужие интеллектуальные и финансовые ресурсы, которые могут в дальнейшем быть использованы как право на давление и своеобразный пропуск к государственным секретам России.

Если говорить о перспективных направлениях международного сотрудничества, прежде всего коммерческой направленности, то в качестве наиболее перспективных следовало бы выделить следующие:

- создание мобильной системы контроля и оповещения о биологических рисках, путем модернизации и унификации материально-технического обеспечения дедекции возможных угроз;
- гармонизация терминологии, нормативно-правовых процедур, технических методик и других актов в области биологической безопасности;
- создание базы данных по используемым в настоящий момент в геномной инженерии генам-терминаторам, токсинам белковой природы и специфическим бактериальным плазмидам и промоторам, а также по молекулярным маркерам (праймамерам), по которым можно обнаружить сложные и несущие риски конструкции;
- создание биоинформационной базы, на основании которой будут оцениваться потенциальные возможности использования разработок двойного назначения (в том числе и по генетически модифицированным организмам) в области биологической, генетической, экологической, аграрной и продовольственной безопасности, а также определяться риски от использования таких разработок и осуществляться поиск возможных контрмер по их предотвращению;
- в области образования – наладить подготовку квалифицированных специалистов в области биологической и химической безопасности, для чего предусмотреть сотрудничество в разработке совместного проекта по созданию в России специализированного научно-учебного центра (Международной академии биологической и химической безопасности).

МАРК ФИНО (ЧЛЕН ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ЖЦЛБ)

Необходимо проводить различие между двумя концепциями, которые по-русски звучат одинаково – биобезопасность. Есть биобезопасность в значении *biosafety* – набор стандартов и процедур, определяющих все аспекты защиты персонала и окружающей среды от случайного распространения биологического агента, включая технологии предотвращения утечки патогенов (фильтры, герметизация оборудования). Биобезопасность в значении *biosecurity* – совокупность процедур, направленных на предотвращение умы-

шленного распространения патогенов (кража, нецелевое применение или иные враждебные действия). Сотрудничество России и Запада возможно и нужно развивать по обоим направлениям. Полагаю, есть несколько потенциальных сфер сотрудничества России и Запада:

- усиление безопасности коллекций патогенов и объектов биотехнологического комплекса;
- укрепление эпидемиологического мониторинга;
- взаимодействие и в перспективе объединение национальных систем эпидемиологического мониторинга;
- перевод в электронную форму статистики вспышек заболеваний, имевших место в прошлом;
- подготовка специалистов в области нераспространения.

При этом для повышения эффективности такого сотрудничества необходимо:

- облегчение доступа на объекты;
- определение единого государственного органа, ответственного за взаимодействие с зарубежными партнерами.

Н.И. КАЛИНИНА (ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ИНСПЕКЦИИ, СЧЕТНАЯ ПАЛАТА РФ)

Во-первых, хотелось бы отметить необходимость перестать говорить о «содействии» России в области биобезопасности и переформулировать его в «сотрудничество». Только при существовании сотрудничества можно говорить о многосторонних механизмах взаимодействия, учитывающих опыт России и в целом всего Советского Союза по ликвидации аварий, связанных с патогенами, и по ликвидации инфекций и эпидемий, которые угрожают России. Дело в том, что на территории страны находится очень много природных очагов биобезопасности, игнорировать которые нельзя. В качестве доказательства того, что российский опыт весьма важен, приведу пример, который на слуху у всех – распространение атипичной пневмонии.

Атипичная пневмония пришла на территорию России из Китая, что неудивительно, учитывая огромную протяженность границ между нашими странами и тот факт, что далеко не все таможенные, пограничные посты оснащены необходимой аппаратурой. Тем не менее система санитарно-эпидемиологического надзора, которая была сформирована в СССР сразу после Второй мировой войны, сработала надежно, несмотря на ту разруху, которая преследует нашу страну на протяжении последних лет. У России был один случай атипичной пневмонии и тот с выздоровлением, а, к примеру, в Канаде – тридцать три смерти. Этот пример показывает возможности российских специалистов, которые еще не потеряны для международного сообщества с точки зрения решения возникающих новых глобальных проблем.

Если говорить о коммерческих проектах, то здесь, безусловно, есть поле для двустороннего сотрудничества. Если привлечь специалистов из фармацевтической, пищевой промышленности, из сельского хозяйства, перечень таких проектов будет состоять из нескольких сотен, поскольку биотехнологии – это не только сегодняшний, но и завтрашний день. Возможно, это единственный способ выживания человечества с точки зрения растущих потерь природных ресурсов, с точки зрения потери продовольственных ресурсов. Очевидна быстрая окупаемость коммерческих проектов, которые связаны, например, с косметологией, с созданием и сохранением банка данных своих собственных микробов, которые способствуют повышению иммунитета человека, и т.д.

Швейцарии принадлежит историческая роль в решении проблем запрещения химического оружия, сейчас было бы очень уместно продолжить эту роль в новом ключе, связанном с решением проблем биобезопасности. Мне кажется, что первым проектом могла бы стать совместная со швейцарской стороной выработка рекомендаций для государств-членов КБТО в преддверии Обзорной конференции: создать совместную экспертно-аналитическую группу, проработать документы, которые подготовлены государствами, и выйти с рекомендациями от лица неправительственных организаций, поскольку позиция правительств всегда должна быть более сдержанной и от лица правительства не все можно сказать, что хочешь.

Р.В. БОРОВИК (ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ТОКСИКОЛОГИИ И ГИГИЕНИЧЕСКОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ БИОПРЕПАРАТОВ, СЕРПУХОВ, МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Объективная необходимость сотрудничества России и стран Запада в сфере биобезопасности существует. Важно перейти от обсуждения теоретических положений, которые тоже важны, к решению проблем прикладного характера – рассмотрению инструментальных и медикаментозных методов, дезинфектантов, защитных мер и способов противодействия. Именно они наиболее легко могут быть переведены в коммерческую плоскость и стать объектом взаимной заинтересованности и сотрудничества. Швейцария имеет наименьший среди европейских стран опыт работ с патогенными микроорганизмами. Ее роль представляется более значимой в области химической безопасности. Вместе с тем возможны и были бы интересны совместные проекты в следующих областях:

- изучение биологических аэрозолей;
- новые средства и методы дезактивации (дезинфекции) патогенов;
- усовершенствование методов экспресс-диагностики.

А.В. ВИНОГРАДОВ (КООРДИНАТОР КОММЕРЧЕСКОГО ПРОЕКТА, МНТЦ)

Если говорить о шагах, необходимых для практической реализации сотрудничества, Международный научно-технический центр (МНТЦ) уделяет огромное внимание вопросам биобезопасности, создав Департамент биобезопасности (*Biological Security Department*). Конечно, МНТЦ во многом интересуется аспектом коммерциализации международного сотрудничества по заявленному списку вопросов. Так или иначе, главная цель МНТЦ – создать отлаженный механизм международного сотрудничества. Пусть пока он несовершенен, тем не менее он уже работает. Напрашивается логичный вывод – нужно просто взять этот уже существующий механизм и его использовать.

А.В. БУЛЫЧЕВ (КООРДИНАТОР ПРОЕКТА «ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО», ПИР-ЦЕНТР)

МНТЦ как механизм сотрудничества имеет серьезный недостаток, который заключается в неурегулированности правового статуса МНТЦ. Хотя МНТЦ базируется в России, договор о его создании не прошел ратификацию в Государственной Думе. Так что на базе МНТЦ проекты сотрудничества в столь чувствительной сфере, как «биология», с юридической точки зрения начинать будет небезопасно. Начало сотрудничества в области биобезопасности в рамках программы Глобального партнерства также представляется не очень желательным для России, учитывая многосторонний характер Глобального партнерства, чувствительность сферы биобезопасности и ряд положений базовых документов Глобального партнерства, несколько предвзято говорящих *де-факто* об угрозе распространения с территории России и упоминающих «биологическое оружие». Так что вполне логичным выглядит начало сотрудничества на двухсторонней основе, с нейтральной европейской страной.

Опыт Глобального партнерства может быть ценен с точки зрения использования уже отработанного механизма международного сотрудничества, применимого как в двухстороннем, так и в многостороннем формате. Схема выглядит следующим образом: вначале заключается «зонтичное» межправительственное соглашение, которое регулирует ключевые вопросы сотрудничества (вопросы налогообложения, доступа на объекты, гражданской ответственности и т.п.). Затем заключаются исполнительные соглашения, определяющие, сколько денег и на какие проекты выделяется. Третий этап – заключение контрактов с подрядчиками и субподрядчиками. Эта схема может применяться и для начала двухстороннего российско-швейцарского сотрудничества в области биобезопасности.

Укрепление отношений с Индией и развитие стратегического партнерства с этой страной в XXI веке является важным национальным интересом США. Однако усилия по развитию двухсторонних американо-индийских отношений не должны противоречить другому национальному интересу США – предотвращению распространения ядерного оружия, что является настолько же, если не более, значимым приоритетом внешней политики страны. Однако именно такое противоречие породила администрация Буша в рамках ядерной сделки, заключенной летом 2005 г. во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Вашингтон.

В Совместном заявлении, обнародованном 18 июля 2005 г., Индия согласилась предпринять серию шагов с целью демонстрации своего соответствия статусу ответственной ядерной державы и для поддержки задач режима нераспространения. В свою очередь, администрация Буша согласилась инициировать изменения в законодательстве США и международных договоренностях, чтобы получить возможность экспорта ядерного оборудования и технологий в Индию, что является радикальным отходом от давно существующих юридических обязательств и политики, препятствующих сотрудничеству в ядерной области с государствами, не являющимися членами Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Официальные представители администрации утверждали, что данная сделка является, в целом, выигрышной для нераспространения, так как она сближает Индию с политикой и практикой международного режима нераспространения. В своем выступлении перед Комитетом Конгресса по международным делам 8 сентября 2005 г. заместитель госсекретаря США Р. Джозеф утверждал, что «выполнение Индией взятых на себя обязательств в конечном итоге сделает более эффективными глобальные усилия по предотвращению распространения ОМУ и международный режим ядерного нераспространения в результате станет сильнее». Более детальное рассмотрение, однако, показывает, что нераспространенческие выгоды Совместного заявления от 18 июля носят весьма ограниченный характер.

ВЫГРЫШ ДЛЯ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ СКРОМЕН

Некоторые из шагов, заявленных Индией, являются простым повторением существующих позиций, включая приверженность страны продолжению соблюдения одностороннего моратория на испытание ядерного оружия, укреплению своей национальной системы экспортного контроля и работе по заключению многостороннего договора о запрещении производства расщепляющихся материалов. Ввиду безуспешных попыток в течение более чем десятилетия начать переговоры по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов и отсутствия в ближайшее время перспектив по уст-

ранению препятствий для начала переговоров последнее обязательство, скорее всего, в ближайшем будущем никак не скажется на существующей программе Индии по производству оружейных ядерных материалов.

Другие обязательства Индии, зафиксированные в Совместном заявлении, являются смелым шагом вперед, но их реальное значение для нераспространения весьма скромное. Например, можно приветствовать обязательство воздерживаться от передачи технологий по обогащению и переработке странам, которые ими не обладают. Но так как Индия – надо отдать ей должное – никогда не передавала такие технологии и не имеет планов делать это, практическое значение такого обязательства будет невелико. Более того, хотя приверженность руководящим принципам Режима контроля над ракетными технологиями РКРТ и Группы ядерных поставщиков (ГЯП) также является позитивным моментом, но Индия планировала сделать этот шаг еще до Совместного заявления от 18 июля 2005 г. – в рамках американо-индийского диалога по передаче технологий и экспортному контролю под названием «Следующие шаги в рамках Стратегического партнерства».

Наибольшее количество критических отзывов внутри Индии вызвало обещание разделить гражданские и военные ядерные объекты и добровольно поместить гражданские объекты под гарантии МАГАТЭ, включая применение положений Дополнительного протокола Агентства. Индийские критики утверждают, что в связи с тем, что гражданская и военная деятельность ведется на многих индийских ядерных объектах одновременно, выполнение данного обязательства может оказаться дорогостоящим и требующим много времени, а также может привести к ненужным ограничениям для военных программ. В ответ на эту обеспокоенность индийские официальные лица подчеркнули, что Индия сама будет решать, в отношении каких объектов будут применяться гарантии, и предложили, чтобы только небольшое количество из ее объектов было включено в гражданский список. Признавая, что отнесение объектов к гражданской категории (т.е. к которым применяются гарантии) является прерогативой Индии, официальные лица США дали ясно понять, что для того, чтобы данный список был достоверным, он должен быть полным.

Однако, вне зависимости от того, насколько полон или избирателен будет этот список, нераспространенческая ценность обязательства Индии по применению гарантий МАГАТЭ к некоторым ядерным объектам будет довольно ограниченной. Целью гарантий МАГАТЭ для неядерных государств-членов ДНЯО является проверка, что никакие ядерные материалы не используются в оружейных ядерных программах. Но так как Индия продолжает производить расщепляющиеся материалы для ядерного оружия (на объектах, не включенных в список, подпадающий под гарантии), ее желание применять гарантии к объектам, признанным гражданскими, исполняет, главным образом, символическую функцию – уменьшить видимое неравенство между теми странами, которые должны принимать гарантии для всех своих объектов, и теми, которые не обязаны делать этого.

Помимо этого символического значения, готовность поместить гражданские объекты под гарантии также играет более практическую роль. Если члены Группы ядерных поставщиков изменят свои правила и разрешат сотрудничество с Индией в ядерной области, они, что наиболее вероятно, ограничат такое сотрудничество теми объектами в Индии, в отношении которых применяются гарантии. Статья III(2) ДНЯО обязывает ГЯП вести ядерное сотрудничество только на тех объектах в неядерных государствах, в отношении которых применяются гарантии. Так как администрация Буша не стремится предоставить Индии статус ядерного государства согласно ДНЯО, ст. III (2) будет продолжать действовать в отношении Индии. Список индийских объектов, подпадающих под гарантии, таким образом, будет служить для определения рамок возможного сотрудничества в ядерной области. Для Индии компромисс будет заключаться между расширением списка (чтобы расширить возможности для сотрудничества) и сужением списка (для защиты объектов от международных проверок). Какой бы выбор она ни сделала, фундаментальные недостатки заявленного 18 июля обязательства Индии в отношении гарантий остаются – обязательство не влияет на способность Индии продолжать производство материалов для ядерного оружия на объектах, не подпадающих под гарантии.

НЕДОСТАТКИ СДЕЛКИ

Представители администрации Буша правы, говоря, что различные обязательства, содержащиеся в Совместном заявлении, приближают Индию – как в риторическом, так и в практическом смысле – к основному руслу международного режима нераспространения, которого она избежала на протяжении более чем 30 лет. Тем не менее достижения ядерной сделки между США и Индией в области нераспространения слишком малы, если их сравнивать с огромным ущербом для целей нераспространения, который может иметь место, если сделка будет осуществлена в ее нынешнем виде.

Сделка между США и Индией может осложнить реализацию ключевых инициатив администрации Дж. Буша в области нераспространения. США обратились к 45 странам-участницам Группы ядерных поставщиков с просьбой разрешить сотрудничество в ядерной области только с теми странами, которые придерживаются Дополнительного протокола МАГАТЭ, и запретить передачу технологий по обогащению и переработке государствам, еще не обладающим объектами топливно-ядерного цикла. Но будет крайне сложно добиться от партнеров по ГЯП ужесточения правил согласно пожеланиям США, если одновременно просить их изменить одно из своих фундаментальных правил (никакой ядерной торговли со странами, не являющимися членами ДНЯО), мотивируя это тем, что оно больше не устраивает США.

Добиваясь исключения из правил, чтобы поддержать новые особые дружеские взаимоотношения с Индией, США усиливают впечатление в мире, что их подход к нераспространению стал носить избирательный, эгоистичный, непоследовательный и негибкий характер. Правила, иницируемые и поддерживаемые США, будут восприниматься как менее обязательные и более добровольные к исполнению. Россия и Китай будут чувствовать больше свободы по поводу ядерного сотрудничества с их собственными партнерами, которое США может считать рискованным и недопустимым, – с Ираном и Пакистаном соответственно.

Ядерная сделка в ее нынешней форме вызвала отрицательную реакцию со стороны близких друзей США, например Японии, Германии и Бразилии, которые в свое время вынуждены были выбирать между ядерным оружием и сотрудничеством в области мирного атома. Они выбрали второй вариант, отказавшись от создания ядерного оружия и присоединившись к ДНЯО, чтобы воспользоваться выгодами сотрудничества в ядерной сфере. Теперь, когда Индия получила все сразу, неядерные государства-участники ДНЯО чувствуют себя обманутыми. Не желая портить отношения ни с Индией, ни с США, они, скорее всего, постараются избежать публичного скандала по поводу внезапного изменения политики США (о чем с ними предварительно не проконсультировались). Но в будущем они будут менее склонны идти на дополнительные жертвы во имя нераспространения.

Сделка между США и Индией может также снизить представление о возможных издержках среди государств, которые раздумывают над приобретением ядерного оружия в будущем. При рассмотрении вопроса, следует ли стремиться к обладанию ядерным оружием, основным фактором для большинства стран будет возможная реакция США. Реализация сделки неизбежно явится определенным сигналом, особенно для стран, состоящих в хороших отношениях с Вашингтоном, о том, что США смиряются и в конечном итоге поддержат решение о приобретении ядерного оружия.

В ближайшей перспективе планы США по развитию ядерного сотрудничества с Индией затруднят решение таких нераспространенческих проблем, как Иран. Конечно, интерес Ирана к ядерному оружию возник задолго до сделки США с Индией. Но эта сделка укрепила возможную аргументацию Ирана, с которой он уже выступает на мировой арене. Почему, публично спрашивают иранские официальные лица, Иран должен отказаться от своего права государства-члена ДНЯО обладать возможностями по обогащению урана, когда Индия, не участвующая в ДНЯО, может сохранить свое ядерное оружие и тем не менее, пользоваться плодами сотрудничества в ядерной сфере? Этот аргумент находит неплохую поддержку среди многих стран и ослабляет возможное давление на Тегеран.

В целом изменение политики администрации Буша – это сигнал, что США – государство, на которое мир всегда смотрел как на лидера в глобальной борьбе с распространением ОМУ – теперь принижает роль нераспространения и считает его менее важной задачей по сравнению с другими внешнеполитическими целями. Другие страны могут последовать примеру США, придавая нераспространению меньшую приоритетность по сравнению с политическими и экономическими соображениями в своей международной политике, и это может иметь негативные долгосрочные последствия для глобально-го режима нераспространения.

СДЕЛКА МОЖЕТ БЫТЬ ВЫИГРЫШНОЙ ДЛЯ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Ущерб может быть минимизирован, а сделка превращена из чистого убытка для нераспространения в чистый выигрыш – если будут сделаны некоторые улучшения по ходу практической реализации Совместного заявления от 18 июля 2005 г. – или самими правительствами Индии и США, или Конгрессом США при принятии нового законодательства, или Группой ядерных поставщиков при модификации ее руководящих принципов, или всеми ими одновременно.

Наиболее важным усовершенствованием было бы решение Индии прекратить производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Индии нужно прекратить это производство не в одностороннем порядке, а в рамках многостороннего моратория, действующего, пока не будет заключен международный договор о запрещении производства расщепляющихся материалов. Многосторонний мораторий на производство внес бы большой вклад в дело борьбы с ядерным распространением и ядерным терроризмом, введя потолок для роста запасов оружейных материалов во всем мире и тем самым облегчив меры по предотвращению хищения или захвата подобных материалов – в Индии, Пакистане, где-либо еще.

Без моратория на производство расщепляющихся материалов сделка между США и Индией на самом деле может облегчить рост военного ядерного потенциала Индии. Собственные запасы урана Индии весьма ограничены. Согласно существующим правилам в области нераспространения, когда Индия не может купить природный уран на мировом рынке, она вынуждена использовать эти ограниченные запасы как для выработки энергии, так и для производства ядерного оружия, и выбор между этими двумя целями будет все более болезненным. Согласно новым правилам Индия может покрыть потребности гражданской программы путем импорта, тем самым освободив собственные запасы урана для военной программы и сделав возможным, если так решит индийское правительство, продолжение и даже резкое увеличение запасов оружейных материалов. Мораторий на производство предотвратил бы такое увеличение.

Первый заместитель министра иностранных дел Индии Ш. Саран заявил в июле 2005 г., что Индия «готова принять на себя те же обязательства и придерживаться той же практики – не больше и не меньше – как и другие ядерные государства». Так получилось, что все пять ядерных государств (США, Россия, Франция, Великобритания, Китай) прекратили производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Применяя стандарт «не больше и не меньше», было бы разумно попросить Индию присоединиться к остальным. Индия утверждает, что у нее нет стратегического императива обладания равным потенциалом с другими ядерными державами (включая Китай) и что она стремится только к обладанию «минимальным достоверным потенциалом сдерживания». Если это на самом деле так, то, возможно, Индия скоро решит, что у нее достаточно плутония для своих нужд сдерживания и что она может позволить себе отказаться от дальнейшего его производства.

Соглашение от 18 июля 2005 г. могло бы быть усилено и в том случае, если бы Индия взяла на себя более активную и конструктивную роль в помощи США при решении наиболее острых современных проблем нераспространения, особенно вызова со стороны Ирана. Учитывая стремление Индии превратить Иран в долгосрочный источник энергетических поставок, Индия не стремится оказывать давление на Иран по поводу его ядерной программы. Во время сентябрьского визита в Тегеран министр иностранных дел

Индии М. Сингх публично выступил в поддержку позиции Ирана по ядерному вопросу и с критикой подхода США. Данные заявления вызвали резко негативную реакцию членов Конгресса, представляющих весь политический спектр, в том числе со стороны нескольких ярых сторонников Индии, которые дали ясно понять, что неспособность Индии занять одну позицию с США по иранскому ядерному вопросу поставит под угрозу поддержку изменений в законодательстве, необходимых для реализации американо-индийской ядерной сделки.

В ответ на эти предостережения Конгресса и жесткие заявления, сделанные лично президентом Дж. Бушем и госсекретарем К. Райс своим индийским коллегам, Индия 24 сентября 2005 г. присоединилась к США и Европе, проголосовав на Совете управляющих МАГАТЭ за резолюцию, признающую несоблюдение Ираном его нераспространенческих обязательств, но откладывающую вопрос о том, когда и как иранский вопрос будет направлен в Совет Безопасности ООН. Это явилось позитивным шагом, но, тем не менее, не показателем того, что Индия готова постоянно и целенаправленно использовать свое влияние с целью заставить Иран отказаться от планов создания объекта по обогащению, способного производить как топливо для гражданских ядерных реакторов, так и ядерные материалы оружейного качества. Действительно, после голосования в МАГАТЭ Индия стремилась успокоить Иран, заявляя, что она действовала в интересах Ирана, когда убеждала европейцев отказаться от требования немедленной передачи иранского досье в СБ ООН.

Риски сделки между Индией и США могут быть также уменьшены, если сохранить некоторые различия в номенклатуре разрешенных ядерных поставок между государствами-участниками ДНЯО и государствами, не участвующими в Договоре. Давним элементом режима нераспространения является «Преференциальная политика ДНЯО» – предоставление членам ДНЯО возможностей в области мирного использования атомной энергии, которые недоступны государствам вне Договора. Совместное заявление подбывает эту политику, призывая к «полному» ядерному сотрудничеству с Индией. Способом сохранения некоторого преференциального режима для государств-членов ДНЯО было бы внесение изменений в законодательство США и руководящие принципы ГЯП с целью разрешения экспорта относящейся к ядерной сфере продукции в государства, не входящие в ДНЯО, кроме оборудования, материалов или технологий, относящихся к чувствительным объектам ядерного-топливного цикла, включая обогащение, переработку ОЯТ и производство тяжелой воды. Подобное различие позволило бы Индии приобретать природный уран, топливо для АТС, ядерные реакторы и широкий спектр другой ядерной продукции, но сохранило бы запрет на передачу той продукции, которая наиболее тесно связана с оружейной ядерной программой.

Помимо запрещения любого сотрудничества с Индией в области чувствительных технологий ядерного топливного цикла (даже под гарантиями МАГАТЭ), США должны разрешать сотрудничество в менее чувствительных ядерных областях только при наличии гарантий. Как было отмечено ранее, Индия останется государством, не обладающим ядерным оружием (НЯОГ) согласно определению ДНЯО, а статья III(2) разрешает ядерный экспорт в НЯОГ только под гарантиями МАГАТЭ. Более того, согласно действующему законодательству США такой экспорт должен быть разрешен только на объекты, постоянно находящиеся под гарантиями (под специальными для конкретного объекта гарантиями в соответствии с соглашениями INF/CIRC/Rev.2 с МАГАТЭ), а не на объекты, в отношении которых применяются механизмы добровольных гарантий, позволяющие странам изымать материал или объекты из режима гарантий, руководствуясь соображениями национальной безопасности. Выбор будет за Индией. Если она хочет извлекать выгоду из ядерного сотрудничества на конкретном объекте, ей необходимо заключить специальное соглашение о гарантиях в отношении данного объекта.

Риски для нераспространения также можно уменьшить, если реализовать ядерную сделку в нейтральной для всех стран форме, а не как специальное исключение из правил, сделанное только для Индии. Хотя администрация Буша не торопилась показать, как конкретно она будет стремиться изменить законодательство США и принципы ГЯП, она предложила, что одним из вариантов могло бы быть сохранение общих правил не-

изменными, но которые бы не применялись в конкретном случае Индии, так как последняя является «ответственным государством с развитой ядерной технологией». Проблема с этим вариантом заключается в том, что он подчеркнет обеспокоенность по поводу того, что США действуют избирательно на основании своих внешнеполитических соображений, а не на основании объективных факторов, относящихся к соблюдению режима нераспространения. Более того, в ГЯП, для изменения руководящих принципов которой требуется консенсус, некоторые страны – в частности Китай – также могут выступить против избирательного подхода к странам и добиваться разрешения ядерного сотрудничества с другими странами – не-членами ДНЯО, с которыми они состоят в дружеских отношениях (например, с Пакистаном).

Чтобы избежать опасности, делая избирательное исключение для одной страны, и при этом не допустить возможности ядерного сотрудничества с другими странами, которые еще не полностью заслуживают этого, администрация Буша должна предложить изменения в законодательстве страны и принципах ГЯП, которые бы позволили ядерное сотрудничество (кроме сотрудничества в чувствительных областях ядерного-топливного цикла или на объектах, не подпадающих под гарантии) с любым государством, не являющимся членом ДНЯО, которое отвечает определенным критериям ответственного поведения в ядерной области. Чтобы избежать создания стимулов для стран по выходу из ДНЯО, измененные правила должны применяться только к странам, которые не являлись членами ДНЯО на определенную дату, за исключением Северной Кореи. Эти правила должны применяться только к Индии, Пакистану и Израилю. Чтобы некоторые государства, не являющиеся членами ДНЯО, могли получать ядерный экспорт из США согласно пересмотренному американскому законодательству, президент США должен подтвердить, что данное государство:

- выступило с публичными заверениями, что оно не будет испытывать ядерное оружие;
- выступило с публичными заверениями, что оно не будет производить расщепляющиеся материалы для ядерного оружия и выполняет свое обещание;
- поместило под гарантии МАГАТЭ свои гражданские ядерные объекты, включая все энергетические ядерные реакторы и исследовательские объекты, относящиеся к производству электроэнергии;
- играет активную и конструктивную роль в решении острых проблем нераспространения, которые возникают вследствие деятельности государств, вызывающих обеспокоенность с точки зрения распространения;
- создало и четко применяет национальную систему экспортного контроля, которая соответствует высшим международным стандартам, включая жесткие правила и процедуры, запрещающие персоналу, обладающему знаниями в ядерной области, вступать в контакты и осуществлять сотрудничество без разрешения;
- выступило с публичными заверениями, что оно не будет экспортировать технологии по обогащению или переработке и что оно выполняет данное обещание;
- активно работает само и в сотрудничестве с другими странами над прекращением незаконного бизнеса в ядерной области и над ликвидацией незаконных ядерных коммерческих сетей, в том числе путем полного обмена результатами любых расследований незаконной деятельности в ядерной сфере; и
- применяет меры физической защиты, учета и контроля, отвечающие наивысшим международным стандартам, к любому ядерному оружию и ко всем чувствительным ядерным материалам и объектам – как военного, так и гражданского назначения – на своей территории.

Эти критерии могут быть зафиксированы в законодательстве США. Они также могут быть приняты ГЯП в качестве критериев для решения консенсусом, может ли конкретное

государство, не входящее в ДНЯО, иметь право на получение ядерных технологий от стран-членов ГЯП. В то время как подобный подход будет беспристрастным по отношению ко всем странам, он позволит и правительству США, и членам ГЯП проводить различие между странами, не являющимися членами ДНЯО, решая, могут ли последние – и как скоро – иметь право на сотрудничество в ядерной области.

Ярые сторонники ДНЯО могут утверждать, что данные критерии недостаточны и что только соблюдение ДНЯО может дать стране право осуществлять ядерное сотрудничество. Но было бы нереалистичным ожидать от Индии или других государств, не являющихся членами ДНЯО, что они когда-либо присоединятся к ДНЯО, а, продолжая настаивать на присоединении к Договору в качестве неприменного условия для осуществления ядерного сотрудничества, можно потерять выгоды для режима нераспространения, которые могут быть достигнуты до вступления в ДНЯО.

От тех, кто решительно поддерживает Совместное заявление от 18 июля, можно ожидать утверждений, что данные критерии слишком требовательны и что они могут привести к выходу Индии из ядерной сделки. Но даже наиболее строгий критерий – прекращение производства расщепляющихся материалов – является шагом, который Индия в принципе поддерживает и заявляет, что она готова сделать такой шаг, когда ее минимальные потребности в сдерживании будут удовлетворены. Если Индия сейчас готова прекратить производство, то она может легко соответствовать остальным критериям. Если нет, то для Индии будет открыта возможность сделать это в любое время по ее усмотрению.

Предлагаемый здесь подход будет явно менее привлекательным для Индии, чем менее требовательный подход, на котором администрация Буша была готова остановиться 18 июля 2005 г. Но предлагаемый подход внес бы существенные изменения в сохранявшийся десятилетиями статус-кво, в рамках которого возможности для Индии и других стран, не являющихся членами ДНЯО, осуществлять ядерное сотрудничество были закрыты на законодательном и политическом уровнях.

В своем решительном стремлении трансформировать американо-индийские отношения администрация Дж. Буша придает слишком мало значения неблагоприятным последствиям своих действий для режима нераспространения. Решением проблемы должен быть не отказ от сделки, заключенной в июле, а требование, чтобы она реализовывалась таким образом, чтобы позволить США добиваться достижения своих стратегических целей в отношениях с Индией и одновременно реализации своих интересов в сфере нераспространения, а не удовлетворять одну потребность за счет другой.

Примечание

¹ В основу статьи положено выступление автора перед Комитетом по международным делам Палаты Представителей США 26 октября 2005 г. Перевод – Д.О. Кобяков. © ПИР-Центр, 2006.

Приглашаем вас в Клуб Триалог

Основанный в 2000 г., Клуб *Триалог* объединяет крупные компании и дипломатические представительства, средства массовой информации и научно-исследовательские организации.

Цель Клуба – оперативно и квалифицированно знакомить его членов с широким спектром позиций и мнений по актуальным вопросам международной безопасности.

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на периодические (журнал *Ядерный Контроль* на русском и английском языках) и электронные (*Вопросы Безопасности*, *Arms Control & Security Letters* и *Ядерный Контроль: Информация*) издания ПИР-Центра;
- **монографиями и докладами** серии Библиотека ПИР-Центра;
- **доступом** к информационным ресурсам Центра и специально созданным для членов Клуба разделам в сети Интернет (<http://www.trialogue.ru> и <http://www.pircenter.oris/rus/club>);
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания Клуба и заседания Экспертно-консультативного совета Центра (4 раза в год).

С докладами на заседаниях Клуба выступают ведущие государственные и неправительственные эксперты из России и зарубежных стран. Докладчиками на последних встречах Клуба *Триалог* стали:

- **Косачев К.И.**, председатель комитета по международным делам ГД ФС РФ;
- **Спасский Н.Н.**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ;
- **Шафеи Голянреза**, посол Исламской Республики Иран в РФ;
- **Антипов С.В.**, заместитель руководителя Федерального агентства по атомной энергии;
- **Антонов А.И.**, директор Департамента по вопросам безопасности разоружения МИД РФ;
- **Айнхорн Роберт**, бывший заместитель госсекретаря США по вопросам нераспространения;

Клуб Триалог – это практическая и эффективная помощь компаниям в продвижении и развитии их бизнеса; трибуна для представления национальной позиции по актуальным вопросам современности дипломатам и эксклюзивный источник информации для журналистов.

Клуб Триалог объединяет российские и зарубежные компании с суммарным годовым оборотом более 20 млрд. долл. и персоналом более 100 тыс. человек. Среди представителей бизнеса, являющихся членами Клуба *Триалог*, в частности такие компании, как *Bechtel* и *Washington Group Int.*

Членом Клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб *Триалог* следует обращаться по тел. +7-495-764-9896 или электронной почте: info@trialogue.ru

Анализировать состояние ядерного потенциала нашего ближайшего и важнейшего соседа – Китайской Народной Республики и ее позицию по многоликим аспектам ядерной политики представляется делом довольно непростым, поскольку из всех держав, располагающих ядерным оружием, как официально признаваемых, так и неофициальных, ядерная программа и планы Китая в ядерной области являются одними из наиболее закрытых. И не случайно китайские представители на международных форумах по разоружению неизменно и в весьма твердой форме выступают против открытости или, как принято говорить, транспарентности ядерной деятельности. Объясняют это китайские специалисты обычно тем, что Китай обладает «небольшими и слабо развернутыми ядерными силами, что делает их легкими объектами для противника, обладающего эффективной разведкой». Поэтому, заявляют они, Китай «озабоченно относится к ядерной транспарентности, особенно к приданию публичной огласке количества ядерного оружия в своем арсенале и к местам его развертывания»¹.

В силу этого неизбежно приходится считаться с тем, что большая часть имеющейся информации о китайской военной атомной программе основана на сообщениях средств массовой информации, а также на заявлениях и оценках различных иностранных правительственных ведомств, разведывательных сообществ и независимых экспертов, прежде всего американских. Основательный анализ китайских официальных заявлений по ядерной проблеме тоже иногда требует немалых усилий ввиду того, что не всегда легко разобраться в тонкой нюансировке тех изменений, которые время от времени вносятся в проводимую китайским руководством официальную линию по ядерной проблематике.

РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ КИТАЯ

По данным авторитетных международных источников, в том числе ежегодников СИПРИ и справочников Фонда Карнеги за международный мир, ядерный арсенал Китая оценивается в 400–450 единиц ядерных боезарядов, предназначенных для развертывания на ядерной триаде, то есть на средствах наземного, авиационного и морского базирования. Ядерное оружие, судя по имеющимся данным, развернуто и на нестратегических системах, включая артиллерию, хотя в недавних заявлениях и документах КНР и высказываются публичные возражения против проведения государствами «исследований и разработок ядерного оружия малой мощности и легко приспособленного для применения»². Справочник Фонда Карнеги за международный мир 2002 г. приводит систематизированные данные о том, что Китай обладает примерно 270 боезарядами, развернутыми на ракетах наземного и морского базирования, 150 боезарядами на бомбардировщиках и 120 боезарядами, развернутыми на ракетах малой дальности, артиллерийских системах и на других средствах доставки³.

Со времени своего первого ядерного испытания 16 октября 1964 г. Китай произвел 45 ядерных взрывов, последний из которых состоялся 29 июля 1996 г., незадолго до открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Основу ядерной триады составляют наземные ядерные силы. Межконтинентальные баллистические ракеты *DF-5A* дальностью 13 000 км, достаточной, чтобы достичь США, являются жидкотопливными, они развернуты в провинции Хэнань, их четырех-пятимега-тонные боезаряды, как считается, хранятся отдельно от МБР. Кроме того, имеется свыше 100 ракет промежуточной дальности, развернутых таким образом, что они способны поразить объекты на территориях России, Индии, Японии и других азиатских государств. По мнению Фонда Карнеги, время, необходимое для пуска жидкостных ракет, недостаток защищенных ракетных шахт, а также недостаток мобильных ракетных систем создают у китайского руководства беспокойство относительно живучести этой составляющей ракетно-ядерного потенциала страны⁴.

КНР располагает одной атомной подводной лодкой *Xia*, вооруженной 12-ю твердотопливными двухступенчатыми БРПЛ *Julang-1* дальностью 1 700 км, однако АПЛ курсирует только в прибрежных водах, что не создает угрозы для США, как отмечают американские специалисты. По мнению авторов ежегодника СИПРИ за 2004 г., эта АПЛ, возможно, даже не достигла оперативной боеготовности. Авиационная часть ядерной триады состоит из 120 бомбардировщиков *H-6* и 30 самолетов *Q-5* среднего и меньшего радиуса действия, способных нести ядерные боезаряды. Бомбардировщики *H-6* основаны на технологии советских бомбардировщиков *Tu-16*, и их дальность составляет свыше 3 000 км. КНР закупает у России многоцелевые самолеты *Su-30* и *Su-27*, при этом предполагается, что они переоборудуются для выполнения боевых задач, связанных с ядерным оружием. Наконец, на вооружении имеются ракеты *DF-11* дальностью 280 км, а также другие системы нестратегического оружия (артиллерия, атомные фугасы, ракеты малой дальности). Китай имеет спутниковые системы наведения ракет⁵.

Поскольку Китай обладает ограниченным потенциалом нанесения ответного удара, он особенно обеспокоен перспективой создания системы ПРО. Такая система, защищающая территорию Соединенных Штатов, наряду с современной системой ПРО ТВД, которую США могут продать Японии и Тайваню, существенно затруднили бы китайское военное планирование. В этом случае Соединенные Штаты получили бы теоретическую возможность уничтожить китайские силы сдерживания. В случае если обеспокоенность КНР в отношении способности обеспечения ее безопасности существенно возрастет и если военная модернизация получит приоритет над модернизацией экономической, Пекин, вероятнее всего, будет вынужден увеличить количество развернутых носителей и боезарядов, повысить объемы производства запланированных к выпуску систем оружия и приступить к созданию и развертыванию средств противодействия системам ПРО⁶.

Китай весьма обеспокоен принятым Японией в 2003 г. решением вложить первый миллиард долларов в разрабатываемую американцами систему ПРО морского и наземного базирования, на которую будет истрчено еще несколько миллиардов долларов, прежде чем она будет полностью развернута, вероятно это произойдет не ранее 2011 г. Эта система, хотя на словах и предназначена для того, чтобы отразить ракетную атаку Северной Кореи, может быть использована для защиты от китайской ракетной угрозы, а ее компонент морского базирования может быть развернут для защиты Тайваня⁷.

По данным ежегодников СИПРИ и справочников Фонда Карнеги со ссылками на американские правительственные сообщения, наращивание ядерных сил Китая продолжается. По расчетам Министерства обороны США, проведенным в 2002 г., Китай имел около 20 МБР, способных достигать цели на территории США, при этом предполагалось, что это количество возрастет примерно до 30 единиц в 2005 г. и, возможно, до 60 – к 2010 г. По прогнозам ЦРУ, общие размеры китайского стратегического ракетно-ядерного арсенала в течение 15 лет возрастут до 75–100 боезарядов, развернутых «в основном против США». Как сообщает ежегодник СИПРИ за 2003 г., в докладе Министерства обороны США утверждается, что Китай, как представляется, не стремится к обладанию больши-

ми стратегическими силами, и хотя модернизация этих сил продолжается, они все же невелики.

С середины 1980-х гг. Китай разрабатывает три новые баллистические ракеты: мобильную трехступенчатую и твердотопливную МБР *DF-31 (CSS-X-10)*, новую версию *DF-31* с увеличенной дальностью действия и БРПЛ *Julang-II* («Большая волна»). Были проведены три испытательных пуска МБР *DF-31*, последний из которых имел место в ноябре 2000 г. Разрабатывается еще одна МБР – *DF-41* дальностью 12 000 км, которая будет развернута в ближайшие годы и будет способна поразить цели на всей территории США. Продолжается также создание АПЛ проекта 094, которая будет оснащена 16-ю БРПЛ *Julang-II*.

Как показывают опубликованные оценки ЦРУ, Китай, возможно, обладает достаточными техническими возможностями для разработки и развертывания систем с РГЧ, включая и РГЧ ИН, но пока как будто еще не делает этого. Если Китай попытается в ближайшее время овладеть технологией РГЧ, то, по оценкам ЦРУ, одним из вариантов может стать использование ракеты *DF-31* для разработки простых систем РГЧ или РГЧ ИН на уже существующих МБР *DF-5*⁸. По мнению специалистов, «ключевой сферой модернизации и роста являются увеличение количества и повышение точности баллистических ракет средней и меньшей дальности»⁹.

Разразившийся в США в 1999 г. и продолжавшийся несколько лет крупный шпионский скандал, явившийся результатом попыток Китая якобы «выкрасть» ядерные секреты из американской Лос-Аламосской лаборатории, связывали с намерениями КНР создать компактные ядерные боезаряды для РГЧ. В американской печати были сообщения, что китайцы пытались также получить доступ к технологиям наведения по потенциальным целям российских тяжелых ракет с РГЧ ИН¹⁰. Некоторые специалисты невольно задаются вопросом: не обтянется ли постоянное уклонение Китая от ратификации ДВЗЯИ стремлением сохранить возможность проведения ядерных испытаний для отработки зарядов для РГЧ, если этот Договор так и не вступит в силу из-за противодействия США?

Что касается тактического ядерного оружия, то по данным, приводимым в ежегодниках СИПРИ, несколько ядерных испытаний малой мощности в начале 1970-х гг. и военные учения в 1982 г., имитировавшие применение такого оружия, позволяют предположить, что могут проводиться и разработки ТЯО¹¹.

По данным последнего доклада Пентагона от июля 2005 г., Китай предполагает «в течение нескольких лет» создать новую мобильную МБР и новую БРПЛ, которая прошла испытание в июне 2005 г. Нынешний китайский арсенал из 20 МБР, способных достичь территории США, по мнению американского военного ведомства, может увеличиться в пять раз¹².

Точные объемы китайского производства оружейных расщепляющихся материалов, естественно, неизвестны. Фонд Карнеги ссылается на оценки аналитиков¹³, согласно которым Китай произвел от 2 до 6 т оружейного плутония и от 15 до 25 т ВОУ. С 1964 по 1987 г. Китай производил ВОУ на двух объектах – Ланчжоу и Хепин, плутоний производился также на двух объектах – Цзюцюань и Гуанюань с 1968 по 1991 г. Как полагают эксперты, КНР прекратила производство оружейного плутония в 1991 г., а производство ВОУ в 1987 г. Считается, что китайское ядерное оружие особенно зависит от оружейного урана, причем на единицу боезаряда уходит 20–30 кг ВОУ. Для плутониевого заряда используется в среднем 3–4 кг оружейного расщепляющегося материала¹⁴.

Большая часть произведенных оружейных ядерных материалов была использована для изготовления боезарядов. При этом предполагается, что резервные запасы таких материалов составляют более трех тонн оружейного ВОУ и одну тонну плутония, из которых Китай может оснастить дополнительно к имеющимся еще 200 единиц ядерных боезарядов¹⁵.

О прогрессирующей программе модернизации китайских вооруженных сил свидетельствуют данные о росте военного бюджета страны. Расходы КНР на оборону в 2005 г. были увеличены на 12,6 % по сравнению с предыдущим годом и составили почти 30 млрд. долл. В эту сумму, однако, не входит большая часть ассигнований на закупки вооруже-

ний за границей. По мнению Вашингтона, реальный военный бюджет страны составит в три раза большую сумму, чем официально объявленный¹⁶.

Как сообщила *Washington Post* 12 апреля 2005 г., «в течение последних недель президент Буш и его старшие сотрудники, включая министра обороны Д. Рамсфельда, государственного секретаря К. Райс и директора Центральной разведки П. Госса, выразили озабоченность по поводу наблюдающегося в последнее время роста военных возможностей Китая и их влияния на региональный баланс сил».

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КНР

Следует отметить, что с самого начала появления китайского ядерного оружия публично объявляемая ядерная политика Китая отличается определенной последовательностью. Сразу же после первого ядерного испытания, проведенного в 1964 г., китайское руководство заявило об этом и оповестило другие государства, что Китай «никогда и ни при каких условиях не применит первым ядерное оружие»¹⁷. В дальнейшем Китай в порядке развития этого своего заявления официально предложил в 1994 г. другим ядерным державам заключить договор о взаимном обязательстве не применять ядерного оружия первыми.

В практической военной деятельности, по мнению экспертов, до начала 1980-х гг. китайская военная стратегия состояла в подготовке к «раннему ведению войны, к ведению масштабной войны, к ведению ядерной войны». Однако в 1985 г. китайское военное руководство изменило стратегию, переведя упор с возможности всеобщей войны к подготовке страны к ограниченной войне. Одновременно аналитики Народно-освободительной армии Китая (НОАК) стали уделять больше внимания стратегии сдерживания как средству обороны от возможного противника¹⁸.

В настоящее время ядерная доктрина Китая, как считает большинство специалистов, основана на поддержании «минимального ядерного сдерживания», то есть способности нанести удар возмездия против небольшого количества высокоценных целей (таких, как города и промышленные центры) после ядерной атаки со стороны потенциального противника. При этом структура и характер развертывания ядерных сил КНР определяются двумя ключевыми факторами: необходимостью выживания потенциала нанесения ответного удара и учетом потенциального развертывания системы противоракетной обороны. Как справедливо отмечает российский эксперт И.Ф. Бочаров, «современная китайская ядерная доктрина сдерживания, представленная сравнительно небольшим размером ядерных сил, базируется на концепции ответного «противоценностного» удара, то есть разрушения городов противника. По мнению руководства Китая, такое положение дел способствует отказу любого американского президента от попытки нанести ядерный удар по этому восточному государству. Характеристики ядерного оружия на китайских стратегических носителях – моноблочные боеголовки мегатонного класса до пяти мегатонн – логично подтверждают доктрину «противоценностного» ответного удара»¹⁹.

Как представляется, Соединенные Штаты не могут не учитывать в своем ядерном планировании эти возможности Китая, и поэтому ядерное сдерживание в отношении этой страны занимает одно из приоритетных мест в американской ядерной политике. В четырехлетнем обзоре Министерства обороны США 2001 г. отмечалась «опасность того, что в регионе (Восточной Азии) появится военный соперник с огромными возможностями» и что один из «долгосрочных интересов» США состоит в «создании препятствий враждебному доминированию в критических районах», включая прибрежные районы Северо-Восточной и Восточной Азии, определяемые как «регион, простирающийся от Юга Японии, через Австралию вплоть до Бенгальского залива»²⁰.

Большое значение играет и тот непреложный факт, что высокие темпы развития китайской экономики требуют все больше и больше энергетических и сырьевых ресурсов, которые страна все меньше и меньше может обеспечить за счет внутренних возможностей. В такой ситуации КНР объективно вынуждена будет вступить в конкурентную борьбу

бу, прежде всего с США, за внешние рынки получения этих ресурсов. Особый интерес неизбежно вызывает Ближний Восток с его огромными запасами нефти.

Как недавно писал американский аналитик Б. Шварц, хотя американское стратегическое превосходство в Восточной Азии в предстоящие годы будет не уменьшаться, а возрастать, проблема в том, что Китай «эвентуально превратится, как считают стратеги из Пентагона, в «равновеликого соперника» Соединенных Штатов в Азии, то есть в великую державу с экономическими и военными мускулами, способную бросить вызов преобладающей позиции Америки в регионе, который наверняка станет экономическим центром нынешнего столетия». По мнению автора, эта проблема является доминирующей в вопросах национальной безопасности для второго срока правления президента Буша²¹.

В изданной в 1996 г. китайским Национальным оборонным университетом НОАК книге «Гофан Лилун» («Теория национальной обороны») разъясняются как история, так и современный статус сдерживания в китайской доктрине национальной безопасности. В книге утверждается, что хотя сдерживание со времени окончания Второй мировой войны играет превосходящую роль в международном стратегическом мышлении, его корни в действительности можно проследить и в военной практике времен древнего Китая. При этом авторы ссылаются на изречения Сунь Цзы двухтысячелетней давности, который выступал за то, чтобы «подавлять противника без войны». В книге обозначены две основные задачи сдерживания в китайском понимании – защита национальных интересов и рассеивание угроз стране. В ней проводится мысль о том, что сдерживание по-китайски ограничено самообороной, в то время как другие государства, и особенно Соединенные Штаты, используют сдерживание как компонент наступательной военной стратегии и оставляют за собой право применения ядерного оружия первыми в любом конфликте²².

С точки зрения авторов указанной книги, сдерживание является сложной стратегией, это ни война, ни мир, а нечто среднее между ними, существующее на многих уровнях. Сдерживание может быть поделено на конвенциональное сдерживание (т.е. сдерживание посредством обычных вооружений), ядерное сдерживание, космическое сдерживание и т.д. Конвенциональное сдерживание, в свою очередь, может быть как всеобщим при использовании обычных вооруженных сил для сдерживания глобальной войны, так и ограниченным рамками регионального конфликта. Для всеобщей или общенародной войны Китай мобилизует свое огромное население и ресурсы, чтобы не допустить эскалации конфликта и его превращения в полномасштабную войну. Сдерживание на региональном уровне будет использоваться для противодействия «гегемонистской агрессии» и экспансии в прилегающих к Китаю районах. Ограниченное ядерное сдерживание будет использовано для противодействия возможной ядерной войне, направленной против Китая. Такое ядерное сдерживание рассматривается в качестве ответного удара возмездия против конкретных объектов на территории противника. Наконец, Китай может разработать потенциал ограниченного космического сдерживания для того, чтобы быть в состоянии состязаться с другими ядерными державами в военном использовании космического пространства²³.

Таким образом, как следует из этого анализа возможных сценариев сдерживания, рассматриваемых китайскими военными специалистами, оно может приобретать как силовые, так и несиловые формы, полагаться как на обычные вооружения, так и на ядерное оружие, что представляется вполне адекватным реальному военному, ядерному и неуклонно растущему экономическому потенциалу Китая.

Как свидетельствует американский эксперт китайского происхождения Мин Чжан, посетивший Пекин в 1998 г., его беседы с ответственными китайскими официальными лицами подтверждают, что хотя руководство КНР избегает признавать роль ядерного сдерживания, оно продолжает проводить курс на поддержание достаточных ядерных сил, обеспечивающих «ограниченное ядерное сдерживание»²⁴. Из этого следует, что Китай будет поддерживать и модернизировать необходимые ему ядерные силы на тот случай, если возникнет необходимость нанесения удара возмездия в ответ на ядерную атаку противника.

Как считают некоторые аналитики, китайские военные специалисты, начиная примерно с 1987 г., используют термин «ограниченное сдерживание», что подразумевает поддержание страной баланса, промежуточного между минимальным и максимальным уровнем сдерживания, что, по их мнению, обеспечивает достаточные возможности сдерживания глобальных держав в случае их вовлечения в региональные конфликты близ китайских границ. В соответствии с этим доктринальным подходом КНР заявляет о наличии у нее средств и возможности предотвратить эскалацию такого рода конфликтов, подтверждая наличие выживаемого потенциала ответного удара, даже в случае применения потенциальным противником ядерного оружия на уровне ТВД.

В практическом аспекте, как полагают эксперты, доктрина «ограниченного сдерживания» нашла отражение в ходе широкомасштабных комплексных учений китайских вооруженных сил в Тайваньском проливе в марте 1996 г., в период очередного обострения отношений между Пекином и Тайбэем. Тогда КНР осуществила запуски нескольких ракет в прилегающие к Тайваню акватории. Одной из целей этих запусков была оценка возможной реакции США. Несмотря на высокий уровень задействования в ходе учений различных родов войск КНР, Соединенные Штаты, выдвинувшие в район Тайваньского пролива авианосное соединение, на политическом уровне не ссылались на возможность нанесения ядерного удара по КНР, как это имело место в ходе тайваньского кризиса 1954–1955 гг., что позволило китайской стороне сделать вывод о том, что вероятность нанесения Китаем ответного удара учитывается американцами и, следовательно, можно говорить об эффективности доктрины «ограниченного сдерживания»²⁵.

В последнее время большое внимание военно-политических аналитиков, особенно в США, привлекло к себе высказывание декана китайского Университета национальной обороны генерал-майора Чжу Чэнху, сделанное в июле 2005 г., о возможности использования Китаем ядерного оружия в случае конфликта с Соединенными Штатами по поводу Тайваня. Как следует из специальной публикации американского Института глобальной безопасности²⁶, реакция экспертов в США была весьма критичной. Китайские же специалисты, опубликовавшие свои комментарии в этом издании, высказали большой скептицизм относительно возможности изменения нынешней ядерной доктрины КНР о неприменении ядерного оружия первым. Официальные китайские власти поспешили открититься от высказываний генерала Чжу Чэнху.

РЕАКЦИЯ КНР НА ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Отношения с важнейшим южным соседом – Индией практически со времени образования Китайской Народной Республики занимают значительное место в китайском военно-стратегическом планировании и внешнеполитической деятельности. После поражения Индии в войне с Китаем 1962 г. напряженность в отношениях между двумя странами то вспыхивала, то затухала, неизменно являясь предметом озабоченного внимания руководства обеих стран. При этом не только территориальный вопрос, продолжающийся оставаться «яблоком раздора» между ними, но и сам факт существования бок о бок двух крупнейших и быстро развивающихся государств Азии не могут не предопределять особый и весьма сложный характер взаимоотношений между обеими державами, их соперничество в азиатском регионе. Китайско-пакистанское сотрудничество, в том числе в ядерной области, также не могло не усиливать взаимное недоверие между Индией и КНР. Неудивительно поэтому, что в этих условиях, после вооруженного конфликта 1962 г. и последовавшего вскоре за ним первого испытания китайского ядерного оружия, Индия взяла курс на овладение ядерным потенциалом.

Изначальной реакцией Пекина на первую серию индийских ядерных испытаний 11 мая 1998 г. было полное молчание. Но уже через два дня Китай присоединился к всеобщему потоку критики действий Индии, и официальный представитель МИД КНР заявил, что «китайское правительство выражает серьезную озабоченность в связи с индийскими ядерными испытаниями» и что эти испытания «противоречат существующей тенденции в международных отношениях и не соответствуют интересам поддержания мира и стабильности в Южной Азии». После второй серии индийских испытаний 13 мая Китай реа-

гировал незамедлительно и на этот раз более резко: в заявлении МИД КНР было подчеркнуто, что «китайское правительство глубоко потрясено и настоящим выражает строгое осуждение». Спустя несколько дней председатель КНР Цзян Цземинь дал интервью агентству *Agence France-Press*, в котором заявил, что «Индия делает Китай потенциальным объектом своего ядерного оружия и должна нести ответственность за новую вспышку напряженности в Южной Азии»²⁷. Еще более критическую оценку действий Индии содержали публикации НОАК и заявления ее высокопоставленных представителей.

После двух серий индийских испытаний Пакистан провел срочные консультации с китайским правительством, направив в Пекин 18 мая секретаря МИД Ш. Ахмада. Как объявило пакистанское радио, его целью было «доверительно поставить в известность Китай – своего испытанного временем друга – о тех мерах, которые должны быть приняты для обеспечения национальной безопасности». Когда пакистанский представитель возвратился в Исламабад, агентство *Синьхуа* сообщило, что «он должен быть полностью удовлетворен результатами своего визита»²⁸. Пакистан провел свои ядерные испытания 28 и 30 мая, и, по всей видимости, китайское руководство одобрило планы пакистанских властей по проведению испытаний, хотя для целей публичного потребления высказало «сожаление» после того, как они были проведены.

В прессе, правда, были сообщения, что в ответ на обращение президента США Клинтона председатель КНР Цзян Цземинь накануне пакистанских ядерных испытаний как будто обращался к правительству Пакистана с просьбой не проводить испытания²⁹. Но в то же время фактически прозвучала и поддержка действий Пакистана: официальный представитель МИД Китая заявил, что «нынешняя ситуация в Южной Азии является исключительно результатом политики Индии, пакистанские ядерные испытания явились реакцией на запугивания со стороны Индии»³⁰.

Следует вместе с тем признать, что каких-либо резких перемен в китайском стратегическом курсе после индийских ядерных испытаний не произошло. В июле 1998 г., т.е. спустя два месяца после проведения этих испытаний, в Пекине была выпущена Белая книга «Национальная оборона Китая»³¹, в которой, с одной стороны, была продолжена критическая линия в отношении Индии: в ней, в частности, было заявлено, что Индия, проведя испытания, «бросила грубый вызов» международному сообществу, «тем самым спровоцировав гонку ядерных вооружений в Южной Азии», Пакистан же лишь «последовал за ней», поступив так «в ответ на индийские ядерные испытания»³². Но в то же время Белая книга, давая оценку ситуации в мире в области международной безопасности, отмечала, что «мир и развитие являются главными темами нынешней эры. [...] Современная ситуация в области международной безопасности продолжает развиваться в направлении ослабления напряженности»³³.

В Белой книге провозглашается, что Китай осуществляет «военную стратегию активной обороны», которая состоит в достижении «превосходства путем нанесения удара только после того, как противник нанесет удар», и на основе принципа: «Мы не нападем до тех пор, пока не нападут на нас». И далее говорится: «Китай обладает небольшим количеством ядерного оружия исключительно для удовлетворения потребности самообороны». Китай «придерживается принципа самообороны всем народом и стратегической концепции всенародной войны»³⁴.

О СИТУАЦИИ ВОКРУГ ТАЙВАНЯ

Как уже отмечалось, время от времени китайское руководство дает миру знать о своих притязаниях на Тайвань, что вызывает определенную нервозность в отношениях Китая с Японией, а также с Австралией и, естественно, с Соединенными Штатами. Китай с озабоченностью следит за укреплением политических отношений Японии с Тайванем, который был японской колонией под названием Формоза с 1895 по 1945 г., а сегодня он выступает в качестве ее важного стратегического и экономического партнера.

Развивая в последние годы в интересах укрепления своих внешнеполитических позиций отношения с многосторонними образованиями в Азии (АСЕАН, Шанхайская организа-

ция сотрудничества, шестисторонний форум по Северной Корее), Китай настаивает на том, чтобы Тайвань не был допущен в любую международную организацию, членство в которой осуществляется на государственном уровне. При этом китайское правительство выступает против обсуждения проблем безопасности, связанных с Тайванем, в региональных организациях, занимающихся вопросами безопасности, таких, как Региональный форум АСЕАН.

По вопросу о Тайване в «Белой книге 1998 г.» содержится довольно решительное заявление: «Китайское правительство стремится достичь воссоединения страны мирными средствами, но не возьмет на себя обязательства не прибегать к силе. Каждое суверенное государство имеет право использовать все средства, которые оно сочтет необходимыми, включая военные средства, для обеспечения своего суверенитета и территориальной целостности. [...] Китайское правительство выступает против того, чтобы какая-либо страна продавала вооружения Тайваню, что не только нарушает основные нормы международного права, но также угрожает безопасности Китая, миру и стабильности региона»³⁵.

Как сообщала американская пресса, в последнее время у Японии и Австралии вызывает определенное беспокойство «игра мускулами» со стороны Китая, и Япония «недавно проявила стремление расширить объем связей в сфере безопасности с Соединенными Штатами и впервые недвусмысленно поставила вопрос о совместном американо-японском сотрудничестве в случае кризиса в Тайваньском проливе». Что касается Австралии, то «китайские официальные лица недавно потребовали, чтобы австралийское правительство «пересмотрело» свой договор пятидесятилетней давности с Соединенными Штатами»³⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в марте 2005 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло закон против сепаратизма, который явно направлен на оказание нажима на Тайвань. Согласно этому закону, в случае провозглашения независимости и отделения Тайваня будут применены «немирные средства и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая». Ссылаясь на принятие указанного закона, Соединенные Штаты оказывают нажим на страны Европейского Союза с тем, чтобы ЕС не отменял эмбарго на поставки вооружений Китаю, которое действует уже 15 лет.

В США высказывают озабоченность тем, что Китай развернул на своем юго-восточном побережье, прилегающем к Тайваньскому проливу, более 700 ракет, причем ежегодно их количество увеличивается на 70–75 единиц³⁷. Как отмечают, интерес КНР к Тайваню объясняется не только целями объединения, но и стратегическими задачами и потребностью в обеспечении безопасности морских проливов, через которые в страну поступает 80% нефти и огромные объемы другого сырья.

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В американских публикациях по проблемам нераспространения обращается большое внимание на вопросы безопасности и учета ядерных вооружений и материалов в КНР, и особенно на то обстоятельство, что Китай являлся одним из основных поставщиков ядерных технологий и оборудования для ряда развивающихся стран. Так, Фонд Карнеги в своих публикациях отмечал, что китайский практический подход к экспорту предметов ядерного и военного назначения не соответствовал нормам международного режима ядерного нераспространения.

В 1980–1990 гг. китайский ядерный экспорт, особенно в *Пакистан*, стал предметом серьезной международной озабоченности с точки зрения стандартов ядерного нераспространения. Согласно докладу Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению от августа 1997 г., «до присоединения Китая к ДНЯО в 1992 г. Соединенные Штаты пришли к выводу, что Китай оказывал содействие Пакистану в создании ядерных взрывных устройств». Предполагалось, что КНР оказывала помощь Пакистану в строи-

тельстве реактора-наработчика плутония мощностью 50–70 МВт, который не находился под гарантиями МАГАТЭ. По сообщениям СМИ, в 1995 г. администрация Клинтона установила, что Китай продал 5000 кольцевых магнитов исследовательской лаборатории А.К. Хана в Кахуте по центрифужному обогащению урана, где производится оружейный ядерный материал. Директор ЦРУ Дж. Тенет заявил на сенатских слушаниях в 2001 г., что «китайские организации обеспечили в прошлом широкомасштабную поддержку пакистанским ядерным программам, как находившимся, так и не находившимся под гарантиями»³⁸. Китай продолжает сотрудничать с Пакистаном в сооружении АЭС в Чашме (Chashma).

Китай также оказывал и оказывает содействие в ядерной области Алжиру, который только в 1996 г. заключил соглашение с МАГАТЭ о гарантиях³⁹.

Китай поставлял ядерные технологии в Иран, в частности продал три исследовательских реактора нулевой мощности и реактор небольшой мощности, а также два или три небольших циклотрона для электромагнитного разделения изотопов. До 1997 г. Китай оказывал содействие Ирану в строительстве около г. Исфахана предприятия по производству гексафторида урана⁴⁰. Иранская ядерная проблема, по мнению Китая, должна решаться в рамках МАГАТЭ. КНР заявила о поддержке усилий Ирана и трех стран Европейского Союза по достижению долгосрочного урегулирования этой проблемы путем переговоров.

В отношении ядерной проблемы на *Корейском полуострове* китайские официальные представители подчеркивают, что эта проблема должна решаться путем переговоров, и возражали против принятия Советом Безопасности каких-либо мер в отношении КНДР в 1993 и 2003 гг., когда она ставила СБ ООН в известность о своем намерении выйти из Договора о нераспространении. Как известно, в 2003 г. Северная Корея из Договора вышла. Выступая за переговорный процесс, КНР взяла на себя роль принимающей стороны на шестисторонних переговорах (КНДР, Республика Корея, США, Россия, Япония, Китай), проходящих в Пекине. Касаясь корейской проблемы, глава делегации КНР на Обзорной конференции по ДНЯО в мае 2005 г. заявил: «Мы надеемся, что заинтересованные стороны будут воздерживаться от провокационных акций и продемонстрируют большую степень гибкости в целях создания благоприятных условий для возобновления переговоров».

По мнению наблюдателей (в частности, известного американского политолога Фр. Фукуямы), «только Китай обладал достаточными экономическими рычагами для того, чтобы усадить Северную Корею за стол переговоров. И действительно, Пекин, сократив на короткое время поставки электроэнергии в эту страну, вынудил Пхеньян согласиться на шестисторонний формат»⁴¹. В значительной степени именно благодаря усилиям Китая в сентябре 2005 г. на шестисторонних переговорах в Пекине удалось принять совместное заявление о путях достижения договоренности относительно денуклеаризации Корейского полуострова, но несомненно, что претворение в жизнь, в практические дела этой договоренности во многом будет зависеть от посредничества и усилий Пекина.

В Справочнике Фонда Карнеги за 2002 г. отмечалось, что в течение последних 25 лет были предприняты определенные усилия с целью убедить Пекин хотя бы формально изменить свой практический подход к ядерному сотрудничеству, приблизив его к политике других ядерных поставщиков, и эти усилия дали заметные результаты. «Под воздействием постоянного поощрения со стороны Соединенных Штатов, – утверждается в этом справочнике, – была создана национальная система экспортного контроля, однако работа над ней продолжается, и система пока не является достаточно эффективной»⁴².

В декабре 2003 г. в Китае была опубликована правительственная Белая книга «Политика и меры Китая по нераспространению», в которой подробно излагаются политическая линия и конкретные шаги страны в области нераспространения ОМУ⁴³. В сентябре 2005 г. вышла в свет очередная Белая книга, озаглавленная «Усилия Китая в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения»⁴⁴. В качестве одного из важнейших принципов объявляется необходимость отказа от одностороннего подхода (unilateralism) и двойных стандартов в этой области, подчеркивается «огромное зна-

чение» роли Организации Объединенных Наций. Подчеркивается также необходимость «гарантировать права всех стран, особенно развивающихся государств, по использованию научно-технических достижений и результатов двойного использования в мирных целях при условии полного соблюдения целей нераспространения, а также необходимость недопущения того, чтобы какая-либо страна занималась распространением под предлогом мирного использования». Нетрудно заметить, что указанные положения определено имеют в виду Соединенные Штаты и их политику на международной арене.

В 1984 г. Китайская Народная Республика стала членом Международного агентства по атомной энергии, в 1992 г. присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, в 1995 г. поддержала его бессрочное продление, в 1997 г. вошла в состав Комитета Цангера. В том же 1997 г. Госсовет КНР принял Положение о контроле над ядерным экспортом, а в 1998 г. – Положение о контроле над экспортом ядерных предметов двойного использования и соответствующих технологий. В 2001 г. были утверждены поправки к Уголовному кодексу, в которых устанавливается, что незаконное производство, продажа и транспортировка радиоактивных веществ являются преступлением, подлежащим уголовному преследованию. В 2002 г. китайское правительство приняло Положение о гарантиях и контроле над ядерным импортом и экспортом и о ядерном сотрудничестве с иностранными государствами.

Хотя и в те годы, а иногда и сейчас, со стороны ряда стран имели и имеют место претензии в отношении практической политики КНР в области ядерного и ракетного нераспространения, нельзя не признать, что китайское правительство систематически предпринимает шаги, направленные на усиление экспортного контроля. В 2004 г. при активном содействии России Китай стал членом Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Как сообщается в китайской «Белой книге 2003 г.», в экспортной политике Китай придерживается принципа всеобъемлющего контроля (*catch-all*).

Китай не присоединился к международному Режиму контроля ракетных технологий (РКРТ), но в 1992 г. заявил, что будет соблюдать принципы и нормы РКРТ, а в 1994 г. подтвердил свое обещание не экспортировать ракеты «земля–земля», способные иметь дальность более 300 км и доставлять полезный груз свыше 500 кг⁴⁵. В 2000 г. Китай заявил, что не намерен помогать какой-либо стране в разработке баллистических ракет, способных доставлять ядерное оружие, а в августе 2002 г. было принято Положение о контроле над экспортом ракет и относящихся к ним оборудования и технологий и утвержден соответствующий контрольный список.

В 1989 г. Китай заключил с МАГАТЭ добровольное соглашение о постановке под гарантии Агентства части своей гражданской ядерной деятельности, а в 2002 г. присоединился к Дополнительному протоколу о гарантиях.

КНР активно поддержала создание зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), в различных регионах мира – в Латинской Америке, Южной части Тихого океана, Африке, Юго-Восточной Азии, подписав протоколы, обеспечивающие безъядерный статус таких зон⁴⁶. Китай признает безъядерный статус Монголии и заявил о поддержке усилий по созданию зон, свободных от ядерного оружия, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Как выше уже указывалось, в 1996 г. Китай подписал ДВЗЯИ и объявил мораторий на ядерные испытания, но Договор до сих пор не ратифицировал. На Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. китайская делегация заявила о поддержке «скорого» вступления в силу ДВЗЯИ и заверила, что в КНР «сейчас активно работают над внутренними юридическими процедурами в целях ратификации Договора». Наблюдатели, однако, не без иронии обратили внимание на то, что примерно похожее объяснение отсутствия ратификации было сделано китайцами и пять лет тому назад – на Обзорной конференции по ДНЯО 2000 г. В «Белой книге» (сентябрь 2005 г.) утверждается, что Китай «энергично» занимается подготовкой к ратификации ДВЗЯИ, а китайские официальные представители заявляют, что ведется работа по обеспечению поддержки Договора «со стороны китайской общественности».

ПОЗИЦИЯ КИТАЯ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Не вызывает сомнения, что Китай заинтересован в максимальном сокращении ядерных вооружений основных ядерных держав. Исходя из этой своей фундаментальной позиции, КНР выступает в Организации Объединенных Наций, других международных организациях, в том числе на многостороннем переговорном форуме – Конференции по разоружению в Женеве, за полное запрещение и ликвидацию ядерных вооружений. В рабочем документе, представленном китайской делегацией 28 апреля 2004 г. в Подготовительном комитете Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. в качестве рекомендации для указанной конференции, эта позиция сформулирована предельно ясно: «Государства, обладающие самыми большими ядерными арсеналами, несут особую ответственность за ядерное разоружение и должны взять на себя лидирующую роль в радикальном сокращении своих ядерных арсеналов, зафиксировать свои обещания по сокращению в юридической форме и уничтожить все ядерные вооружения, сокращаемые из своих арсеналов»⁴⁷.

Прекратив наработку оружейного урана и плутония и, очевидно, полагая на данное время достаточными свои запасы этих делящихся материалов⁴⁸, Китай поддерживает, особенно в последнее время, заключение Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (КЗПРМ). В этом определенно просматривается стремление Китая остановить рост ядерных возможностей своих азиатских соседей. Нельзя исключать того, что и сам Китай не очень заинтересован в выработке юридически обязывающего соглашения о ЗПРМ. Впрочем, из-за отрицательного отношения США к возможности достижения контролируемой договоренности по КЗПРМ, заявленного в июле 2004 г., перспективы соглашения по данной проблеме представляются еще более мрачными, чем ранее. Женевская конференция по разоружению в течение ряда лет буксует на одном месте – как по данному вопросу, так и по другим аспектам разоружения.

На 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2004 г. при рассмотрении внесенного Малайзией от имени Движения неприсоединения проекта резолюции по пункту повестки дня «Содействие многосторонним действиям (multilateralism) в области разоружения и нераспространения» китайская делегация заявила, что ни одна страна не может действовать в одиночку и что «наш долг повелевает продвигать дело многостороннего контроля над вооружениями и разоружения»⁴⁹.

Особенно активно – по понятным причинам – Китай выступает на международной арене против милитаризации космоса и в поддержку шагов по отказу от создания систем противоракетной обороны или, во всяком случае, по максимальному ограничению таких систем. По мнению известных американских китаистов Дж. Луиса и С. Литая, «ни одна страна не проявила такое внимание к стратегической оборонной инициативе США (СОИ), выдвинутой в 1980-е гг., как Китай», и китайские военные «неоднократно требовали от конструкторов ракет сконцентрировать усилия в предстоящие годы на выживаемости ракет и их способности преодоления противоракетной обороны»⁵⁰.

КНР решительно поддерживала сохранение Договора по ПРО между США и СССР 1972 г. до тех пор, пока США в одностороннем порядке не денонсировали его. Китайские представители подчеркивали, что этот Договор является «краеугольным камнем глобального стратегического баланса» и основой не только двухстороннего – между США и Россией, но также и «многостороннего процесса ядерного разоружения. [...] Договор должен неукоснительно соблюдаться до тех пор, пока мы не достигнем цели всеобщего уничтожения ядерного оружия»⁵¹. Как отмечали американские специалисты по контролю над вооружениями М. Ливай и М. О'Хэнлон, «готовность России терпимо, без решительных протестов, отнестись к выходу администрации Буша из Договора по ПРО поставила Китай в тяжелое положение. Последний, очевидно, ожидал, что Москва возьмет на себя инициативу с целью заставить администрацию США заплатить дипломатическую цену за снятие ограничений на создание противоракетной обороны и, возможно, попытаться убедить Соединенные Штаты согласиться на некоторые ограничения на будущее развертывание ПРО». Американские специалисты делают из этого вывод, что «Китай имеет больше оснований для беспокойства по поводу стратегического баланса

с Соединенными Штатами, чем Россия. С учетом характера спора между Пекином и Вашингтоном по поводу Тайваня, Китай, а не Россия может в конце концов оказаться в состоянии войны с Соединенными Штатами»⁵².

В «Белой книге» от сентября 2005 г. по вопросу о ПРО говорится следующее: «Исследования, разработки и развертывание систем противоракетной обороны ни в коей мере не дают эффективного решения проблемы. Китай не хотел бы, чтобы противоракетная система оказала негативное воздействие на глобальную стратегическую стабильность, создала бы фактор нестабильности для международного мира и безопасности, подорвала бы доверие между крупными державами, нанесла бы ущерб законным интересам безопасности других государств. Китай в еще большей степени выступает против сотрудничества некоторых стран в области противоракетной обороны в целях дальнейшего распространения технологий баллистического ракетостроения. Китай считает, что соответствующие государства должны повысить транспарентность своей программы ПРО в интересах углубления доверия и рассеивания подозрений. Поскольку вопрос о Тайване затрагивает его коренные интересы, Китай выступает против попыток любой страны оказать помощь или предоставить защиту какими бы то ни было средствами Тайваньскому региону Китая в области противоракетной обороны».

В июне 2002 г. делегации Китая и Россия совместно внесли на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве рабочий документ «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов». Согласно этому предложению, основные обязательства государств состояли бы в том, чтобы не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом; не прибегать к применению силы или угрозы силой в отношении космических объектов; не оказывать содействия и не побуждать другие государства, группы государств, международные организации к участию в запрещаемой деятельности⁵³.

Как следует из цитировавшегося выше рабочего документа Китая от 28 апреля 2004 г., Китай выступает за то, чтобы на Женевской Конференции по разоружению велись переговоры и по ядерному разоружению, и по КЗПРМ, и по запрету на вывод оружия в космос, что, однако, не представляется реальным из-за нынешней позиции США и некоторых других государств.

Наблюдатели обратили внимание на заявление генерального директора департамента по контролю над вооружениями и разоружению МИД КНР Лю Цзеи, сделанное в апреле 2004 г., в котором он призвал ядерные державы «не проводить исследования и не разрабатывать новые виды ядерного оружия»⁵⁴. Это расценивается как реакция Китая на работы, проводимые в этом направлении в США.

Представляется очевидным, что развертывание американской ПРО подталкивает Китай не только к пересмотру его подхода к ядерному оружию и к сокращению ядерных вооружений, но потенциально способствует снижению заинтересованности в соглашениях о контроле над вооружениями и может инициировать рост вооружений.

На 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2004 г. китайская делегация при принятии традиционной резолюции по пункту «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» высказала возражения против проведения научно-исследовательских работ и разработки космического оружия, заявив, что «если сидеть сложа руки, то космос станет четвертой средой военных действий в дополнение к суше, морю и воздуху». Гонка вооружений в космосе нарушит стратегическую стабильность, а испытание оружия на низкой орбите «усугубит и так уже острую проблему космического мусора»⁵⁵.

На Обзорной конференции по ДНЯО в мае 2005 г. китайская делегация, в отличие от делегаций всех других ядерных держав-участниц Договора о нераспространении, практически не привела каких-либо сведений о предпринимаемых ею шагах по ограничению или сокращению своего ядерного арсенала, либо о своих намерениях в этом направлении, как это вытекает из буквы и духа обязательств Китая по ст. VI Договора. Свое заяв-

ление на пленарном заседании делегация свела к общей декларации в пользу ядерного разоружения, вновь обратив внимание на «тревожный факт» расторжения Договора по ПРО и (в который раз!) подчеркнув, что «два государства с самыми крупными ядерными арсеналами должны добросовестно выполнить Договор, который они заключили по сокращению своего ядерного оружия, и произвести дальнейшие сокращения своих ядерных арсеналов на контролируемой и необратимой основе, тем самым создавая благоприятные условия для окончательного, полного и всестороннего ядерного разоружения».

В разделе о ядерном разоружении своего национального доклада о выполнении ДНЯО (кстати, представленного впервые, очевидно, с учетом позиции стран Движения неприкосновенности) Китай ограничился лишь самым общим заявлением о том, что он «последовательно и строго выполняет свои обязательства по разоружению в соответствии с ДНЯО и предпринимает серьезные усилия по продвижению международного процесса ядерного разоружения, по окончательному и полному запрещению и тщательному уничтожению всего ядерного оружия и созданию мира, свободного от ядерного оружия»⁵⁶.

Китайская делегация на последней Обзорной конференции на этот раз проявила непривычную для страны активность. В развитие своего пленарного заявления и доклада о выполнении ДНЯО делегация внесла на рассмотрение конференции шесть (!) рабочих документов со своими предложениями для включения в заключительный документ конференции⁵⁷. Следует, в частности, отметить следующие характерные для китайской дипломатии и неизменно повторяемые предложения: многосторонние действия – верный путь содействия международному контролю над вооружениями и разоружению; «государства, располагающие крупнейшими ядерными арсеналами, несут особую ответственность за ядерное разоружение и должны взять на себя ведущую роль в деле радикального сокращения своих ядерных арсеналов на контролируемой, необратимой и юридически обязывающей основе»; «программа противоракетной обороны не должна нарушать глобальный стратегический баланс и стабильность»; «предотвращение *велонизации* и гонки вооружений в космосе – в интересах всех стран»; «не должно разрабатываться легкодоступное для применения ядерное оружие малой мощности»; «должно быть вывезено на родину все ядерное оружие, размещенное за пределами своей территории»; «следует отказаться от политики и практики предоставления «ядерного зонтика» и «разделения ядерной ответственности»»; «следует отказаться от практики двойных стандартов в области ядерного нераспространения»; «ядерные державы должны понизить роль ядерного оружия в своей стратегии национальной безопасности» и т. п.

Обращает на себя внимание тот довольно нестандартный факт, что китайской делегацией был внесен отдельный рабочий документ по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. В этом документе было также вновь подчеркнуто, что иранский ядерный вопрос должен решаться «разумным образом» посредством диалога в рамках Международного агентства по атомной энергии и что следует оказывать поддержку Ирану и трем европейским государствам в их переговорах по достижению долгосрочного решения, при этом высказано новое соображение о том, чтобы этим переговорам содействовал «высокий представитель».

Как известно, на Обзорной конференции 2005 г. ядерная пятерка (Великобритания, Китай, Россия, Соединенные Штаты, Франция) не смогла из-за имеющихся среди этих государств разногласий согласовать свое совместное заявление о ходе выполнения ДНЯО. Главным пунктом расхождений был вопрос об отношении к ДВЗЯИ. Тут основным препятствием стало отрицательное отношение к Договору США, за которыми удобно расположился Китай. Остальные ядерные державы (Россия, Великобритания, Франция) участниками этого Договора являются.

Обзорная конференция по ДНЯО 2005 г., как известно, завершилась без принятия заключительного документа. На последнем заседании конференции китайская делегация, тем не менее, в твердой форме подчеркнула значение ДНЯО как гаранта международного мира и безопасности и как образец того, как снимать озабоченности в области безопасности на основе «многосторонних действий», отметив при этом особое зна-

чение универсализации Договора (т.е. присоединения к нему Индии, Пакистана и Израиля).

Как свидетельствуют приводимые в настоящем обзоре материалы, перспективы дальнейшего развития ядерного арсенала Китайской Народной Республики и тенденции, проявляющиеся в ее ядерной политике, особенно с учетом неуклонного роста экономического и промышленного потенциала страны, заслуживают неустанного внимания с точки зрения российских интересов и со стороны мирового сообщества. Эти тенденции требуют постоянного и тщательного анализа в целях получения более ясного представления о воздействии внешнеполитической стратегии Китая на состояние международной безопасности и уровень стратегической стабильности в Азии и в мире в целом.

Примечания

¹ См., например, статью Ли Бина (Li Bin), директора программы контроля над вооружениями Института международных исследований Университета Цзинхуа (Tsinghua) в Пекине. Li Bin. China: A Crucial Bridge. For the 2005 NPT Review Conference. *Arms Control Today*. 2005, Vol. 35, No. 1, January/February. P. 22.

² Working Paper submitted by China in the Preparatory Committee for the 2005 NPT Review Conference «On the Issue of Nuclear Disarmament and Reduction of the Danger of Nuclear War». 2004, April 28. <http://www.fmprc.gov.cn/eng/>.

³ Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 141.

Впрочем, некоторые специалисты не разделяют приводимые здесь данные о количестве китайского ядерного оружия. Так, американский эксперт Дж. Льюис из Университета штата Мериленд полагает, что Китай располагает только 80–130 ед. оперативно развернутых ядерных боезарядов: 18 на МБР DF-5, 12 на МБР DF-4 и 50–100 на ракетах средней дальности DF-3. Льюис пишет, что наиболее компактная ядерная боеголовка, испытанная в 1992–1996 гг., имеет вес 470 кг и является слишком тяжелой для оснащения МБР РГЧ ИН. Для создания более легкой боеголовки Китаю пришлось бы проводить ядерные испытания. Льюис не считает, что Китай обладает боеготовыми ядерными зарядами для авиации и имеющейся у него подводной лодки. Вместе с тем автор отмечает, что китайские стратегические силы, как считает американская администрация, «все больше заменяют Россию» в качестве «главной опорной отметки» для определения размеров и способностей стратегических сил США. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2005, May/June. P. 52–59.

⁴ Deadly Arsenals. P. 143.

⁵ Ming Zhang. China's Changing Nuclear Posture. Reactions to the South Asian Nuclear Tests. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999. Foreword by Joseph Cirincione. P. V and 2–3; *Ежегодник СИПРИ за 2003 г.* С. 742.

Китай вывел на орбиту группировку из трех спутников для космической навигации, известную под названием *Бейдоу*, которая может обеспечить достаточную точность для применения РГЧ ИН.–Форден Джеффри. Военные возможности и значение местной китайской спутниковой навигационной системы. *Наука и Всеобщая Безопасность*. 2005, Том 12, № 3. С. 35–46.

⁶ Deadly Arsenals. P. 143–144. Газета *НОАК Jiefangun* Вао писала 24 января 1999 г., что включение Тайваня в систему противоракетной обороны США «встретит решительное возражение со стороны китайского народа». МИД КНР также предупредил о «серьезных последствиях, если система ПРО будет развернута в Азии, и особенно если Тайвань будет допущен к участию в ней». – Цит. по: *Ming Zhang*. P. 50.

⁷ Бэйтс Гилл. Новая политика Китая в области обеспечения безопасности на многосторонней основе и ее реализация в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Ежегодник СИПРИ за 2004 г.* М.: Наука, 2005. С. 270.

⁸ *Ежегодник СИПРИ за 2003 г.* С. 741.

⁹ Ming Zhang. China's Changing Nuclear Posture. Reactions to the South Asian Nuclear Tests. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999. Foreword by Joseph Cirincione. P. 3.

¹⁰ См.: Кузьменко Андрей. Ядерная политика Китая. *Ядерное Распространение*. 2000, выпуск 34, январь–март. С. 76.

¹¹ *Ежегодник СИПРИ за 2003 г.* С. 743.

¹² *Arms Control Today*. 2005, September. P. 30.

¹³ Главным образом, на известное исследование: Albright David, Berkhout Frans and Walker William. *Plutonium and Highly Enriched Uranium 1996. World Inventories, Capabilities and Policies*. N.Y.: Oxford University Press. *SIPRI*, 1997. P. 76–78 and 126–130.

¹⁴ *Deadly Arsenals*. P. 145.

¹⁵ Gronlund Lisbeth, Wright David, and Liu Yong. *China and a Fissile Material Production Cut-Off. Survival*. 1995–1996, Vol. 37, No. 4, Winter. P. 150–151.

¹⁶ *Financial Times*. 2005, April 7.

¹⁷ Из послания Премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньляя на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина от 17 октября 1964 г. Сообщение о послании было опубликовано в газете «Правда» 4 января 1965 г.

¹⁸ *Ming Zhang*. P. 3.

¹⁹ Бочаров И.Ф. Парадоксы ядерного сдерживания. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, 22 апреля.

²⁰ Цит. по: *Ежегодник СИПРИ за 2004 г.* С. 272.

²¹ Schwarz Benjamin. *Managing China's Rise. Atlantic Monthly*. 2005, June.

²² *Ibid.* P. 5.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.* P. 5–6.

²⁵ Кузьменко Андрей. Ядерная политика Китая. *Ядерное Распространение*. 2000, выпуск 34, январь–март. С. 73.

²⁶ *China Security*. A publication of the World Security Institute China Program. 2005, №1, Autumn. <http://www.wsichina.org>.

²⁷ *Ibid.* P. 26.

²⁸ *Ibid.* P. 31.

²⁹ *Washington Post*. 1998, May 29.

³⁰ *Ming Zhang*. P. 32.

³¹ *China's National Defense*. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 1998, July.

³² *China's National Defense*. P. 6

³³ *Ibid.* P. 3.

³⁴ *Ibid.* P. 13.

³⁵ *Ibid.* P. 9.

³⁶ Kagan Robert. *Those Subtle Chinese. Washington Post*. 2005, March 10.

³⁷ *Financial Times*. 2005, April 7.

³⁸ *Deadly Arsenals*. P. 148–149.

³⁹ *Ibid.* P. 151.

⁴⁰ *Ibid.* P. 150.

⁴¹ Фукуяма Фрэнсис. Новый взгляд на Азию. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, Том 3, № 1, январь–февраль. С. 142.

⁴² *Ibid.* P. 143.

⁴³ *China's Non-Proliferation Policy and Measures*. <http://www.fmprc.gov.cn/eng>

⁴⁴ *China's Endeavors for Arms Control, Disarmament and Non-Proliferation*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 2005, September.

⁴⁵ Некоторые аналитики полагают, и не без основания, что Китай не идет на формальное присоединение к РКРТ из-за продолжающихся американских поставок вооружений Тайваню. *Ming Zhang*. P. 57–58.

⁴⁶ За исключением протокола к Бангкокскому договору о ЗСЯО в Юго-Восточной Азии. Однако КНР – единственная из ядерных держав, выразившая готовность подписать этот протокол, если и другие ядерные державы это сделают (другие же ядерные державы имеют оговорки к договору, а

следовательно, и к протоколу по той причине, что его действие распространяется на так называемые «особые экономические зоны»). Китай, как и Россия, высказал готовность поддержать протокол к еще не подписанному договору о ЗСЯО в Центральной Азии в его нынешнем виде (однако против текста проекта договора возражают западные ядерные державы).

⁴⁷ Working Paper submitted by China in the Preparatory Committee for the 2005 NPT Review Conference «On the Issue of Nuclear Disarmament and Reduction of the Danger of Nuclear War». 2004, April 28.

В докладе КНР о выполнении ДНЯО, представленном Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. сообщается, что «с начала 1990-х гг. Китай постепенно сокращает свою программу разработок ядерного оружия» и что, в частности, объект по разработке ядерного оружия в Цинхэе «был закрыт, переоборудован в гражданскую установку и после дезактивации передан местному органу управления в мае 1995 г.». NPT/CONF.2005/24.

⁴⁸ Что касается удовлетворения потребностей в ядерном топливе для своей быстро развивающейся атомно-энергетической промышленности, то тут Китаю существенную помощь оказывает Россия, согласившись поставить оборудование для газоцентрифужного обогащения урана. По межправительственному соглашению от декабря 1992 г. РФ оказала содействие в строительстве двух газоцентрифужных предприятий – в Шэньси и Ланчжоу – общей мощностью 1–1,5 млн. единиц разделительных работ в год. Предприятия находятся под гарантиями МАГАТЭ, однако завод в Ланчжоу из-за отсутствия средств практически не контролируется. Бухарин Олег. Понимание российского комплекса обогащения урана. *Наука и Всеобщая Безопасность*. Том 12, № 3. С. 30.

Это уже второй этап в обеспечении Китая нашей страной расщепляющимися материалами и ядерными технологиями: в конце 1950-х гг. Советский Союз оказал помощь КНР в строительстве и пуске газодиффузионного завода по производству высокообогащенного урана, а также ряда других ядерных объектов.

⁴⁹ По этому пункту повестки дня Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 59/69. За нее голововали 125 делегаций, против – 9 (США и другие участники антииракской коалиции) и 49 воздержались.

⁵⁰ Lewis John Wilson and Litai Xue. *China's Strategic Seapower. The Politics of Force Modernization in the Nuclear Age*. Stanford CA: Stanford University Press, 1994. P. 236.

⁵¹ Из выступления советника (в ранге посла) посольства КНР в США Хэ Яфэя на Международной конференции по нераспространению Фонда Карнеги. 2000, 16 марта. *Ядерное Распространение*. 2000, выпуск 36, июль–сентябрь. С. 61.

⁵² Michael A. Levi and Michael E. D'Hanlon. *The Future of Arms Control*. Wash. D.C.: Brookings Institution Press, 2005. P. 25–26.

⁵³ Документ Конференции по разоружению CD/1679. Соавторами китайско-российского рабочего документа выступили также делегации Белоруссии, Вьетнама, Зимбабве, Индонезии и Сирии.

⁵⁴ Li Bin. China: A Crucial Bridge. For the 2005 NPT Review Conference. *Arms Control Today*. 2005, Vol. 35, No. 1, January/February. P. 24.

⁵⁵ По этому пункту повестки дня 178 голосами при 4 воздержавшихся (США, Израиль, Гаити и Палау) Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 59/65, подчеркивающая необходимость принятия «дальнейших мер, предусматривающих соответствующие эффективные положения о контроле над предотвращением гонки вооружений в космическом пространстве».

⁵⁶ Документ NPT/CONF.2005/24.

⁵⁷ Документы NPT/CONF.2005/WP. 2–7.

Двойственная природа ядерных технологий, которые могут быть использованы как в мирных, так и в военных целях, составляет фундаментальное противоречие всего режима нераспространения ядерного оружия. С самого начала атомной эры и становления режима нераспространения противоречие между необходимостью развития мирной ядерной энергетики и опасностью передачи технологий, потенциально применимых в военной сфере, рассматривалось как одна из основных угроз режиму. В 60–70-е гг. XX века выдвигались разнообразные инициативы по контролю, прежде всего, над ядерными материалами, а позднее и над ядерными технологиями, с тем чтобы предотвратить их переориентацию на военные цели.

В начале XXI века проблемы контроля над расщепляющимися материалами, а также опасными с точки зрения распространения технологиями ядерного топливного цикла (ЯТЦ) вновь приобрели особую актуальность и вышли на первый план, что повлекло за собой новую волну инициатив в этой области. Прежде всего, это инициативы по усилению контроля над расщепляющимися материалами, инициативы в области контроля чувствительных стадий ЯТЦ (обогащения урана и переработки ОЯТ), а также исследование многосторонних подходов в ядерной области МАГАТЭ.

Существенными предпосылками к появлению большинства этих инициатив стали раскрытие в 2003–2004 гг. масштабов ядерной программы Ирана и озабоченность по поводу ее возможной военной направленности, а также обнаружившиеся факты ядерных «закупок» Ливии, получившей на черном рынке (через сеть А.К. Хана) чертежи и компоненты центрифуг для обогащения урана и, кроме того, чертежи компонентов ядерного взрывного устройства.

Кроме того, очередной кризис в ядерном нераспространении в начале XXI века совпал с новым циклом развития и расширения атомной энергетики. Ситуация с запасами энергетических ресурсов в мире в начале XXI века свидетельствует о необходимости ее развития, и все большее число стран, как развитых, так и развивающихся, пересматривают свои энергетические планы в пользу ядерной энергии. Соответственно, развитие и расширение гражданской атомной промышленности теоретически усиливает угрозу хищения ядерных материалов и технологий и возможности их перевода из гражданской сферы в военную.

В данной статье предлагаются обзор, классификация и анализ новых инициатив в области нераспространения с точки зрения их выполнимости и потенциального влияния на режим нераспространения в целом и на одну из актуальных проблем нераспространения – ситуацию вокруг ядерной программы Ирана.

Конечной целью всех инициатив, рассматриваемых в статье, является недопущение существования и накопления неучтенных расщепляющихся материалов, пригодных для

использования в ядерном оружии, неядерными странами. Часть инициатив напрямую рассматривает вопросы обеспечения безопасности и сокращения запасов материалов оружейного качества в мире. Другие инициативы (являющиеся центральной темой статьи) нацелены на контроль над будущим накоплением расщепляющихся материалов посредством ограничения распространения технологий их производства (обогащения урана и переработки отработавшего ядерного топлива). К таким мерам относятся идеи прямого отказа в передаче соответствующих технологий, а также предложения об усилении международного контроля над установками обогащения и переработки путем их перевода из национального под многостороннее управление.

Таким образом, все инициативы в этой области для удобства восприятия и анализа можно разделить на три группы:

- контроль и сокращение запасов ядерных материалов оружейного качества;
- ограничение (отказ) в передаче технологий;
- многосторонние подходы к ядерному топливному циклу (ЯТЦ).

В таблице в *Приложении 1* рассматриваемые в статье инициативы в области контроля над ядерными материалами и технологиями сгруппированы согласно предложенной классификации. Первая часть статьи посвящена обзору инициатив в этой области, выдвинутых в 1970–1990 гг. Вторая часть рассматривает новую волну появившихся в 2003–2005 гг. инициатив по контролю над ядерными материалами и технологиями.

КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ И ТЕХНОЛОГИЯМИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Сегодня, когда мы оцениваем новые инициативы в области контроля над ядерными материалами и технологиями, особенно полезно посмотреть, что уже было предложено ранее и почему выдвинутые предложения так и не были реализованы.

Изначально инициативы в области нераспространения концентрировались на контроле над ядерными материалами. Это объяснялось существовавшим в 1940–1960-е гг. убеждением, что основной трудностью на пути приобретения ядерного оружия является получение ядерных материалов оружейного качества² (технологии производства этих материалов представлялись вне сферы достижимости для большинства государств). На этом основаны выдвинутые в 1940–1950-х гг. инициативы США (План Баруха и Атомы для мира), первоначальная система гарантий МАГАТЭ³. По мере научно-технического развития в мире в сферу контроля стали включаться и технологии производства расщепляющихся материалов, пригодных для использования в ядерном оружии.

Поводом к появлению инициатив в области ЯТЦ в 1970-е гг., как и сейчас, стала кризисная ситуация в нераспространении вкупе с прогнозами расширения мировой атомной промышленности. Энергетические кризисы 1973–1974 гг. заставили многие государства задуматься о расширении программ развития атомной энергетики, что потенциально вело к широкому распространению ядерных технологий и материалов двойного назначения. Проведение же Индией в 1974 г. испытаний «мирного» ядерного устройства показало, что существующего контроля (сфокусированного на ядерных материалах) недостаточно и что необходимы системы контроля над распространением чувствительных технологий⁴.

В ответ на проведение Индией ядерных испытаний ведущие страны-экспортеры ядерной продукции⁵ начали консультации с целью выработать более жесткие меры экспортного контроля, которые бы, обеспечивая развитие ядерной энергетики в мире, в то же время препятствовали распространению технологий, потенциально применимых в военной сфере⁶. Результатом переговоров стало принятие в 1977 г. в Лондоне «Руководящих принципов экспортного контроля», что положило начало деятельности Группы ядерных поставщиков (ГЯП).

Любопытно отметить, что уже при выработке «Руководящих принципов» высказывались идеи (активно обсуждаемые и в настоящее время) полного запрета на передачу чувствительных технологий обогащения и переработки⁷. Однако, как и сегодня, тогда эти идеи оказались слишком противоречивы в политическом плане. Кроме того, они затрагивали и экономические интересы стран-экспортеров. В частности, Франция возражала против запрета на передачу чувствительных технологий, рассматривая в то время возможность поставки установок по переработке ОЯТ в качестве дополнительного инструмента в конкурентной борьбе за ядерные контракты в Пакистане и других странах⁸. В результате «Руководящие принципы» определяют лишь, что «поставщики должны проявлять сдержанность при передаче чувствительных установок, оборудования, технологий и материалов, пригодных для производства оружия»⁹. В «Руководящих принципах» также подчеркивалась желательность создания многонациональных ядерных установок как альтернативы национальным установкам.

Таким образом, была заложена основа механизмов, нацеленных на ограничение предложения на рынке ядерных технологий. В это же время появляются и идеи многосторонних подходов как инструмента регулирования спроса на чувствительные ядерные технологии. В политическом плане идеи многонациональных ядерных установок впервые получили широкое освещение в 1975 г. на первой Конференции по рассмотрению действия ДНЯО. В Заключительном документе конференции отмечается, что многонациональные и региональные центры ЯТЦ могут стать «благоприятным способом безопасно и экономично удовлетворить потребности многих стран [в ядерной области], в то же время облегчая обеспечение физической защиты и выполнения гарантий МАГАТЭ»¹⁰.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. был проведен ряд исследований, посвященных изучению возможности и перспектив применения многосторонних подходов к ЯТЦ. В 1970–е гг. идея развития замкнутого ядерного топливного цикла и «плутониевой экономики»¹¹ рассматривалась как наиболее перспективное направление развития атомной энергетики. Поэтому основные исследования по возможностям усиления контроля за ЯТЦ в рамках многосторонних подходов концентрировались в это время на конечных стадиях ЯТЦ – переработке и обращении с ОЯТ – и хранении радиоактивных отходов.

В 1975–1977 гг. МАГАТЭ предприняло исследование перспектив создания *Региональных центров ядерного топливного комплекса* (РЦ ЯТЦ), результаты которого были опубликованы на международной конференции 1977 г. в Зальцбурге¹². Исследование рассматривало экономические аспекты, вопросы физической безопасности и выполнения гарантий МАГАТЭ в отношении возможных многосторонних подходов для конечных стадий ЯТЦ (объединение усилий в обращении с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами).

Оценивая преимущества и недостатки многосторонних подходов по сравнению с национальными усилиями по переработке ОЯТ и обращению с радиоактивными отходами, эксперты пришли к выводу, что многосторонние подходы способны предложить ряд существенных преимуществ. Так, РЦ ЯТЦ могли бы способствовать повышению эффективности системы гарантий в области нераспространения, прежде всего в силу сокращения количества установок по переработке. Кроме того, РЦ ЯТЦ смогут «укрепить контроль над перемещением и использованием ядерных материалов и технологий [...] и определить ограничения для деятельности участников центров, опасной с точки зрения нераспространения»¹³.

С экономической точки зрения, создание крупных центров по переработке ОЯТ может вести к сокращению расходов в силу экономики масштаба. В исследовании были использованы различные модели сравнения участия в РЦ ЯТЦ и независимого национального развития соответствующих отраслей. Результаты подсчетов свидетельствуют, что для государств с небольшими ядерными программами участие в региональных проектах является экономически более выгодным.

Кроме того, в исследовании затрагивались и организационно-правовые вопросы. В частности, как наиболее реальная модель организационного устройства была выдвинута двухступенчатая структура, в которой на нижнем уровне производственная компания (с

правительственным и частным участием) имеет полную компетенцию в управлении и финансовых вопросах, но в то же время действует на основе межправительственных соглашений, которые составляют второй, высший уровень системы управления.

Исследование о *Международном хранилище плутония (International Plutonium Storage)* проводилось с 1978 по 1982 г.¹⁴. Основной целью исследования стало изучение вариантов многостороннего контроля (под эгидой МАГАТЭ) над запасами плутония. Эксперты оценивали разные модели функционирования международных хранилищ плутония, отличающиеся в деталях взаимодействия государств с МАГАТЭ (работа всех моделей рассматривалась в тесной связи с системой гарантий МАГАТЭ), но не смогли, однако, прийти к единым выводам. Как и другие исследования многосторонних подходов к ЯТЦ, данная работа не привела к каким-либо практическим результатам.

Важным вкладом в изучение перспектив многосторонних подходов в ЯТЦ стала начатая по инициативе США программа *Оценки международного ядерного топливного цикла (International Nuclear Fuel Cycle Evaluation – INFCE)*¹⁵, которая проводилась с 1977 по 1980 г. В исследовании рассматривались как технические, так и институциональные аспекты многосторонних подходов. Исследование проводилось по трем основным направлениям создания технологий, устойчивых к распространению:

- анализ композиции и типов материалов;
- анализ структуры ядерных объектов;
- анализ методов управления установками ЯТЦ¹⁶.

Как отмечал один из экспертов сразу же после проведения этих исследований, стало понятно, что «в целом влияние (технических) мер на весь спектр рисков распространения ограничено»¹⁷. То есть развитие технологий, устойчивых к распространению, само по себе не может гарантировать предотвращение распространения. Именно институциональные меры контроля (то есть методы управления установками) представляются наиболее важными.

Исследование *INFCE* рассматривало различные институциональные модели в применении как к начальным, так и к конечным стадиям ЯТЦ: обогащение урана, переработка ОЯТ, хранение плутония, транспортировка и хранение ОЯТ.

В исследовании особо подчеркивалось, что при рассмотрении влияния многосторонних подходов к ЯТЦ на режим нераспространения необходимо также учитывать экономические факторы. Для успешной реализации многосторонние подходы должны быть экономически целесообразными и обеспечивать в полной мере гарантии поставок топлива.

В целом исследователи пришли к выводам, что многонациональные и интернациональные подходы потенциально способны существенно увеличить устойчивость ЯТЦ к распространению, тем самым, способствуя выполнению ДНЯО, и особенно, статьи IV Договора. Тем не менее реализация таких подходов, отмечалось в докладе, несет в себе и ряд негативных моментов, особенно в сфере политической независимости, передачи технологий и планирования безопасности национальных ядерных программ¹⁸.

Делая обзор исследований по многосторонним подходам, следует также упомянуть работу *Комитета по гарантированным поставкам (Committee on Assurances of Supply)*, проводившуюся с 1980 по 1985 г. в рамках МАГАТЭ. Целью комитета, как следует из названия, являлась разработка механизмов гарантий поставок топлива. Однако странам, в нем участвующим, также не удалось прийти к единому мнению по этому важному вопросу¹⁹.

Определяя причины, по которым исследования 1970–1980-х гг. не привели к практическим результатам, можно отметить, что основным барьером, который не удалось преодолеть во всех этих попытках, стало нежелание большинства государств поступаться своим суверенитетом и ставить под угрозу национальную безопасность в такой чувствительной области, как ядерная энергетика. Угроза нераспространения в то время в целом

не представлялась настолько серьезной, чтобы заставить большинство государств рассматривать возможность отказа от своих суверенных прав.

Кроме того, отсутствие реальных экономических стимулов к многонациональному объединению не способствовало развитию этих идей. В начале 1980-х гг., с изменением отношения (прежде всего в общественном сознании) к ядерной энергетике с позитивного на резко негативное, оказалось, что прогнозы стремительного развития атомной отрасли и особенно идеи создания замкнутого плутониевого цикла далеко не соответствуют действительности²⁰. Таким образом, одна из существенных причин, по которым исследование многонациональных подходов начали развиваться в 1970-е гг., оказалась исчерпанной, и интерес к многосторонним подходам к ЯТЦ со стороны государств угас.

Параллельно с выдвиганием инициатив по ограничению распространения чувствительных ядерных технологий в конце 1970-х гг. стали разрабатываться меры, непосредственно касающиеся существующих ядерных материалов оружейного качества, поставленных к концу 1970-х гг. во многие страны, не обладающие ядерным оружием.

В 1960–1970-е гг. прошлого века СССР и США поставляли в различные страны исследовательские реакторы, работающие на высокообогащенном уране (до 90%, то есть оружейного обогащения). Всего в мире высокообогащенное свежее и облученное топливо находилось на реакторах, построенных США, в 34 странах и в 17 странах на реакторах российского производства. В общей сложности объем высокообогащенного урана на этих исследовательских реакторах по состоянию на 1995 г. составлял 248 кг ВОУ американского происхождения и более 100 кг ВОУ, поставленного СССР²¹.

Уже в 1970-е гг. опасность поставок высокообогащенного урана была осознана обеими странами и начали предприниматься меры по исправлению ситуации. В США это вылилось в создание в 1978 г. Программы снижения обогащения топлива исследовательских реакторов (*Reduced Enrichment for Research and Test Reactors – RERTR*). Целью Программы стал перевод активной зоны реакторов на работу с топливом с обогащением не выше 20%²². Советский Союз также проводил подобные мероприятия на реакторах, поставленных за рубеж, и уже к середине 1980-х гг. все реакторы советского производства за рубежом были переведены на топливо с обогащением 36%, что, однако, сохраняло угрозу использования такого топлива в военных целях²³. В середине 1990-х гг. в России начался новый этап выполнения программы по снижению обогащения топлива исследовательских реакторов (СОТИР) при поддержке США.

На всех исследовательских реакторах как российского, так и американского производства остаются запасы поставленного в 1960–1970-е гг. высокообогащенного урана в виде свежего и облученного топлива. Поэтому, кроме снижения обогащения топлива на реакторах за рубежом, важной задачей, которая начала решаться лишь в 1990-х гг., стал возврат топлива исследовательских реакторов.

В 1996 г. США начали программу возврата ОЯТ с исследовательских реакторов за рубежом (*Foreign Research Reactors Spent Nuclear Fuel Acceptance Program – FRRSNF*). Первоначально программа была рассчитана на 10 лет, до 2006 г., однако впоследствии была продлена до 2009 г. К июлю 2005 г. было осуществлено 28 перевозок из 11 стран 2,1 т ВОУ и 2,7 т НОУ²⁴. Существует ряд политических проблем в выполнении данной программы, связанных прежде всего с тем, что не все страны согласны возвращать высокообогащенный уран. В докладе Главного счетного управления США отмечается, что из 23 стран, в которых существуют запасы американского высокообогащенного урана, 11 стран по различным причинам не намерены возвращать его США: Австрия, Индонезия, Иран, Израиль, Мексика, Пакистан, Турция, Южная Африка, Южная Корея, Ямайка и Япония. Некоторые из этих стран также не приняли решения о переводе реакторов на топливо с обогащением ниже 20%²⁵.

Россия также обязалась принять поставленный Советским Союзом высокообогащенный уран. На сегодняшний день осуществляется работа по возврату свежего топлива с исследовательских реакторов за рубежом. В рамках трехсторонней инициативы России, США и МАГАТЭ была осуществлена транспортировка необлученного высокообогащенного урана с реакторов в Сербии (август 2004 г. – 48 кг), Румынии (сентябрь 2003 г. –

14 кг), Болгарии (декабрь 2003 г. – 17 кг), Ливии (март 2004 г. – 16 кг), Узбекистана (сентябрь 2004 г. – 3 кг), Чехии (декабрь 2004 г. – 6 кг; сентябрь 2005 г. – 14 кг) и Латвии (май 2005 г. – 3 кг)²⁶. Возврат топлива осуществляется в рамках программы Глобального сокращения угрозы (*Global Threat Reduction Initiative*), финансируемой США. МАГАТЭ выступает гарантом и координатором осуществления перевозок.

С окончанием холодной войны стало возможным вести речь о сокращении запасов оружейных расщепляющихся материалов, накопленных двумя ведущими ядерными державами – США и Россией, материалов, представляющих потенциально высокую угрозу, особенно в случае их попадания в руки неправительственных и террористических организаций.

Конкретными шагами в области контроля и сокращения запасов расщепляющихся материалов стало американо-российское соглашение об утилизации избыточных запасов оружейного урана (так называемое соглашение ВОУ–НОУ)²⁷. По этому соглашению, подписанному в 1993 г., 500 т российского урана оружейного обогащения, обозначенных как избыточные, переводятся в низкообогащенное топливо для использования в американских АЭС.

Работа в рамках программы ВОУ–НОУ, безусловно, важна с точки зрения нераспространения, поскольку уменьшает запасы расщепляющихся материалов, непосредственно пригодных для создания ядерного оружия. Кроме того, соглашения и механизмы сотрудничества, выработанные в рамках программы, могли бы применяться в разработке новых многосторонних подходов к ЯТЦ. Ряд экспертов также выдвигают идею о том, что топливо, получаемое из оружейного урана, могло бы, при определенных условиях, использоваться как международный банк топлива для обеспечения гарантий поставок странам, отказавшимся от развития технологий обогащения.

ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ 2004–2005 гг.

Доклад о многосторонних подходах в ядерной области: МАГАТЭ

Возобновление интереса к многосторонним подходам к ЯТЦ в начале XXI века нашло выражение в предложениях Генерального директора МАГАТЭ М. Эльбарадея. Выступая на Генеральной Конференции МАГАТЭ в сентябре 2003 г., д-р Эльбарадей высказался за проведение новых исследований по многосторонним подходам к ЯТЦ, указав, что первым шагом в этом направлении могла бы стать работа группы экспертов Агентства²⁸. Эта идея получила дальнейшее развитие в статье д-ра Эльбарадея, опубликованной 16 октября 2003 г. в журнале *Economist*. В статье отмечалась необходимость ограничения производства оружейных расщепляющихся материалов в гражданской сфере и продолжения процессов обогащения урана и переработки ОЯТ «исключительно на установках, находящихся под многонациональным контролем»²⁹.

Эти заявления Генерального директора МАГАТЭ послужили основой для формирования многонациональной группы экспертов по ЯТЦ, в состав которой вошли представители ядерных и неядерных государств, а также государств, не участвующих в ДНЯО; стран с развитой ядерной энергетикой и государств, активно ее развивающих (включая такие страны, как Иран, Бразилия и Аргентина)³⁰. Перед экспертами была поставлена задача проведения предварительного исследования возможности многосторонних подходов в ядерной области (МПЯО). В отличие от докладов 1970-х гг., концентрировавшихся в основном на заключительных стадиях ядерного топливного цикла, в исследовании 2004 г. рассматриваются также вопросы обогащения урана, которые на данный момент стоят наиболее остро.

Группа экспертов под председательством Бр. Пелло (Швейцария) начала работу в июне 2004 г. и в феврале 2005 г. представила свой доклад, который был передан для обсуждения государствам – членам МАГАТЭ, а также распространен как информационный циркуляр МАГАТЭ (INFCIRC/640)³¹.

Эксперты оценивали различные факторы, связанные с реализацией многосторонних подходов к процессам обогащения урана, переработке ОЯТ, промежуточного и окончательного хранения ОЯТ. Двумя основными критериями оценки являлись вопросы «**гарантий нераспространения**» (“**assurance of nonproliferation**”) и «**гарантий поставок и предоставления услуг**» (“**assurance of supply and services**”). Группа обозначила пять основных вариантов многосторонних подходов к ЯТЦ с различной степенью многонационального участия – от усиления существующих рыночных механизмов до создания новых установок под многосторонним контролем:

- ❑ Укрепление **существующих рыночных механизмов** посредством заключения долгосрочных контрактов и прозрачных схем поставок, поддерживаемых правительствами. Примерами такого рода могут служить лизинг топлива с последующим возвратом ОЯТ, коммерческие предложения по хранению и утилизации ОЯТ, коммерческие банки топлива.
- ❑ Развитие и применение **международных гарантий поставок** с участием МАГАТЭ. Одной из моделей таких гарантий может быть привлечение МАГАТЭ в качестве гаранта предоставления услуг, т.е. распорядителя банка топлива.
- ❑ Содействие добровольному превращению **существующих установок в многосторонние**, развитие их как меры укрепления доверия с участием ядерных и неядерных государств, а также стран, не участвующих в ДНЯО.
- ❑ Создание на основе добровольных соглашений и контрактов **новых многонациональных и, особенно, региональных установок ЯТЦ**, находящихся в совместном владении, на правах заимствования или под совместным управлением. Такие установки могут создаваться как для начальных, так и для конечных стадий ЯТЦ; возможно также создание интегрированных парков ядерной энергетики (integrated nuclear power parks).
- ❑ Дальнейшее увеличение доли ядерной энергетики в мире может потребовать развития **ядерного топливного цикла с большим многосторонним участием** – по регионам или в рамках континентов, и **большее сотрудничество** в этом вопросе, включая МАГАТЭ и международное сообщество³².

Эксперты рассмотрели «за» и «против» осуществления каждого из предложенных вариантов – как для стадии обогащения урана, так и для стадии переработки и хранения ОЯТ, оценивая технологические, экономические, юридические и институциональные вопросы, гарантии предоставления услуг, вопросы нераспространения и физической безопасности.

Кроме индивидуальных для каждой стадии вопросов, эксперты также рассмотрели ряд перекрывающих вопросов, касающихся многосторонних подходов ко всем стадиям ЯТЦ. Среди них: связь с соответствующими статьями ДНЯО; гарантии МАГАТЭ и меры экспортного контроля; вопрос о добровольном или юридически обязательном участии в МПЯО; участие государств, обладающих ядерным оружием, и государств, не являющихся участниками ДНЯО; риск «разрыва» (выхода из ДНЯО и прекращения осуществления гарантий МАГАТЭ); обеспечение выполнения обязательств (enforcement).

В целом, представляя проделанную работу, эксперты вновь, как и в 1970-е гг., пришли к выводу о том, что многосторонние подходы могут усилить режим нераспространения (символически – являясь мерой укрепления доверия, а также практически – ограничивая распространение опасных технологий) и, кроме того, могут оказаться экономически выгодными в силу концентрации производства и экономики масштаба. Однако в докладе отмечается, что выгоды от использования МПЯО не настолько очевидны и для некоторых стран опасения нечестной конкурентной борьбы, вопросы суверенитета и национальной гордости могут стать выше преимуществ МПЯО.

В целом исследование экспертов МАГАТЭ получило определенную поддержку большинства государств. Однако принципиальное согласие о необходимости развития МПЯО не означает отсутствия существенных расхождений во взглядах на конкретные цели и ме-

тоды реализации этой идеи. В самом докладе отмечается, что исследование является лишь первым шагом на пути выработки вариантов многосторонних подходов.

Среди вопросов, выдвинутых МАГАТЭ перед началом работы экспертов, которые необходимо учитывать и решить при реализации МПЯО, можно выделить прежде всего вопрос о выработке эффективного механизма гарантий поставок. Именно наличие такого механизма станет для многих государств необходимым и обязательным условием их участия в какого-либо рода многосторонних проектах в области ЯТЦ и особенно их решения об отказе от права на развитие национальных установок.

Стоит также серьезно рассматривать и вопрос об уровне риска при передаче или совместном использовании чувствительных технологий ЯТЦ на многосторонних установках. Один из экспертов, участвовавший в подготовке доклада по МПЯО, генеральной директор Организации по атомной энергии Израиля Г. Франк отметил, что с увеличением степени многостороннего участия повышается риск распространения технологий³³. Также усиливается риск создания тайной ядерной программы с последующим разрывом обязательств для страны-хозяйки многонациональной установки³⁴. Важным является также вопрос о том, каким образом и с какой степенью контроля ядерные государства и государства вне ДНЯО будут участвовать в МПЯО.

Идеи, рассмотренные в докладе МАГАТЭ, получили развитие и широкое обсуждение на международной конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ЯТЦ для укрепления режима нераспространения», проведенной по инициативе Росатома и при поддержке МАГАТЭ в июле 2005 г. в Москве.

Самое активное обсуждение в ходе конференции получили вопросы контроля над конечными стадиями ЯТЦ – стадиями переработки и обращения с ОЯТ. Как отмечают многие эксперты, использование многонациональных подходов на заключительных стадиях ЯТЦ по сравнению с МПЯО на начальных стадиях является гораздо менее противоречивым вопросом. Идея строительства многонациональной установки по обращению с ОЯТ привлекает многие страны, особенно имеющие небольшие ядерные программы. Одной из фундаментальных проблем создания такого центра является политическая возможность получения согласия населения страны, на территории которой центр будет располагаться. Как известно, на сегодняшний день только одна страна в мире – Россия – выразила желание разместить на своей территории международный центр обращения с ОЯТ³⁵. Поэтому не случайно вопросы обращения ОЯТ заняли значительную часть обсуждения на конференции в Москве³⁶.

Что касается технологий обогащения урана, то большинство выступающих на эту тему склонялись к мысли о том, что поскольку в настоящее время в этой сфере существует развитый рынок товаров и услуг, наиболее реальным представляется именно укрепление уже существующих рыночных механизмов. В частности, как одна из наиболее приемлемых схем, выдвигалась идея лизинга топлива с последующим его возвратом, подкрепленная гарантиями поставок для стран, отказавшихся от развития собственных технологий обогащения.

В этой связи разработка механизма международных гарантий поставок с участием представителей предприятий отрасли является следующим логичным шагом в этой работе. Как отметил представитель Всемирной ядерной ассоциации Э. Коллингс, именно эта организация будет координировать обсуждение предложений в рамках отрасли³⁷.

Участники конференции были едины в том, что до того момента, пока будут выработаны соответствующие механизмы, странам предлагается соблюдать мораторий на начало новых проектов в области ЯТЦ.

Необходимо отметить, что идея введения пятилетнего моратория на создание новых установок по обогащению и переработке, предложенная Генеральным директором МАГАТЭ, явилась важным дополнением к работе экспертов по многосторонним подходам к ЯТЦ. В идеале предполагалось, что после пяти лет моратория, когда будут выработаны соответствующие механизмы, все далее создаваемые установки будут действовать под многонациональным контролем.

В статье, опубликованной в феврале 2005 г. в *Financial Times*, М. Эльбарадей подчеркивал, что существующих мощностей по обогащению и переработке хватает на обеспечение сегодняшних и будущих потребностей. В то же время Генеральный директор МАГАТЭ признавал, что мораторий возможен лишь в случае предоставления эффективных гарантий поставок топлива³⁸. Вопрос о гарантиях поставок является слабым звеном предложения о моратории, поскольку надежные и приемлемые механизмы гарантий поставок еще не были выработаны.

Инициатива введения моратория вызвала противоречивую и, в целом, скорее негативную реакцию. Не секрет, что идея всеобщего моратория на запуск установок по обогащению и переработке во многом нацелена на Иран и призвана помочь убедить его отказаться от идеи развития национального ЯТЦ. Тем не менее выдвинутое предложение задевает и другие страны, которые критически отнеслись к идее о моратории. В частности, Япония заявила о неприятии этого предложения, опасаясь, что он коснется строящегося завода по переработке в Роккасё. Бразилия также высказывалась резко против моратория, рассчитывая продолжать свою программу обогащения. Отмечалось, что и западные страны, включая США, а также крупные экспортеры урана – Канада и Австралия имеют определенные возражения против моратория³⁹.

Предполагалось, что предложение о моратории будет обсуждаться на Обзорной конференции ДНЯО 2005 г. Однако проблемы с выработкой повестки дня работы конференции оставили мало времени для обсуждения как этого, так и других вопросов по существу. Как известно, третий главный комитет, в котором обсуждаются вопросы мирного использования ядерной энергии, даже не принял предложений для внесения в текст заключительного документа (впрочем, как и два других комитета).

Ограничения в передаче технологий: США

Одной из основных предпосылок в работе экспертов МАГАТЭ стала убежденность в том, что на современном этапе запретительные меры, в частности отказ в передаче технологий, не могут привести к желаемым результатам. Кроме того, существующий дисбаланс между обязательствами ядерных и неядерных государств в области нераспространения делает маловероятной возможность одностороннего (не подкрепленного стимулами и гарантиями) отказа неядерных государств от права на развитие собственных ядерных технологий⁴⁰. В то же время инициативы в области нераспространения, выдвинутые США в феврале 2004 г., основываются именно на принципе отказа в передаче технологий.

Выступая с речью в Университете национальной обороны 11 февраля 2004 г., президент США Дж. Буш предложил ряд мер по усилению борьбы с распространением ОМУ⁴¹. Одним из ключевых моментов послания стал призыв к контролю над технологиями обогащения урана и переработки ОЯТ⁴². Прямо упомянув Иран как одно из государств, которое под прикрытием Договора о нераспространении может создавать и накапливать запасы оружейных ядерных материалов, Дж. Буш призвал государства-участников Группы ядерных поставщиков (ГЯП) отказываться в продаже технологий обогащения и переработки странам, не обладающим на данный момент развитой промышленной программой в этих областях. В то же время Буш призвал участников ГЯП обеспечить бесперебойные поставки по обоснованным ценам топлива для гражданских ядерных реакторов.

Встает вопрос, насколько данная инициатива, даже при условии ее выполнения всеми участниками ГЯП, сможет достичь своей цели – ограничения распространения опасных технологий ЯТЦ. Примеры – Пакистан, находящийся вне рамок ГЯП и, как известно, распространявший технологии обогащения, а также обнаружение в Малайзии цехов по производству центрифуг – показывают, что развитие технологий обогащения вышло за рамки ряда «избранных» стран и не может быть остановлено запретительными мерами.

Как подчеркивает в своей статье сотрудник Центра международных исследований Мас-сачусетского технологического института Т. Нефф, «предложенные США ограничения по выбору поставщиков с *большой*, нежели с *меньшей* вероятностью будут склонять

страны к необходимости развития технологий обогащения или переработки, или поддерживать заявления таких стран, как Иран или Бразилия, о том, что они могут стать альтернативными поставщиками для других стран»⁴³.

Кроме того, сами члены ГЯП вряд ли пойдут на такую конфронтацию со странами, не участвующими в Группе. С момента создания и особенно на протяжении 1990-х гг. одним из приоритетов ГЯП являлось уменьшение антагонизма с развивающимися странами и избавление от образа «элитарного клуба», «ядерного картеля». Меры, предложенные Бушем, могут с легкостью перечеркнуть все усилия Группы в данной области.

Инициатива Буша по контролю над чувствительными технологиями оставляет открытыми множество вопросов: кто и каким образом будет определять «обоснованность» цен на топливо в условиях существования небольшого числа поставщиков; насколько гарантии, которые могут предоставить США, или даже европейские государства и Россия, могут удовлетворить такие страны, как Иран (например, можно ли рассчитывать, что Европа и Россия пойдут на конфронтацию с США в случае возражений последних против поставок топлива), и т.д.

С момента выдвижения инициатив представители США на международных форумах продолжали придерживаться формулировок, определенных в заявлении. Однако в целом заявление Буша 11 февраля, по крайней мере в части, касающейся контроля над ядерными технологиями, представляется на данном этапе не более чем политическим заявлением, реализация которого на практике в такой жесткой форме практически невозможна.

Интересно отметить, что через две недели после заявления Дж. Буша по нераспространению министр иностранных дел Великобритании Дж. Стро также сделал заявление по борьбе с распространением ОМУ, многие положения которого перекликаются с идеями, выдвинутыми Бушем. Заявление Стро, однако, носит более сбалансированный характер. В нем, в частности, подтверждается право государств на развитие атомной энергетики и предлагается ограничить право на развитие технологий обогащения и переработки лишь государствам, нарушившим свои обязательства по нераспространению. Такие государства не будут лишены возможности развивать ядерную энергетику, однако смогут это делать, импортируя топливо только под контролем МАГАТЭ⁴⁴. Как и выступление Буша, заявление Дж. Стро носит скорее декларативный характер, оставляя много вопросов открытыми, в частности – как будут определяться государства, нарушившие обязательства по нераспространению, и навсегда ли такие государства будут лишены права на развитие технологий (например, если государство признало факты нарушений в прошлом и приняло корректирующие меры, как это заявляет Иран).

«Большая восьмерка» и Группа ядерных поставщиков

В более практической плоскости вопросы контроля над технологиями обогащения и переработки поднимались и в рамках «Большой восьмерки». Впервые проблемы контроля над распространением ядерных технологий получили детальное рассмотрение на саммите 2004 г. в Си-Айленде (США). План действий «Группы восьми» в области нераспространения включает положение о необходимости разработки новых мер, «исключающих экспорт чувствительных ядерных товаров, потенциально опасных с точки зрения распространения в государства, которые могут стремиться использовать их для создания ядерного оружия, или допустить их попадание в руки террористов»⁴⁵. С этой целью лидеры государств «восьмерки» договорились о внесении предложений по выработке критериев экспортного контроля в рамках Группы ядерных поставщиков. Кроме того, лидеры «согласились, что в течение последующего года было бы разумным не начинать новых инициатив, связанных с передачей оборудования по обогащению и переработке в страны, которые их не имеют», что в некотором роде явилось частичной (в более мягкой форме и на ограниченный срок) реализацией инициатив Дж. Буша по запрету на передачу технологий. Лидеры «восьмерки» также подтвердили необходимость сопровождать ограничения на передачу технологий обеспечением гарантий поставок топлива.

Поскольку за год Группа ядерных поставщиков не смогла выработать критерии экспорта, мораторий на передачу технологий был продлен на саммите «восьмерки» 2005 г. в Глениглсе (Шотландия). ГЯП продолжает работу по выработке критериев экспорта. Предполагается, что критерии должны включать в себя «объективные» (безупречный статус страны по вопросам нераспространения, принятие Дополнительного протокола, Конвенций по ядерной безопасности и т.д.) и «субъективные» (экономические основания для развития установок по обогащению и переработке, исходя из уровня развития и масштабов ядерной программы) факторы.

Безусловно, такие критерии могли бы стать важным инструментом контроля над распространением чувствительных технологий ЯТЦ. Однако достижение консенсуса в этом вопросе (ГЯП принимает решения единогласно) может затянуться. В ГЯП кроме стран с развитым ЯТЦ входят государства, не обладающие технологиями, подпадающими под действие критериев экспорта. Соответственно у таких стран может быть желание оставить достаточно свободные формулировки и подходы в этом вопросе. Такие страны-члены ГЯП, как Япония, Германия, Бразилия, в настоящее время активно развивают свои ядерные программы, и опасение, что принимаемые ограничения могут отразиться на их собственных программах, довольно существенно может сказываться на их позиции.

Доклад группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (ООН), подготовленный высокопоставленными экспертами различных стран⁴⁶, также затрагивает вопросы необходимости контроля над технологиями обогащения и переработки. В докладе подчеркивается, что «угрозы распространения за счет обогащения урана и переработки отработавшего топлива являются большими и продолжают расти»⁴⁷. В качестве решения данной проблемы Доклад предлагает два типа мер: во-первых, превращение типового Дополнительного протокола МАГАТЭ в обязательный для применения всеми странами; во-вторых, создание механизма, «который позволил бы МАГАТЭ действовать в качестве гаранта в отношении поставок расщепляющегося материала для использования в гражданских ядерных целях». Такой механизм должен был бы поставить Агентство в положение, когда оно могло бы через посредство уполномоченных им на то поставщиков удовлетворять спрос на поставки ядерного топлива в виде низкообогащенного урана и на переработку отработавшего топлива по рыночным ценам и гарантировать непрерывные поставки этих услуг до тех пор, пока на соответствующих установках не происходит никакого нарушения процедур гарантий или инспекции⁴⁸.

Доклад также развивает идею поддержания моратория странами на строительство установок по обогащению и переработке на время, пока разрабатываются соответствующие механизмы, при обеспечении гарантий поставок.

Сокращение запасов материалов оружейного качества

Параллельно с инициативами по контролю над передачей и развитием технологий обогащения и переработки развиваются программы по контролю и обеспечению безопасности уже существующих в мире запасов ядерных материалов, пригодных для использования в ядерном оружии. Поскольку эти программы направлены на более конкретные, «осязаемые» цели, их реализация более ощутима.

В начале XXI века новый импульс получила российская программа по снижению обогащения топлива исследовательских реакторов (СОТИР). Программу выполняет корпорация ТВЭЛ совместно с рядом научно-исследовательских институтов и предприятий России (НИКИЭТ, ВНИИНМ, Курчатовский институт, НЗКХ) при содействии американских лабораторий, прежде всего Арагонской национальной лаборатории. По состоянию на 1 сентября 2005 г. программа охватывала 13 исследовательских реакторов за рубежом. Одна из основных технологических сложностей заключается в том, что все эти реакторы имеют различные конструкции, для каждой из которых необходимо разрабатывать собственное решение.

На сегодняшний день завершены разработка и лицензирование тепловыделяющих сборок (ТВС) для реакторов типа ВВР-М2 в таких странах, как Венгрия, Украина, Вьетнам, и ИРТ-4М в Болгарии, Чехии, Ливии и Узбекистане, а также потенциально в КНДР и с некоторыми модификациями в Казахстане⁴⁹. В июле 2005 г. были заключены контракты на поставку к концу 2005 г. топлива с обогащением 19,7 % в Ливию и Чехию⁵⁰.

Нерешенными остаются задачи поставок ТВС для реакторов типа МР и ИРТ-3М. По словам заместителя исполнительного директора ОАО «ТВЭЛ» В.М. Троянова, такое топливо уже создано и находится в стадии испытания с последующим лицензированием и постановкой на производство ориентировочно в 2007–2008 гг.⁵¹.

Важной вехой в развитии программы возврата топлива с исследовательских реакторов стало подписание правительствами США и России 27 мая 2004 г. соглашения о возврате в Россию облученного ядерного топлива исследовательских реакторов. Это соглашение открыло дорогу для полного возврата всех ядерных материалов оружейного качества, поставленных в годы холодной войны СССР и США за границу. Возврат ОЯТ – гораздо более сложный вопрос с точки зрения выработки и реализации соглашений о транспортировке, так как возврат может быть осуществлен только из стран, заключивших соответствующие межправительственные соглашения с Россией. На сегодняшний день Россия подписала такие соглашения лишь с двумя из 17 стран – Узбекистаном и Чехией⁵².

Первым в списке стран на возврат ОЯТ стоит Узбекистан, правительство которого выразило большую заинтересованность в возврате ОЯТ с исследовательского реактора в Ташкенте. Реактор с запасами ОЯТ находится всего лишь в 140 км от границы с Афганистаном. Кроме того, Узбекистан активно продвигает идею создания зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. По состоянию на июль 2005 г. ОАО «Техснабэкспорт» завершает работы по обоснованию ввоза ОЯТ из Узбекистана, в июле 2005 г. документы Единого проекта по ввозу ОЯТ были переданы на экспертизу в Ростехнадзор. Предполагается осуществить четыре транспортировки с 252 облученными сборками⁵³.

Также на сегодняшний день прорабатываются вопросы возврата ОЯТ из других стран. Предполагается, что следующим будет вывоз из Латвии. Основными вопросами, которые необходимо решить, являются заключение соответствующих межправительственных соглашений и выработка единого проекта по вывозу. Кроме того, существуют технические трудности – многообразие конструкций ТВС, их техническое состояние, обращение с негерметичными сборками. Отдельной проблемой является вопрос о транзите ОЯТ. По словам директора департамента по ОЯТ «Техснабэкспорта» А.Е. Лебедева, реализация сделки по вывозу ОЯТ – это длительный процесс, который может занимать 15–18 месяцев.

Инициативы 2004–2005 гг. сквозь призму ядерной программы Ирана

Эффективность инициатив по контролю над распространением чувствительных ядерных технологий зависит не только от выполнения таких инициатив в целом, но и от того, насколько успешно они сдерживают устремления определенных стран, ядерные программы которых вызывают озабоченность. На сегодняшний момент, безусловно, Иран является страной, вызывающей наибольшие опасения в связи со своими неоднократными заявлениями о желании начать промышленное обогащение урана. МАГАТЭ, в течение трех лет проводящее расследование ядерной деятельности Ирана, до сих пор не получило ответы на все вопросы и не пришло к окончательным выводам о масштабах и характере его ядерной программы⁵⁴.

Как уже отмечалось, иранский фактор, а именно стремление этой страны развивать собственный ядерный топливный цикл, и появившиеся в начале 2000-х гг. факты сокрытия Ираном деталей своей ядерной программы сыграли существенную роль в выдвигании инициатив по контролю над ядерными технологиями. Соответственно, анализируя выдвигаемые инициативы в области нераспространения, особое внимание следует уделять тому, каким образом они могут отразиться на ситуации вокруг Ирана.

Желание Ирана создать комплекс по промышленному обогащению урана вызвало естественную озабоченность мирового сообщества и призывы к Ирану остановить работы по обогащению⁵⁵. В октябре 2003 г. тройка ведущих европейских государств – Великобритания, Франция и Германия – начала переговоры с Ираном о замораживании деятельности по обогащению. 31 октября 2003 г. было достигнуто предварительное соглашение, по которому Иран соглашался приостановить работы по обогащению и допускать инспекторов МАГАТЭ на свои объекты. Переговоры по выработке окончательного соглашения о приостановлении работ, в частности по вопросу о том, какая деятельность подпадает под действие моратория, продолжались в 2004 г. и закончились подписанием в ноябре 2004 г. соглашения между Ираном и «европейской тройкой» (Парижское соглашение)⁵⁶. Согласно достигнутым договоренностям Иран обязывается поддерживать мораторий на деятельность по обогащению и переработке (включая конверсию урана) на время ведения переговоров по заключению долгосрочного соглашения, которое бы представляло «объективные гарантии мирного характера иранской ядерной программы».

Официальные представители Ирана всячески подчеркивали, что мораторий носит добровольный и, безусловно, временный характер. В мае 2005 г. законодательное собрание Ирана даже приняло закон об обязательном развитии национального ЯТЦ⁵⁷. В августе 2005 г. Иран объявил о возобновлении работ по конверсии урана⁵⁸.

Тактика «европейской тройки» в отношении Ирана представляет собой своего рода «точечный подход» к решению проблемы распространения чувствительных технологий – убеждение конкретной страны, вызывающей наибольшие опасения с точки зрения нераспространения, отказаться от потенциально опасных планов. Стоит вспомнить, что такой подход уже был опробован в истории нераспространения в случае с Северной Кореей и заключением Рамочного соглашения в 1994 г.⁵⁹. Как известно, усилия по созданию КЕДО закончились, когда в ноябре 2002 г. Северная Корея объявила о разрыве Рамочного соглашения, а в январе 2003 г. – о своем выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия.

Безусловно, Иран и Северная Корея – очень разные страны в политическом, экономическом отношении и в причинах развития своих ядерных программ, чтобы можно было проводить прямые параллели. Тем не менее можно предполагать, что достижение соглашения о моратории или даже отказе от деятельности по чувствительным стадиям ЯТЦ одной страной само по себе, без принятия дополнительных мер, не может служить гарантией окончательного решения этой проблемы. В этой ситуации усилия «европейской тройки» важны именно в качестве сдерживающего фактора до тех пор, пока не будет найдено общее удовлетворительное решение проблемы распространения чувствительных технологий, касающееся не только Ирана, но и остальных стран.

При этом участие Ирана в многосторонних подходах к развитию ЯТЦ, в частности в многосторонних установках по обогащению рассматривается многими как один из действенных способов разрешения иранской ядерной проблемы.

Интересно отметить, что в мае 2004 г. секретарь по внешнеполитическим вопросам Высшего совета национальной безопасности Ирана Х. Мусавиан предложил идею создания международного консорциума по обогащению урана с участием Ирана, России и стран Евросоюза⁶⁰. Эта идея, однако, не получила дальнейшего развития ни в иранском руководстве, ни в правительственных кругах других стран.

В мае 2005 г. в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что аналогичные предложения рассматривались в ходе российско-иранских переговоров. Агентство *Reuters* передавало, что Иран предложил производить конверсию гексофторида урана в Исфахане с последующей отправкой для обогащения в Россию и возвращением обогащенного урана в Иран⁶¹. Однако в тот же день иранское информационное агентство *Mehr* со ссылкой на анонимного представителя Ирана передало опровержение того, что Иран когда-либо выступал с данной инициативой. Собеседник *Mehr* сообщил, что на переговорах Иран всегда подчеркивал, что обогащение урана в мирных целях является той чертой, от которой Иран не отступит, и, таким образом, единственной целью производства ядерных материалов в Иране может быть их дальнейшее обогащение⁶².

Дальнейшие перспективы

Сложившаяся ситуация в нераспространении требует принятия решительных мер. Реализация выдвинутых в 2004–2005 гг. инициатив жизненно необходима, но в то же время из-за существующих разногласий добиться ее особенно трудно. Смогут ли государства преодолеть свои частные интересы и выработать единые подходы к развитию ядерных технологий и производству расщепляющихся материалов, которые бы удовлетворяли требованиям нераспространения и в то же время были недискриминационными и экономически выгодными, – от этого во многом зависит дальнейшее существование режима нераспространения.

Оценивая возможность реализации выдвинутых инициатив в области контроля над ядерными материалами и технологиями, можно отметить, что программы и предложения, направленные на обеспечение безопасности существующих ядерных материалов, более выполнимы: ряд из них уже выполняется и приносит результаты.

В то же время осуществление эффективного контроля над ядерными технологиями, безусловно, желательно, но трудно достижимо. Соответственно, некоторые эксперты полагают, что следует сконцентрировать ресурсы на выполнении более реальных задач, которые к тому же касаются более непосредственных угроз, а именно – сохранность ядерных оружейных материалов и, прежде всего, невозможность попадания их в руки негосударственных акторов.

Безусловно, наличие в мире огромных запасов расщепляющихся ядерных материалов, непосредственно пригодных для использования в ядерном оружии, является прямой угрозой международной безопасности. Однако в долгосрочной перспективе распространение чувствительных ядерных технологий, и прежде всего технологий обогащения, позволяющих получать новые запасы расщепляющихся материалов, является еще более острой проблемой, решением которой нужно заниматься уже сейчас.

Что касается контроля над распространением чувствительных технологий, то простой отказ в передаче, даже если он будет каким-то образом легально оформлен и согласован с IV статьей ДНЯО, уже не сможет быть эффективным, – многие страны обладают (в принципе) возможностями разрабатывать собственные технологии. Кроме того, существование черного рынка ядерных технологий облегчает эту задачу. Ограничения легальной передачи технологий будут только способствовать расцвету теневой торговли: Иран, например, утверждал, что был вынужден закупать ядерные технологии и оборудование нелегально именно из-за того, что все законные пути ему были закрыты.

С другой стороны, перевод всех установок по обогащению и переработке под многонациональный контроль также выглядит как малореальная перспектива. В силу политических причин государства не смогут полностью отказаться от национальных прав в этом вопросе. Кроме того, экономическая привлекательность многосторонних подходов детально не изучена. На современном этапе реализация многосторонних подходов более реальна для конечных стадий ядерного топливного цикла – хранения и переработки ОЯТ. В то же время в области обогащения урана (более опасной с точки зрения нераспространения на сегодняшний момент) трудно ожидать создания новых многосторонних установок. В настоящее время в мире существует переизбыток мощностей по обогащению и нет экономических обоснований для запуска новых установок. Большинство участников рынка обогащения высказываются за сохранение рыночных механизмов при усилении контроля и введении механизма гарантий поставок правительствами и МАГАТЭ.

Совершенно очевидно, что принятие МПЯО как международной правовой нормы в обозримой перспективе невозможно, на это не согласятся ни ядерные, ни неядерные государства. Таким образом, более реально рассматривать МПЯО, функционирующие на добровольной основе. В этом случае необходимо осознавать, что сами по себе они не станут панацеей, а смогут работать лишь как дополнение к мерам, укрепляющим правовые основы режима. К таким первоочередным мерам относится, прежде всего, признание Дополнительного протокола МАГАТЭ обязательным для всех стран, что позволит с большей уверенностью говорить о том, что страна не проводит необъявленную деятель-

ность в ядерной сфере. Другим важным компонентом усиления режима, безусловно, должен стать механизм санкций за выход из ДНЯО, который повысит цену, которую страна, желающая разорвать свои обязательства, вынуждена будет заплатить при выходе из Договора. Кроме того, разработка критериев экспорта в рамках ГЯП действительно может стать легальным и признанным ограничителем в распространении чувствительных технологий.

Реализация указанных выше мер сможет перекрыть основные лазейки в ДНЯО, расширяющие режим нераспространения в настоящее время. А многосторонние подходы могут стать опорой в развитии ядерной энергетики в мире. Существенным элементом при этом становится политическая воля государств, а также экономическая заинтересованность промышленности в выработке приемлемых форм реализации.

Приложение

Инициативы по контролю над ядерными материалами и технологиями

Годы	Инициатива	Ограничения (отказ) на передачу технологий	Многосторонние подходы	Сокращение/уничтожение накопленных расщепляющихся материалов
1975–1977	«Руководящие принципы ядерного экспорта»	Ограничения в экспорте чувствительных технологий, оборудования и материалов. Страны обязались «проявлять сдержанность» при передаче технологий по обогащению и переработке		
1975–1977	Региональные центры ядерного топливного цикла		Обращение с ОЯТ и радиоактивными отходами	
1977–1980	Оценка международного ядерного топливного цикла		<ul style="list-style-type: none"> • Обогащение урана • Хранение и переработка ОЯТ 	
1978	Программа снижения обогащения топлива исследовательских реакторов (США)			Перевод активной зоны реакторов, поставленных США за границу, на работу с топливом с обогащением не выше 20%
конец 1970-х – первая половина 1980-х	Программа снижения обогащения топлива исследовательских реакторов (СССР)			Перевод активной зоны реакторов, поставленных СССР за границу, на работу с топливом с обогащением не выше 36%
1978–1982	Международное хранилище плутония		Многосторонний контроль над запасами плутония	
1980–1985	Комитет по гарантированным поставкам		Гарантии поставок топлива	
начало 1990-х (Россия при поддержке США)	Программа снижения обогащения топлива исследовательских реакторов			Перевод активной зоны реакторов, поставленных СССР за границу, на работу с топливом с обогащением не выше 20%
1993	Соглашение ВОУ–НОУ			Разубоживание за-

			пасов оружейного высокообогащенного урана
1993	Резолюция ГА ООН		Поручение Комитету по разоружению (Женева) начать переговоры по выработке Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов
1996	Программа вывоза ОЯТ с исследовательских реакторов за рубежом (США)		Возврат свежего и облученного высокообогащенного топлива с исследовательских реакторов в 34 странах
2003–2006	Операции по вывозу в Россию ВΟΥ с исследовательских реакторов за рубежом		Возврат свежего топлива с исследовательских реакторов в 7 странах
Февраль 2004	Заявления Дж. Буша по нераспространению	Члены ГЯП должны отказываться в передаче технологий обогащения и переработки странам, не имеющим развитых программ в настоящее время	
Май 2004	Российско-американское межправительственное соглашение о возврате ОЯТ с исследовательских реакторов российского производства		Возврат облученного ядерного топлива с исследовательских реакторов
Июнь 2004	План действий «Группы восьми» в области нераспространения	<ul style="list-style-type: none"> • Мораторий на начало новых проектов по обогащению и переработке • Внесение предложений в ГЯП о выработке критериев экспорта чувствительных технологий 	
2004–2005	Исследование группы экспертов МАГАТЭ по многосторонним подходам в ядерной области		<ul style="list-style-type: none"> • Обогащение урана • Хранение и переработка ОЯТ, обращение с радиоактивными отходами

Примечания

¹ Исследование подготовлено при поддержке ОАО «Техснабэкспорт».

² Материалы оружейного качества (то же, что материалы прямого использования) – ядерные материалы, которые могут быть непосредственно использованы при создании ядерного оружия, к ним относят высокообогащенный уран (ВΟΥ – уран, содержащий 20% и более U-235), U-233 и плутоний, содержащий менее 80% Pu-238.

³ Подробнее об этих инициативах см.: Тимербаев Р. М. Международный контроль над атомной энергетикой. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 1 (22). С. 69–133.

⁴ Одним из результатов этого нового понимания угроз и источников распространения стало создание в 1974 г. Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Подробнее см. <http://www.nuclearsuppliers-group.org>

⁵ Изначально список стран включал США, СССР, Великобританию, Францию, Канаду, Японию и ФРГ, в 1976–1977 гг. к ним присоединились Бельгия, ГДР, Италия, Нидерланды, Польша, Чехословакия, Швеция и Швейцария.

⁶ Подробнее см.: Тимербаев Р. М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр, 2002. С. 108.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Следует отметить, что с принятием Руководящих принципов большинство стран, включая Францию, воздерживались от передачи такого рода технологий.

⁹ Тимербаев Р.М. Цит. соч. С. 87.

¹⁰ Stoiber Carlton. The Evolution of NPT Review Conference Final Documents. *Nonproliferation Review*. 2003, Fall/Winter. P. 140.

¹¹ «Плутониевая экономика» – термин, применяемый к использованию реакторов на быстрых нейтронах, производящих больше плутония, чем потребляющих.

¹² Regional Nuclear Fuel Cycle Centers. IAEA Study project, 1977. <http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/FuelCycle/meckoni.pdf>

¹³ Ibid.

¹⁴ Expert Group on International Plutonium Storage in Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report submitted to the Director General of the IAEA. Vienna: IAEA, 2005. P. 170–180.

¹⁵ INFCE Summary Volume (printed by the IAEA in Austria, in January 1980) in Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report submitted to the Director General of the IAEA. Vienna: IAEA, 2005. P. 156–169.

¹⁶ Stein Marius, Stein Gotthard, Richter Bernd, and Jorant Caroline. Multi- or Internationalization of the Nuclear Fuel Cycle: Revisiting the Issue. *Journal of Nuclear Materials Management*. 2004, Volume XXXII, No. 4, Summer. P. 53–58. <http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/FuelCycle/stein.pdf>

¹⁷ Цит. по: Lawrence Scheinman. Op. cit.

¹⁸ Stein Marius et al. Op. cit. P.53.

¹⁹ Rauf Tariq, Simpson Fiona. The Nuclear Fuel Cycle: Is It Time for a Multilateral Approach? *Arms Control Today*. 2004, December. http://www.armscontrol.org/act/2004_12/Rauf.asp

²⁰ Уже к концу 1970-х гг. большинство стран отказались от идеи «плутониевой экономики». В США, в частности, пришедшая к власти в 1977 г. администрация Картера высказалась против применения плутония в энергетике.

²¹ Оценки запасов ВОО и плутония в мире по состоянию на 2003 г. представлены в докладе Института науки и международной безопасности. *Global Stocks of Nuclear Explosive Materials*. Institute for Science and International Security. 2005, August. http://www.isis-online.org/global_stocks/end2003/tableofcontents.html

²² RERTR Program. Argonne National Laboratory. <http://www.rertr.anl.gov>

²³ Arkhangelsky N. Twenty years of RERTR in Russia: Past, Present and Future. Presented at the 2000 International Meeting on Reduced Enrichment for Research and Test Reactors. Las Vegas, 2000. <http://www.rertr.anl.gov/Web2000/PDF/Arkhan00.pdf>

²⁴ Anne Christina. Выступление на конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», Москва, 2005.

²⁵ DOE Needs to Consider Options to Accelerate the Return of Weapons-Usable Uranium from Other Countries to the United States and Russia. GAO Report, GAO 05-57.2004, November. P. 12–16.

²⁶ IAEA Safeguards Glossary, 2001 Edition. http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/nvs-3-cd/PDF/NVS3_scr.pdf

²⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия. Вашингтон, 18 февраля 1993 г.

²⁸ ElBaradei Mohamed. Statement to the Forty-seventh Regular Session of the IAEA General Conference 2003. 2003, 15 September.

- ²⁹ ElBaradei Mohamed. Towards a Safer World. *Economist*. 2003, 16 October. <http://www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2003/ebTE20031016.shtml>.
- ³⁰ Эксперты в различных областях ЯТЦ представляли 26 стран: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Египет, Израиль, Индия, Иран, Испания, Италия, Казахстан, Канада, Китай, Малайзия, Нидерланды, Пакистан, Россия, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Южная Африка, Южная Корея, Япония.
- ³¹ Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle: Expert Group Report submitted to the Director General of the IAEA, INF/CIRC/640, Vienna, IAEA, 2005. <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/2005/infcirc640.pdf>
- ³² Там же.
- ³³ Франк Гидеон. Выступление на конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», Москва, 2005.
- ³⁴ В этой связи любопытно отметить, что в середине 1970-х гг. США вели переговоры с шахским Ираном о создании двухсторонней или многосторонней (с привлечением Пакистана) установки по химической переработке как альтернативы национальной установки в Иране. См.: National Security Council. National Security Decision Memorandum 292. 1975, 22 April; National Security Adviser. Gerald R. Ford Presidential Library, <http://www.ford.utexas.edu/library/document/nsdmnssm/nsdm292a.htm> и National Security Council. National Security Decision Memorandum 324. 1976, 20 April; National Security Adviser. Gerald R. Ford Presidential Library, <http://www.ford.utexas.edu/library/document/nsdmnssm/nsdm324a.htm>
- ³⁵ В апреле 2001 г. Государственная Дума ФС РФ приняла закон, допускающий ввоз на территорию РФ для хранения и последующей переработки облученного ядерного топлива. Вопрос о создании в России международного хранилища ОЯТ также был одним из основных на встрече Генерального директора МАГАТЭ Эльбаратея и Президента РФ В.В. Путина в июне 2004 г.
- ³⁶ В частности, на конференции было представлено несколько докладов о проекте создания международного центра по обращению с ОЯТ на Горно-химическом комбинате в Железногорске.
- ³⁷ Collings Adrian. Выступление на конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», Москва, 2005.
- ³⁸ ElBaradei Mohamed. Seven Steps to Raise World Security. *Financial Times*. 2005, 2 February.
- ³⁹ Japan, Brazil Oppose Proposal: Nuclear Moratorium. *Dawn*. 2005, 23 February. <http://www.dawn.com/2005/02/23/int14.htm>.
- ⁴⁰ Rauf Tariq. Background and Report of the Experts on Multilateral Approaches to the Nuclear Fuel Cycle. 2005, July. http://www.iaea.org/NewsCenter/News/PDF/rauf_report220605.pdf
- ⁴¹ President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD: Remarks by the President on Weapons of Mass Destruction Proliferation. Fort Lesley J. McNair – National Defense University, Washington, D.C. 2004, February 11. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/02/20040211-4.html>
- ⁴² Среди других мер, обозначенных в речи Буша, были:
- Укрепление Инициативы по безопасности в борьбе с нераспространением (ИБОР), включая использование Интерпола и других механизмов для пресечения действий по распространению.
 - Скорейшее принятие всеми странами резолюции 1540 СБ ООН.
 - Расширение программ Глобального партнерства – как по кругу доноров, так и по реципиентам, а также по объемам выделяемых средств.
 - Усиление деятельности МАГАТЭ:
 - подписание всеми странами Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях;
 - создание Советом управляющих МАГАТЭ специального комитета по гарантиям и верификации;
 - запрет на участие в заседаниях Совета управляющих Агентства странам, в отношении которых проводится расследование.

⁴³ Neff Thomas. The Nuclear Fuel Cycle and The Bush Nonproliferation Initiative. World Nuclear Fuel Cycle 2004 Conference. World Nuclear Association/Nuclear Energy Institute, Madrid, 2004. <http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/FuelCycle/neff.pdf>

⁴⁴ Straw Jack. Countering Proliferation of Weapons of Mass Destruction. UK Foreign and Commonwealth Office. 2004, 25 February.

⁴⁵ План действий «Группы восьми» в области нераспространения (Си-Айленд). 2004, июнь. http://www.pircenter.org/data/gp/ActionPlan_rus.pdf.

⁴⁶ Россию, в частности, в работе Группы представлял Е.М. Примаков.

⁴⁷ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Док. ООН А/59/565. 2004, декабрь. <http://www.un.org/russian/secureworld/index.html>

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Троянов Владимир. Выступление на конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», Москва, 2005.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Лебедев Алексей. Выступление на конференции «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», Москва, 2005.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran. Report by Director General. 2004, 15 November. http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2004/gov2004-83_derestrict.pdf ; Implementation of Safeguards in the Islamic Republic of Iran. 2005, November 24. <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2005/gov2005-87.pdf>

⁵⁵ В 2002 г. оппозиционная группа «Национальный совет сопротивления Ирана» обнародовала информацию о ядерных объектах в Натанзе, которые, как позже признал Иран, являются заводом по обогащению. Начавшееся в 2002 г. расследование МАГАТЭ выявило многочисленные случаи непредставления Ираном информации по ядерной программе, в частности по разработкам в области обогащения.

⁵⁶ По Соглашению Иран принимает на себя добровольное обязательство «продолжить и расширить приостановку всей деятельности по обогащению и переработке, в частности: производство и приобретение газовых центрифуг и их компонентов; сборку, установку, испытания или/и эксплуатацию центрифуг; работы по выделению плутония; создание и эксплуатацию установок по выделению плутония, а также испытания или производство установок по конверсии урана [...]». Communication Dated 26 November 2004 Received from the Permanent Representatives of France, Germany, the Islamic Republic of Iran and the United Kingdom Concerning the Agreement Signed in Paris on 15 November 2004, INFCIRC/637; IAEA, 26 November 2004.

⁵⁷ Меджлис Ирана принял закон об ЯТЦ. Iranatom.ru. 2005, 15 мая. <http://www.iranatom.ru/news/iri/year05/may/newb.htm>

⁵⁸ Communication Dated 1 August 2005 received from the Permanent Mission of the Islamic Republic of Iran to the Agency. INFCIRC/648. 2005, 5 August. <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infircs/2005/infirc648.pdf>

⁵⁹ 21 октября 1994 г. было заключено Рамочное соглашение (Agreed Framework) между США и КНДР, по которому Северная Корея обязалась:

- прекратить строительство и использование реакторов в Нёнбёне и на предприятии по обогащению урана;
- отказаться от извлечения плутония из топливных сборок реакторов;
- вывезти ОЯТ за пределы КНДР;
- принять меры по демонтажу всех объектов, чье назначение вызывает опасение с точки зрения нераспространения.

В обмен на это международный консорциум США, Южной Кореи и Японии обязался построить в КНДР два легководных реактора и поставлять 500 т мазута в год до тех пор, пока реакторы не вступят в строй. – Орлов В.А., Соков Н.Н. (ред.). Ядерное нераспространение. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 198.

⁶⁰ Иран предлагает ядерно-топливный консорциум. Iranatom.ru. 2004, 8 мая. <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year04/may/trust.htm>

⁶¹ Иран предложил абсолютно объективные гарантии. Iranatom.ru, 2005, 20 мая. <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/may/ire.htm>

⁶² Nuclear official rejects reports Iran proposed Russia enrich its processed uranium. *Mehr News Agency*. 2005, 20 May. <http://www.mehrnews.ir/en/NewsDetail.aspx?NewsID=185724>

Вадим
Козюлин
Анастасия
Лагута

ЗЕЛЕНАЯ «ИГОЛОЧКА», БЕЛЫЕ НИТОЧКИ,
ИЛИ КАК СОТРУДНИЧЕСТВО КРУПНЕЙШИХ СПЕЦСЛУЖБ МИРА
ПОМОГЛО РАЗОБЛАЧИТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИСТА

«Мы делаем все, что можем, чтобы защитить нашу родину. И тот факт, что мы смогли поймать этого человека, является довольно хорошим примером того, что мы делаем, чтобы защитить американский народ».

Президент США Дж. Буш¹

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Британский подданный индийского происхождения Хемант Лахани был признан федеральным окружным судом в Ньюарке (штат Нью-Джерси, США) виновным в попытке незаконного ввоза в страну и продажи переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла» российского производства и приговорен к 47 годам тюремного заключения. Судья Катрин Хайден определила обвиняемому максимально возможные сроки: 15 лет тюрьмы за попытку поддержки терроризма; 10 лет за незаконные операции с иностранной военной техникой; 20 лет за «отмывание» денег и два года – за попытку импортировать в США ложно задекларированные товары. Для 70-летнего осужденного, имеющего серьезные проблемы со здоровьем, приговор стал, по сути, пожизненным.

«Наиболее эффективна атака против коммерческих самолетов в США, когда 10–15 самолетов упадут одновременно в разных регионах по всей стране».

Британский контрабандист Х. Лахани²

МУСУЛЬМАНИН ПО НУЖДЕ

До своих 68 лет Хемант Лахани был истовым приверженцем индуизма. Много лет назад он эмигрировал в Великобританию, успел выйти на пенсию, но продолжал добывать хлеб свой насущный посредническими услугами.

В декабре 2001 г. как раз наметилась одна из таких сделок, ставшая для Лахани роковой. Пожилой бизнесмен включился в очередной многообещающий проект: для строительства нефтеперерабатывающего завода в Индии требовался крупный инвестор. Лахани решил использовать свои международные связи, чтобы найти потенциального участника, способного вложить в дело ни много ни мало – 1 млрд. долл. Сам Хемант после завершения сделки надеялся увидеть на своем счету цифру с шестью нулями – комиссионные.

Казалось, фортуна благоволила: индийские боги послали предпринимателю богатого финансового партнера, готового потратить на строительство в Индии свой кровный

миллиард. Так бывает в бизнесе: партнер партнера становится твоим партнером. Друг познакомил Лохани с «высокопоставленным представителем нефтяной индустрии из Дубаи» (как оказалось позднее, главарем индийской этнической банды Абдулом Кайюмом). В дубайском гангстере (которого, по некоторой информации, подозревают в серии взрывов в Мумбаи) Лохани увидел своего ангела-хранителя. Еще бы, за короткое время этот индиец из Арабских Эмиратов оказал пожилому предпринимателю две неопределимые услуги, и знакомство с потенциальным инвестором, по рассказам – арабом, проживающим в США, стало первой, открывающей, как показалось, ворота в рай.

Встреча состоялась в январе 2002 г. в Нью-Йорке. Новый знакомый, магнат, финансовый советник саудовской королевской семьи, представился Аиром Хаджи. К бесконечной радости Лохани, Хаджи был готов вложить в нефтяной проект до 250 млн. долл.

О том, что новый «лучший друг» работает на ФБР, Лохани узнал только полтора года спустя. А тогда, в январе 2002 г., Лохани радовался своей удаче и изоощрялся как мог, пытаясь завлечь нового знакомого в индийский проект. Известно, что саудовские миллиардеры ранимы, словно бабочки. Одно неловкое слово – и миллиард упорхнет, не оставив даже следа пыльцы на ладонях. Поэтому Лохани был сама любезность.

По проверенной годами схеме он рассказывал о своих гигантских контрактах по всему миру – «у меня широкие интересы», между делом доставал и показывал новому знакомому визитки людей с высокими должностями – «это мои партнеры». Мимоходом упомянул и о том, как несколько лет назад участвовал в сделке по продаже партии бронетранспортеров из Украины в Анголу. Лохани видел, как Хаджи все больше увлекался новым знакомством.

Осторожный Хемант аккуратно обходил различия между индуизмом и исламом, старался делать акценты на том, что могло бы приблизить, а не отдалить его от потенциально-го инвестора с его привлекательным миллиардом.

Например, саудовский магнат оказался ненавистником Соединенных Штатов. «Хаджи возмущался по поводу влияния Америки на Индию и заявлял, что эти люди – поголовно ублюдки», – вспоминал позднее Лохани. Но в тот день индиец был рад поддержать мусульманина: какое совпадение – и сам Лохани, несмотря на свое заведомое миролюбие индустриста, просто кипит при слове «Америка»! Хемант был готов на все, чтобы миллиардная нефтяная сделка состоялась. Он не мог предполагать, что микрофоны уже включены и каждое его слово ложится компроматом в досье ФБР. Записи свидетельствуют: каждый из переговорщиков преследовал собственную цель – Лохани твердил о нефтеперерабатывающем заводе, а Хаджи... он постоянно говорил об оружии.

Миллиардер оказался со странностями (а кто видел миллиардера без странностей?): он заявил, что представляет сомалийскую террористическую группировку «Фронт освобождения Огдена», желающую приобрести переносной зенитно-ракетный комплекс. «Борцы за независимость», от имени которых выступал Хаджи, якобы жаждали приобрести оружие, но, конечно, были очень стеснены рамками законов. Нельзя ли, используя масштабные связи Лохани, достать установку «Стингер»? Лохани не мог сказать «нет» богатому партнеру, который уже называл его «лучшим другом». Индиец обещал попытаться.

– У меня есть 20 миллионов, 100 миллионов, так много миллионов, – говорил друг. – Доставка одна ракета, и деньги потекут к тебе рекой!³

Лохани любил деньги, потому что деньги не любили его. Непросто справляться с ролью успешного бизнесмена, с которым приличным людям стоит иметь дело, когда твой годовой доход составляет всего 25 тыс. долл. и ты едешь на выпущенном 15 лет назад *ВМВ*. Финансовые проблемы накапливались, здоровье таяло, а черная полоса в жизни никак не заканчивалась.

Желание разбогатеть ослепило пожилого бизнесмена – он не замечал очевидного. А странности могли бы насторожить: Хаджи был не арабом, а пакистанцем. Он больше не упоминал сомалийскую террористическую группировку, говорил, что связан то с «бородатыми ребятами из Афганистана», то с «Аль-Каидой» или чем-то подобным. Лохани ни разу прямо не спросил, кто является конечным покупателем ракет. Его интересовали только деньги. Жадность сделала индустриста и мусульманина единомышленниками, индийца и пакистанца – близкими партнерами.

В КОНТРАБАНДИСТЫ Я Б ПОШЕЛ, ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ

Лохани старательно пестовал отношения: он послал новому знакомому проспекты с описанием различных вооружений, и даже цены на них.

Пакистанский друг между тем окончательно сменил амплу миллиардера на роль оружейного маклера и утратил интерес к инвестициям в индийский нефтеперерабатывающий завод. Теперь он регулярно звонил и справлялся о ракете. «Забудь о расходах, – говорил Хаджи, – эта сделка сделает нас богатыми».

25 апреля 2002 г. эти двое снова встретились в отеле *Wyndham* в американском городе Ньюарк. В этот раз Хаджи был конкретен. Он сказал, что его «брат» – «истинный мусульманин с исламскими убеждениями» – хотел бы купить ракетную установку. Пакистанец изобразил ракету у своего плеча: «Ему срочно нужна такая – переносная». Лохани ответил, что все понял, и предложил российскую *Иглу*. «Я смогу достать ее», – уверенно пообещал индиец. Хаджи хотел, чтобы установка была доставлена в Нью-Джерси. Он уверял Лохани, что провезти ее через таможенные кордоны США не составит труда. «Вы доставите туда груз на корабле, а дальше – наше дело. У нас есть каналы», – успокоил пакистанец.

С этой поры Лохани честно старался найти ракету: он знал, как работают официальные механизмы военно-технического сотрудничества России и Украины, но о ремесле контрабандиста имел весьма приблизительное представление. Самоуверенность дилетанта помогала. Лохани побывал и в Киеве, и в Москве, и даже обращался с запросами на заводы. Осознав, что нигде не получит ракет без сертификата конечного пользователя, он не смутился и сделал попытку завязать деловые контакты с миром криминала. Опять неудача. Между тем его деятельность принесла результат, о котором предприниматель не догадывался, – активным брокером заинтересовалась ФСБ.

Чем плачевнее были результаты, тем энергичнее шли переговоры с заказчиком. К маю Хаджи показалось, что сделка приобрела конкретные очертания. Лохани блефовал и торговался. Он требовал увеличить партию, сообщая, что его поставщики не станут продавать одну ракетную установку. Хаджи пообещал заказать еще 200. «Но вначале клиенты хотели бы получить опытный образец. Всего один», – подчеркивал он.

Скоро Лохани информировал партнера, что все приготовления уже практически подошли к концу. «Замечательно», – радовался пакистанец. Между тем Лохани скрыл от партнера, что при отсутствии официального документа от легального заказчика – сертификата конечного пользователя – его шансы приобрести ракетную установку были равны нулю.

Он начал переговоры с небольшой оффшорной компанией *Laberia Corp.*, зарегистрированной на Кипре, но имеющей офис в Израиле и представительство в Украине. По заверениям директора компании Валерия Гернера, встречу с Лохани ему организовали представители «Укрспецэкспорта», рекомендуя последнего в качестве перспективного покупателя.

По другой версии, координаты компании *Laberia* Лохани сообщил все тот же добрый ангел и по совместительству индийский гангстер Абдул Кайюм.

Так или иначе, Хеманту казалось, что союз с Гернером может изменить его судьбу. Знать бы ему тогда, насколько он был прав!

Компания *Laberia* подошла к делу либерально: документов при Лохани не было, но новые партнеры не очень и настаивали. И сегодня любой желающий может разыскать в Интернете сайт компании, где он узнает, что основанная в 1993 г. *Laberia* «широко известна на рынке поставщиков спецтехники, которая стоит на вооружении стран Восточной Европы, Африки, Азии и стран Латинской Америки». «Основным преимуществом Компании, – сообщает сайт, – является ее способность гибкого лавирования имеющимися на рынке техническими средствами для достижения основной цели – рационально, с максимальной степенью оптимизации использовать выделенные государственные бюджеты на приобретение спецтехники и ее модернизацию»⁴.

Время летело, приближалась осень. Хаджи сообщил Лохани, что хотел бы получить ракеты к годовщине событий 11 сентября (в ФБР тоже любят подарки к датам). «Это очень важно», – настаивал он.

Казалось, все начало складываться: в конце августа Лахани получил факс от директора *Laberia Corp.* с указанием цен на оружие: 87 тыс. долл. за ракету и 23 тыс. долл. за пусковую установку. Поставщик требовал сертификат конечного пользователя: лучше действительный, но сгодится и «липовый». Однако годовщина прошла, а ракет Хаджи так и не увидел.

В октябре *Laberia* потребовала предоплату за оружие – 30 тыс. долл. Через налаженную индийцами еще сотни лет назад систему оплаты, называемую «хавала», Хаджи передал Хеманту деньги. Выглядело это так: Хаджи принес наличные в магазин на Пятой авеню Нью-Йорка и передал их владельцу, ювелиру Иегуде Абрахаму. По команде Абрахама некий партнер выдал всю сумму за вычетом полутора тысяч комиссионных доверенному человеку Лахани Вихаю Раха. Тот положил деньги на счет в швейцарском банке. Позднее и Абрахам, и Раха предстали перед судом за отмывание денег.

Финансовые вливания не помогли, ракеты по-прежнему не было. Хаджи был возмущен: «Я, знаешь ли, делаю это не ради шутки», – кричал он в трубку в ноябре. «Я знаю, знаю, – отвечал Лахани. – Это очень серьезное, опасное и нелегкое дело». Впервые он начал высказывать сомнения. «Мне слишком дорого обходится эта работа», – жаловался он.

«Шеф, у тебя что, нет других клиентов по этой части? – выпытывал Хаджи. – Нынче покупателей так много». Лахани признался, что Хаджи был у него единственным заказчиком оружия: «Эти люди не работают с кем попало. Они должны знать человека прежде, чем станут иметь с ним дело».

Стать контрабандистом никак не получалось, да и хотелось все меньше. К концу февраля 2003 г. Лахани сообщил, что готов выйти из ракетной сделки. Представители *Laberia* сказали ему, что осуществить нелегальную перевозку оружия с Кипра будет слишком тяжело. Они также настаивали на стопроцентной предоплате.

Лахани пожаловался Хаджи, что уже потратил слишком много собственных денег на дорожные и представительские расходы, но пока не получил никакой компенсации. Деньги ФБР по-прежнему оставались на счету Вихаи Раха.

Но Хаджи умолял продолжать: «Укажи любую сумму, и мы заплатим. Только представь нам смету».

На следующей неделе ФБР перечислило 56 тыс. долл. – остаток стоимости ракетной установки – на счет в Женеве. Древнеиндийская платежная система могла ждать развязки еще хоть столетие.

Лахани ни на йоту не приблизился к получению ракетной установки, но Хаджи он убеждал в обратном. «Комплекс уже готов, – уверял индиец в марте. – Я видел его собственными глазами». Не питая никакой уверенности, он клялся, что ракета будет доставлена в США «на следующем судне».

Еще через неделю Хаджи распекал Лахани, как учитель двоечника.

– Шеф, ты в курсе, что суда приходят оттуда каждый день? – кричал он.

– Да, согласен, каждый день.

– Тогда в чем проблема? Если ты дал им задание, они должны были бы уже все закончить, – настаивал Хаджи.

– Ты прав, ты прав, – вот и все, что мог ответить индиец⁵.

В апреле 2003 г. партнеры из *Laberia* сообщили, что не смогут погрузить ракету на корабль. Это означало конец всего проекта. Отношения с пакистанцем совсем расстроились, черная полоса жизни затягивалась.

ГОВОРIT И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА

И снова неожиданный звонок из Дубаи вернул Хеманту радость жизни. Индийский ангел-хранитель Кайюм попросил Лахани приехать на переговоры в Москву. Этот гангстер умел возникать в самый нужный момент и дарить надежду.

Когда Хемант прибыл в Москву, представитель *Laberia* позвонил в гостиницу и назначил встречу в фойе. Там он сразил индийца новостью: к глубокому сожалению, компания не

в состоянии поставить ракетную установку. Однако сотрудник фирмы представил Лахани человеку, который «сможет ему помочь». Человека звали Владимир.

За ужином в китайском ресторане немногословный Володя пообещал Лахани доставить ракетную установку к лету.

Видимо, Лахани не сильно верил во всемогущество Владимира. За неполные семьдесят лет предприниматель повидал дельцов разных калибров и национальностей. Если общение с Володей и могло пробудить оптимизм, то только в сердце совсем отчаявшегося человека.

Хаджи, похоже, уловил настроение «клиента», их общение понемногу сошло на нет. Лахани демонстрировал упорство на другом поприще, весь июнь он провел в Индии, где пытался сделать былью сказку о нефтеперерабатывающем заводе.

По возвращении в Лондон индеец был потревожен звонком из России. Владимир был, как обычно, сдержан: «Мы готовы».

14 июля Лахани и Хаджи вдвоем отправились в Россию, чтобы проследить за отправкой ракеты в США. Агенты американских спецслужб наблюдали, как они осмотрели ракету – обезвреженный экземпляр ПЗРК «Игла-С»^{6,7}.

Партнеры поговорили о доставке, затем Лахани передал Владимиру расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь заплатить Владимиру сумму в 70 тыс. долл. за поставку товаров и деталей. Я перечислю эту сумму при предъявлении необходимых документов в Санкт-Петербурге».

Спустя три дня груз попал на борт судна. В транспортной накладной он был оформлен, как стоматологическое оборудование, следующее из Петербурга в США. Получателем значилась компания Хаджи *House of Rice*, расположенная по адресу *Avenel, N.J.*⁸.

Хаджи был в предвкушении лишь ему известных радостей. Теперь он мог вдоволь куражиться над индийцем и обрадовал Хеманта известием, что клиенты решили передать тому 500 тыс. долл. за хорошо сделанную работу.

Лахани, напротив, нервничал.

– Часто ли ты молишься? – спросил он у Хаджи.

– Да, когда ты позвонил мне, я как раз возносил молитвы, – отвечал тот.

– Хорошо. Может быть, Аллах поможет нам, – надеялся истовый приверженец индуизма.

12 августа утром они встретились в гостиничном номере *Wyndham* в американском городе Ньюарк. Пакистанец был в приподнятом настроении. «Шеф, я говорил тебе, что могу провезти в Америку все что угодно. Разве нет?»

Лахани был оглушен и поражен свалившейся удачей. «Не могу поверить, что мы это сделали», – приговаривал он, рассматривая контейнер. Хаджи пообещал переправить следующую часть денег через Абрахама, ювелира из Манхэттена. Он сказал, что его клиент дожидается в фойе с деньгами. «Сиди. Я вернусь через несколько минут», – сказал он и вышел. Лахани встал, чтобы закрыть за ним дверь, но тут в номер ворвались агенты спецслужб⁹. Праздник был прерван, не начавшись...

«Извините. Вы все знаете. Я дурак, ведомый жадностью... Меня надули. Меня заманили в ловушку. Я нарушил закон, но я не террорист».

Британский контрабандист Х.Лахани¹⁰

НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА

За прошедшие два года мировая зарубежная пресса детально изучила нелепую и эксцентричную фигуру Хеманта Лахани. Если он олицетворяет всемирное зло, то трудно над ним не посмеяться. Адвокат Лахани г-н Клингеман назвал своего клиента «посмеши-

щем», которое «не сможет довести дело до конца, даже если вся жизнь будет зависеть от этого». «Лохани жаждал денег и наслаждался ощущением всемогущества, но он не был контрабандистом», – считает адвокат¹¹.

В истории Хеманта Лохани есть и трогательные обстоятельства, пробуждающие сочувствие. Финансовые трудности индийца были столь велики, что он не смог оплатить собственного адвоката и суд назначил ему государственного защитника.

В Лондоне чета Лохани пользовалась репутацией пары богобоязненной и уважаемой. Его жена Кусум – социальный работник. Общественный центр на севере Лондона, где она продолжает работать, открывала сама принцесса Диана. Соседи хвалят Кусум за благотворительность¹².

Строгий вегетарианец, один из тех, кто не курит и не пьет, даже в тюрьме Лохани поднимался в 7 часов, занимался йогой и молился на протяжении получаса. Возможно, обращаясь к Господу, Лохани в глубине души завидовал Всемогущему. Бог вершил судьбы, его молили о помощи или пощаде, и только Он имел право быть милостивым или оставаться глухим к мольбам. Ракета давала бизнесмену ощущение всеисилия. У Лохани захватывало дух от открывающихся возможностей: он тщился поставить на колени супердержаву.

Приговор по делу Лохани оглашен, и авторы статьи не намерены ставить его под сомнение. Но в этой истории остаются незаслуженно обойденные вниманием персонажи.

НАПЕРСНИК АЛЛАХА

Загадочна личность Аира Хаджи, настоящее имя – Мохаммед Хабиб Рахман, 43 года, уроженец Пакистана, женат, имеет пятерых детей.

Чарльз Ли, агент американского управления по борьбе с наркотиками (УБН) в отставке, признался, что завербовал Рахмана в 1993 г., будучи прикомандированным для работы в представительстве УБН США в пакистанском городе Лахор. Рахман работал в семейном текстильном бизнесе и оказался полезным благодаря широким связям в регионе¹³.

В качестве первого задания Рахман заманил поставщика наркотиков в ловушку, подготовленную спецслужбами США. «Это было смело, – вспоминает Ли. – УБН понравилось, как ловко Рахман поймал этого парня».

Рахман начал участвовать в организации подобных «подстав» на регулярной основе. Он пользовался репутацией бесстрашного человека и мог заработать десятки тысяч долларов на серьезной операции. «Мы взяли с ним неплохой разгон», – заметил Ли.

Все закончилось в 1996 г., когда очередной контрабандист героина, почувствовав неладное, вычислил, что Рахман состоит на службе у США, и нанял киллера. Агенты спецслужб быстро переправили Рахмана с семьей в США. С этого времени Рахман сменил четыре места жительства в четырех штатах, где выполнял преимущественно низкооплачиваемую работу.

В 1997 г., выйдя в отставку и возвратившись в США, Ли нашел своего бывшего агента в бедственном положении: пакистанский информатор был совершенно разбит, его жена больна. Супружеская пара выбивалась из сил, пытаясь обеспечить пятерых детей. Вида на жительство у Рахмана не было, он с трудом говорил по-английски и не мог найти работу.

Весной 1999 г. Ли устроил встречу Рахмана с агентами ФБР в Миннеаполисе и убедил их использовать пакистанца в контртеррористических операциях.

Рахман, в свою очередь, предложил Ли стать партнерами в предприятии по импорту и перепродаже басмати – высококачественного риса, пользующегося большим спросом среди иммигрантов из Африки и Среднего Востока. Вначале Ли был не в восторге от подобной идеи, но позже согласился. Ли и сам искал, чем бы заняться в отставке.

Не прошло и нескольких месяцев, как «трест лопнул». По словам Ли, Рахман продал одну партию риса сразу двум покупателям и прикарманил на этом около 20 тыс. долл. Ли урегулировал все платежи партнера, но зарекся иметь дела с Рахманом. Позже Ли узнал, что был не единственным пострадавшим от рискованного пакистанца.

Однако и у Рахмана начались неприятности: в 1999 г. судья выдал ордер на его арест за изготовление поддельного чека. В 2001 г. банк *Висконти* выиграл у Рахмана по суду более 6 тыс. долл. за отказ выплатить проценты по кредиту. Позже судьи увеличили сумму его судебного долга еще на 120 тыс. долл. – за сомнительные сделки, которые Рахман проворачивал в своей компании *House of Rice*.

Летом 2000 г. Ли направил в ФБР девятистраничное письмо с перечислением многих обвинений в адрес своего бывшего агента. К письму прилагалось заявление торговца из Миннеаполиса, преследовавшего Рахмана за присвоение 58 тыс. долл. Рахман, подчеркивал Ли в письме, говорил, что ему не составит труда обеспечить транспортировку наркотиков из Пакистана и организовать заказное убийство. «Я руководствовался единственным мотивом – остановить этого парня», – говорит Ли. Но люди из ФБР никогда не связывались с ним по этому вопросу.

ЧИСТЫЕ РУКИ, ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

«Агенты на полной ставке, подобные Рахману, могут зарабатывать десятки тысяч долларов за рутинную работу в помощь обвинению и сотни тысяч за участие в более серьезных делах», – признают сотрудники спецслужб.

«При нынешнем масштабе международного сотрудничества информаторы о мире терроризма ценятся больше всего», – подчеркивает Дэвид Ирвин, бывший федеральный прокурор.

Автор книги о работе с информаторами Роберт Блум замечает: «Каждый, кто занимается этим, знает: чтобы поймать плохих парней, приходится иметь дело с плохими парнями».

Итак, Рахман, так же как и Ляхани, испытывал финансовые затруднения и зарабатывал как умел, а платили ему за пойманных преступников.

Но развязка этой истории наводит на мысль, что в этот раз премия досталась Рахману за то, что он перековал в международного преступника заурядного предпринимателя.

С 1984 г. в США действует программа «Вознаграждение за справедливость». Она призвана поощрять во всех странах мира лиц, предоставляющих американцам важные сведения для борьбы с террористами. В рамках программы за сведения, позволившие предотвратить международные теракты или арестовать находящихся в розыске международных террористов, на 1 августа 2003 г. США выплатили в общей сложности всего около 9,5 млн. долл. 24 лицам, предоставившим достоверную информацию, позволившую арестовать разыскивавшихся террористов или предотвратить акты терроризма в разных регионах мира. На октябрь 2004 г. правительство США в качестве вознаграждения выплатило в общей сложности уже 57 млн. долл. 35 информаторам¹⁴.

Понятно, что истинные масштабы работы информаторов секретны. Однако известно, что к августу 2002 г. власти США планировали привлечь к работе по сбору информации о возможной террористической деятельности около 1 миллиона американских граждан: почтальонов, рабочих, служащих коммунальных служб и всех тех, кто имеет свободный доступ в жилые дома. Ныне они собирают информацию и ведут наблюдение за подозрительными лицами в 10 городах США, названия которых держатся в тайне. Вся собранная информация поступает в Министерство юстиции США, откуда ее получают правоохранительные органы в округах и штатах страны¹⁵.

Самые ленивые информаторы просто высасывают проблему из пальца. Иногда обман раскрывается. В начале октября 2005 г. ФБР получило «надежную информацию» о том, что трое иракцев планируют произвести взрывы в нью-йоркской подземке, пользуясь детонаторами с дистанционным управлением. Среди прочего пакистанский осведомитель рассказал, что трое подозреваемых прошли подготовку в афганских лагерях для террористов. Власти срочно произвели аресты подозреваемых заговорщиков, находившихся в Багдаде! Допросы на детекторе лжи показали, что все трое не имеют никакого отношения к «Аль-Каиде» и никогда не бывали в Афганистане. Информатору пришлось сознаться, что он сочинил свою историю о готовящихся взрывах в метро. А ведь, наверное, мог бы справиться с задачей, потратившись на диктофон и пару международных звонков¹⁶.

Лохани, не имевший проблем с законом до роковой встречи с правоохранительными органами США, человек, единственная сделка которого по продаже оружия была вполне легальной и растянулась на два года, – жертва не только и не столько собственной жадности и глупости, но и самой системы.

ЧАСОВЫЕ НЕНАВИСТИ

Двоим американцам, выходцам из мусульманских стран, сегодня грозит до 15 лет тюремного заключения по обвинениям, связанным с терроризмом¹⁷. 20 мая 2005 г. джазовый музыкант Осман Шах и доктор Рафик Сабир встретились в одной из квартир в Бронксе и образовали организацию, которая, как утверждают федеральные власти, разрабатывала схему оказания помощи «Аль-Каиде». Во время встречи музыкант и доктор выражали сожаление по поводу того, что в 1998 г. не удалась их попытка пройти подготовку в лагерях в Афганистане. Также они упоминали, что в США они подвергаются преследованию даже со стороны других мусульман за свой воинственный настрой. Затем музыкант и доктор произнесли клятву верности «Аль-Каиде».

Третий участник новоиспеченной организации, представлявший вербовщиком для террористической сети Усамы бен Ладена, оказался бывшим тюремным информатором, а ныне агентом ФБР.

В русле оперативных действий он использовал «конспиративные» телефонные звонки якобы из Йемена, при этом вел запись на диктофон. Агент вел разговоры о поездках за границу для обучения терроризму во имя джихада и даже предлагал выучить и при разговорах использовать специальный код – мол, для того, чтобы ввести в заблуждение правоохранительные органы.

Согласно предъявленным обвинениям, Осман Шах согласился обучать членов «Аль-Каиды» рукопашному бою, а Рафик Сабир намеревался лечить раненных боевиков.

Ранее эти двое мужчин не имели серьезных проблем с законом. Некоторые из их знакомых до сих пор не могут поверить, что эти люди были готовы причинить вред Соединенным Штатам. Они арестованы в рамках операции правоохранительных органов по выявлению и аресту тех людей, которые склонны оказывать помощь террористам. Эта операция продолжается уже более двух лет.

ГНЕВ АЛЛАХА

Войны в Ираке и Афганистане вывели борьбу с терроризмом на мировой уровень и запустили опасные процессы, которые становятся неуправляемыми. В массовом сознании американцев и европейцев происходит отождествление понятий «ислам» и «терроризм».

А идеологам исламского экстремизма в руки дана козырная карта, которой им не доставало: Америка ведет войну на чужой, мусульманской земле. Это сплачивает разобщенных арабов и позволяет им легче находить общий язык с иранцами, пакистанцами, филиппинцами, а также таджиками, узбеками, киргизами и даже татарами. У них есть о чем поговорить при встрече – есть универсальная, словно погода, тема.

Поэтому желательно контролировать и эти разговоры. Но информаторы, особенно если их брать из уголовной среды, как правило, нечисты на руку. Им легче не контролировать, а провоцировать подрывные разговоры. Тем более что заказчику все равно – ведь аудиозапись по американскому закону принимается в суде.

Миллионы американских информаторов и миллионы информаторов в других странах демократии, вероятно, производят колоссальное количество «сигналов». Помнить о проблеме международного терроризма ежедневно помогают телевидение и пресса. Множество сигналов сливаются в поток и, словно в катушке индуктивности, создают в общественном сознании напряжение.

Это напряжение уже преобразило черты американского общества. В сегодняшней забаррикадировавшей все входы и выезды, репетирующей по телемосту правильные от-

Ираке, где ситуация все больше и больше входит в неуправляемый штопор? Или, наконец, это ловкая рекламная кампания производителей специального оборудования для защиты коммерческих авиарейсов от возможной угрозы поражения из ПЗРК? Дебаты о целесообразности установки подобного оборудования на всех пассажирских самолетах в США уже ведутся, и нынешний случай сгодится, чтобы подтолкнуть законодателей к одобрению широкого пакета предложений по внедрению защиты на всех новых самолетах и на больших и потенциально опасных старых. Цена пакета, между прочим, 10 млрд. долл.²².

Впрочем, может быть еще одно объяснение. Поимка дерзкого похитителя «Иглы» – не что иное, как широкомасштабные совместные учения представителей спецслужб трех стран. «Подобная совместная операция спецслужб России, Великобритании и США проводилась впервые со времен окончания Второй мировой войны. Это хороший пример удачного сотрудничества», – отметил ветеран внешней разведки, генерал-майор в отставке Юрий Кобаладзе²³. «Составляющая успешной операции свидетельствует о росте доверия между Россией, США и Великобританией, а также о реальном начале отработки на практике механизма взаимодействия в борьбе с международным терроризмом», – подчеркнул представитель ФСБ²⁴.

Именно так. Профессионал спецслужб выразился предельно ясно и исчерпывающе. «Отработка механизма». Не больше... Но и не меньше. Путь в тысячу миль начинается с первого шага.

ИГРА В «ВЕРЮ–НЕ ВЕРЮ»

Очевидно, громкая операция по обезвреживанию опасного поставщика оружия международным террористам должна была показать миру, насколько далеко продвинулись бывшие противники в сотрудничестве ради борьбы с воинствующим экстремизмом. Однако слабые стороны сотрудничества этот пример иллюстрирует ярче, чем его достоинства, ибо исполнение оказалось несовершенным как по технике исполнения, так и по воспитательному потенциалу.

Во-первых, у обывателя появился повод думать, что ПЗРК в России действительно продаются, как пирожки. Статьи в мировой прессе о деле Лахани начинались примерно так: «Пойман контрабандист, доставивший русскую ракету в США». И только дочитав до середины публикации, читатель мог понять, что контрабандисту намеренно подыгрывала ФСБ.

Во-вторых, завершившаяся операция служит сигналом: если серьезные спецслужбы двух (трех?) государств только объединенными усилиями смогли изловить обложенного со всех стороны красными флажками контрабандиста-любителя, каким предстает из отчетов Лахани, то профессиональные воротилы черного рынка могут спать спокойно.

Наконец, и другие доступные наблюдателю факты международного сотрудничества на ниве антитерроризма также не сильно обнадеживают и скорее свидетельствуют о двойных стандартах.

Английский суд не выдает российскому правосудию Ахмеда Закаева, который обвиняется в участии в подготовке захвата заложников в Москве и других террористических действиях в 1996–1999 гг. Рупор террористов Мовлади Удугов нашел убежище в одной из арабских стран.

В 1995–1997 гг. печально известный российский олигарх Борис Березовский поддерживал тесные отношения с чеченскими командирами и делал на войне слабо законспирированный бизнес. Сегодня Березовский по британскому паспорту, выданному на имя Платона Еленина, открыто посещает Грузию и Латвию.

Моралисты всех стран играют в «верю – не верю». Несмотря на трагизм событий и колоссальные жертвы, западные страны не сразу поверили в то, что произошло в Беслане. Западные журналисты упорно называли бесланских террористов повстанцами.

Узбекистан заявил, что в Андижане боролся с террористами. Многие эксперты признают, что андижанские события были спланированной акцией исламских заговорщиков. Но мир не поверил, и сегодня Узбекистан оказался в международной изоляции.

Четыре года спустя после терактов 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН все еще не достигла соглашения по такому фундаментальному вопросу войны с терроризмом, как всеобъемлющее определение терроризма. Многие страны-члены ООН из числа поддерживающих террор пытаются пустить данный процесс под откос, настаивая на том, что действия отдельных лиц или незаконных формирований в контексте «войн за национальное освобождение» и за изгнание «оккупационных сил» нельзя считать терроризмом.

Возможно, недостатком согласия в вопросах борьбы с этим злом объясняется, почему остаются неуловимыми Усама бен Ладен и Шамиль Басаев, очень медленно продвигается расследование взрывов в лондонской подземке.

Нельзя не отметить и стремление отдельных государств использовать проблемы, связанные с терроризмом, в качестве предлога для экономической блокады неуголовных режимов. Так, с 1988 г. Государственный департамент США ежегодно публикует список государств, поддерживающих международный терроризм. В разные годы в списке фигурировали семь государств: Северная Корея, Ирак, Иран, Куба, Ливия, Судан и Сирия. Для всех демократических стран мира рекомендация Госдепа США воздерживаться от торговых и военных поставок «государствам-изгоям», как принято их называть, является чем-то вроде закона, обязательного к исполнению. Лишь одна недавно сложившаяся демократия на земле на протяжении всех 17 лет демонстративно игнорирует рекомендацию США и продолжает продавать оружие странам из этого списка. Нетрудно догадаться, что это Россия – она воздерживается от военно-технического сотрудничества только с теми из стран, на которые распространяется эмбарго ООН.

И лишь борьба с распространением ПЗРК являет редкий пример поистине международного единодушия. По данным американской стороны, в руках террористов, в том числе и членов «Аль-Каиды», на сегодняшний день находятся сотни, если не тысячи технически устаревших, но еще пригодных к применению переносных зенитных комплексов, главным образом американских «Стингеров», которыми в середине 1980-х гг. США щедро снабжали афганских моджахедов для борьбы с советскими войсками. Немало в руках террористов и «Игл» и «Стрел» российского производства. Еще в 2004 г. федеральным силам в Чечне удалось обнаружить в схроне у боевиков несколько десятков ПЗРК с заводскими номерами. В ноябре 2002 г. на встрече министров обороны стран-членов СНГ российский министр Сергей Иванов предложил провести ревизию во всех бывших советских республиках с тем, чтобы поставить каждую ракету на международный учет. Сегодня эта задача успешно выполняется с коллективного одобрения мирового сообщества²⁵.

«Министерство юстиции привержено предотвращению террористических заговоров, которые угрожают жизням невинных американцев. Мы сохраняем высокую бдительность в стремлении выявлять, срывать и разрушать террористические заговоры против нашей страны».

Джон Эшкрофт, генеральный прокурор США

ГОЛЛИВУД НА СЛУЖБЕ МИРА

Отгородившиеся от мира таможей и океаном американцы как сенсацию воспринимают негативное отношение к своей стране. «Нет сомнения в том, что господин Лохани симпатизировал убеждениям террористов, которые пытаются навредить нашей стране. Он не раз называл американцев ублюдками, а Усаму бен Ладена героем, о чем свидетельствуют записи разговоров», – отмечается в обвинительном акте против Лохани. Между тем из Европы прекрасно видно, что антиамериканские настроения все глубже укореняются не только на арабском Востоке, но и в странах Запада.

Грубая политика администрации Буша провоцирует на агрессию тысячи мусульманских душ и вселяет смуту в сердца христиан. Словно отрежиссированная Голливудом операция ФБР против Лохани грешит киношной надуманностью и подталкивает авторов данной статьи принять участие в написании следующих апокалиптических сценариев.

Сценарий первый. Фильм «Ляхани возвращается»

ФБР сознает, что только специалисты могут реально оценить опасность переносной ракеты «Игла». Чтобы страхом за будущее мира (и гордостью за «людей в черном») проникся каждый американский обыватель, Хаджи (его играет Рахман) заказывает главному герою атомную бомбу (мы знаем, что в России они точно есть). На лужайке перед Белым домом ФБР арестовывает коварного контрабандиста (его играет мистер Бин, ибо Ляхани больше не снимается) с бомбой в детской коляске.

Сценарий второй. Фильм «Ляхани навсегда»

Террорист Хаджи открывает в Интернете фундаменталистский исламский сайт. Он размещает на своей странице один вопрос: «Готов ли ты бороться с неверными и за большие деньги? Да – Нет». Свежими мистерами Бинами наполняют стадионы.

To be continued, господа, to be continued...

Примечания

¹ http://www.terrorunet.ru/sos/print/index.html?n_no=22

² <http://www.inopressa.ru/print/telegraph/2004/08/23/14:56:47/terror>

³ FBI Snared Me In Terrorist Missile Deal, Says Briton. *Times*. 2004, October 18.

⁴ <http://laberia.narod.ru/index-rus.html>

⁵ http://www.dehai.org/archives/dehai_news_archive/apr04/0080.html

⁶ Переносной зенитный ракетный комплекс «Игла-супер» принят на вооружение Российской армии в 2002 г. Имеет значительные преимущества в боевой эффективности, надежности, выживаемости по сравнению с базовым комплексом «Игла», принятым на вооружение в 1983 г. Дальность действия ПЗРК «Игла-С» увеличена до 6 км (у базовой «Иглы» – 5,2 км), а максимальная высота полета поражаемых целей – до 3,5 км. При том же весе ракеты, что и у базового комплекса, увеличена мощность боевой части, повышена эффективность поражения высокозащищенных воздушных целей. На ПЗРК «Игла-С» установлены новые приводы управления полетом, неконтактный лазерный взрыватель и система управления пучком разлета осколков боевой части в зависимости от ракурса сближения ракеты с целью.

⁷ ФСБ продала террористам неисправную ракету. *Lenta.ru*. 2003, August 13.

⁸ <http://lenta.ru/articles/2003/08/14/igla/>

⁹ Martin John P. Star-Ledger Staff.

¹⁰ My Only Crime Is Greed, Says Terror Charge, Briton. *Telegraph*. 2004, August 22.

¹¹ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/4239588.stm>

¹² <http://archives.tcm.ie/breakingnews/2004/10/17/story171498.asp>

¹³ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/4239588.stm>

¹⁴ <http://www.obozrevatel.com/news/2005/4/22/9043.htm>

¹⁵ <http://media.topping.com.ua/news/society/2002/07/17/97192.html>

¹⁶ http://www.nrs.com/news/newyork/usa/121005_164927_89357.html

¹⁷ <http://www.newsru.com/world/31may2005/fbi.html>

¹⁸ <http://www.radiomayak.ru/interview/05/07/15/37940.html>

¹⁹ <http://nuclearno.ru/text.asp?6559>

²⁰ www.rcbcanada.com/newstext.phtml?post=4774 (14 КБ)

²¹ <http://lenta.ru/articles/2003/08/14/igla/>

²² <http://www.inopressa.ru/print/archive/2003/08/14/12:14:34/arc:letemps:incident>

²³ http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0815/2.shtm

²⁴ <http://palm.newsru.com/world/13aug2003/iglaob.html>

²⁵ <http://lenta.ru/world/2003/09/19/igla/>

Семидесятые годы прошлого столетия считались периодом разрядки напряженности в отношениях между двумя сверхдержавами – Советским Союзом и Соединенными Штатами. Холодная война развивалась своим чередом, но появился новый весьма важный фактор, сделавший возможным заключение первых договоренностей об ограничении стратегических вооружений, – к тому времени был достигнут примерный стратегический баланс между нашими странами. Это и привело к известным соглашениям по ОСВ-1.

Начиная еще с военных времен, мы долгое время отставали от Соединенных Штатов в разработке, производстве и развертывании ядерного оружия и средств его доставки, и лишь к концу 1960-х – началу 1970-х гг. Советский Союз добился установления более или менее приемлемого для страны баланса стратегических возможностей. По свидетельству наших специалистов – генерал-лейтенанта в отставке Н.Н. Дединова и д.и.н. А.Г. Савельева, которые участвовали в переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений, к концу 1960-х гг. ежегодно строилось по 200–250 шахт для МБР и по 7–8 атомных подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами¹, и Советский Союз, еще отставая от США по количеству и особенно по качеству стратегических носителей, уже приближался к ситуации взаимного стратегического баланса между двумя державами.

Аналогичное мнение высказывали и ответственные американские представители. Г. Киссинджер, советник по национальной безопасности при президенте Никсоне, писал в своих мемуарах, что если в середине 1966 г. Советский Союз имел 250 оперативно развернутых МБР, в середине 1967 г. – 570, в сентябре 1968 г. – 900, то к сентябрю 1969 г. по количеству МБР превзошел США, развернув 1060 МБР. К концу же 1970 г. Советский Союз, по данным американских разведслужб, имел уже 1440 МБР².

Другой видный американский специалист – Р. Гартхоф, участвовавший в переговорах по ОСВ-1, так характеризовал геостратегическую обстановку накануне и в ходе этих переговоров: «К концу 1960-х гг. Советский Союз располагал стратегическими межконтинентальными вооруженными силами, приближающимися к таким силам Соединенных Штатов по количеству, если еще не по своим возможностям. И Соединенные Штаты предложили провести переговоры по ограничению стратегических вооружений и были готовы признать общий паритет стратегической военной мощи. С точки зрения Соединенных Штатов, эта инициатива отражала готовность и желание сдержать гонку вооружений, по крайней мере в количественном отношении. С точки зрения Советского Союза, предстоящее достижение стратегического паритета и признание его американскими лидерами ознаменовало беспрецедентное движение вперед в сравнении с военным отставанием Советского Союза со времен революции. Более того, в дополнение к укреплению советской безопасности это также могло бы стать важным шагом в направлении достижения *политического* паритета в качестве сверхдержавы»³.

В период переговоров по ОСВ-1 (1969–1972 гг.), наряду с выработкой договоров по ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений, имелось в виду подготовить еще одну договоренность – соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, или более коротко, как его часто именовали в узком кругу переговорщиков, – «соглашение о мерах» («Accidents Measures Agreement»). Советский Союз стремился заключить такое соглашение как можно раньше и независимо от упомянутых договоров, выработка которых проходила с большими трудностями. При этом мы исходили из того, что такое соглашение, несмотря на его, казалось бы, сравнительно технический характер, имело бы для нас весьма важное политическое значение, поскольку в нем был бы *впервые* юридически закреплён баланс стратегических возможностей между СССР и США, или, как еще говорили, принцип «равной безопасности».

В настоящей работе освещается ход переговоров по выработке соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между двумя державами.

Обмен мнениями между сторонами в 1968–1969 гг., еще до начала переговоров по ОСВ-1, открывшихся в Хельсинки в ноябре 1969 г., показал, что и советская, и американская стороны проявляют интерес к недопущению возможных просчетов ввиду технических случайностей, несанкционированного применения ядерного оружия и использования его третьими странами, других инцидентов, из-за которых война могла бы возникнуть не по умыслу, а по воле случая, а также к усовершенствованию средств связи в кризисных ситуациях⁴. Эта проблема была включена в рабочую программу, принятую в Хельсинки в декабре 1969 г. В программе недвусмысленно предусматривалось, что в ходе переговоров будут рассмотрены пути уменьшения опасности возникновения ракетно-ядерной войны между СССР и США, включая меры недопущения несанкционированного или случайного использования ядерного оружия.

В течение 1970 г. эту проблему неоднократно затрагивали в своих заявлениях на пленарных заседаниях и неофициальных встречах главы обеих делегаций – заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов и директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США (АКВР) посол Дж. Смит.

С советской стороны выдвигались следующие аргументы в пользу достижения договоренности о недопущении инцидентов с ядерным оружием: развитие техники ведет не только к увеличению дальности и точности средств доставки; усовершенствования в области вооружений сопровождаются усложнением систем контроля над безопасностью оружия и повышением роли автоматического и компьютерного обеспечения; действия персонала могут зависеть от исправности весьма сложного автоматического контроля и систем обработки данных; среди персонала могут оказаться психически несбалансированные лица; Советский Союз принимает все меры для исключения возможности случайного или несанкционированного применения ядерного оружия; по всей очевидности, шаги в этом направлении предпринимаются также и Соединенными Штатами, но представляется целесообразным согласовать возможные дополнительные меры, которые могли бы осуществляться обеими сторонами индивидуально или совместно; можно также предусмотреть соответствующие действия в чрезвычайных ситуациях, с тем чтобы предупредить автоматическое возникновение войны.

По свидетельству Смита, представитель Пентагона на переговорах генерал Аллисон поинтересовался у советского представителя генерала (позже маршала) Н.В. Огаркова, не смог ли бы тот конкретизировать хотя бы некоторые возможные организационные или технические меры, однако советский представитель ответил, что сейчас самое важное договориться в принципе, а более детальные шаги могут быть предусмотрены позднее⁵.

С американской стороны были высказаны соображения в пользу обмена мнениями по двум аспектам: 1) меры предосторожности, применяемые каждой стороной для недопущения случайного или несанкционированного ядерного взрыва, и 2) шаги по улучшению возможностей средств связи между США и Советским Союзом для минимизирования вероятности неправильного истолкования ядерного инцидента. Делегация США обратила внимание на значительный прогресс в технологии коммуникации со времени уста-

обеспечить, чтобы индивидуумы с поведенческими проблемами или умственными отклонениями не имели доступа к ядерному оружию. Для любого доступа к оружию применяется процедура участия двух лиц. Делегация США предложила, чтобы американские и советские эксперты взаимно обсудили меры предосторожности в отношении ядерного оружия, но, как утверждает Смит, это предложение не встретило поддержки с советской стороны⁷.

Что же касается советского предложения относительно уведомления о ядерном инциденте по неосторожности, делегация США придерживалась мнения, что при случайном или несанкционированном ракетном пуске оказалась бы полезной договоренность о немедленном извещении другой стороны. В таком случае страна, в направлении которой летит ракета, первой узнала бы о таком пуске, и неизбежная задержка с уведомлением страной, из которой летит ракета, не будет ошибочно истолковываться как означающая, что такой пуск является намеренным. Другие ядерные явления, подлежащие уведомлению, должны быть ограничены только такими инцидентами, которые могут повлечь за собой риск возникновения войны. Американская сторона, пишет Смит, также видела смысл в советском предложении об уведомлении в случае обнаружения неопознанных объектов, но, по ее мнению, обмен информацией следовало ограничить такими объектами, которые представляются угрожающими, или при наличии признаков возникновения помех радарным установкам. Каждая сторона сама должна решать, какое явление представляется угрожающим или враждебным, и нотифицировать другую сторону только в том случае, если сочтет это необходимым для недопущения риска возникновения ядерной войны. Можно было, по мнению американской делегации, договориться и о заблаговременном уведомлении об определенных испытательных пусках ракет и массированных подъемах в воздух авиации, но для решения этих вопросов потребовалась бы дополнительная информация.

На завершающей стадии венского этапа переговоров в 1970 г. была образована небольшая группа из пяти человек от каждой делегации для более интенсивного обмена мнениями по вопросу о взаимных уведомлениях, однако, при общем согласии с принципиальной важностью решения этой проблемы, конкретного продвижения вперед тогда достигнуто не было. Советской стороной был представлен рабочий документ, который суммировал состоявшиеся дискуссии. Хотя оставались определенные расхождения (в частности, советская сторона высказывалась за уведомления, независимо от того, существует или нет риск возникновения ядерной войны, в то время как американская сторона была за то, чтобы уведомления делались только при вероятности такого риска), в целом следует считать, что в ходе переговоров в 1970 г. состоялся довольно обстоятельный и продуктивный обмен мнениями, который заложил основу для достижения договоренности по данному вопросу в дальнейшем.

Зимой 1970–1971 гг., как свидетельствует Смит, по распоряжению Белого дома было проведено межведомственное изучение проблемы случайного применения ядерного оружия. С этой целью в Вашингтоне была создана рабочая группа для выработки конкретной позиции. Группа рекомендовала предложить договориться о том, чтобы США и СССР немедленно уведомляли друг друга в случае несанкционированного пуска ракет или случайного инцидента, связанного с ядерным оружием; осуществляли взаимный обмен информацией в случае обнаружения неопознанных объектов системами предупреждения о нападении или признаках помех этим системам или соответствующим средствам связи; заблаговременно уведомляли о запланированных пусках ракет и подъемах в воздух стратегической авиации. При этом каждая сторона сама будет решать, какие явления могут усилить опасность возникновения непредумышленной войны, и на этом основании потребовать уведомления или обмена информацией.

Главный вывод рабочей группы состоял в том, что «заинтересованность Соединенных Штатов в недопущении неправильного обращения (misuse) с ядерным оружием является аксиоматичной»⁸. При этом группа пришла к заключению, что американская делегация должна продолжать обсуждать проблему случайной войны параллельно с другими вопросами ОСВ, т.е. предлагался как бы «средний путь» между полным интегрированием данной проблемы с ОСВ и ее решением в рамках отдельного соглашения. Президент

Мне приходилось заниматься проблемой ПРО еще в 1965–1966 гг., и вот при каких обстоятельствах. Мой непосредственный шеф – заведующий Отделом международных организаций МИД К.В. Новиков одним из первых в МИД всерьез заинтересовался проблемой ПРО, сознавая, что практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже ограниченную систему противоракетной обороны, а попытки развернуть ее могут только подтолкнуть ядерные державы к новому витку накопления наступательных стратегических вооружений для преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы начиналось строительство района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили «Галошей». Позиция советского руководства была до наивности простой: оборона – благо, нападение – зло, исходя из постулата, что главное – это защитить столицу, советское руководство. А в США в это время уже создавались ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), которые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и к тому же бесперспективные затраты. США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны *Safeguard*.

Еще с 1964 г. влиятельные представители администрации США начали предпринимать «подходы» к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО или об ограничении ее развертывания. Очевидно, первым таким обращением была беседа У. Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению и близкого друга министра обороны Р. Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.¹². В Москву поступали сообщения о соответствующих обращениях к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, к видным советским ученым и к другим представителям соответствующих организаций.

К.В. Новиков дал мне поручение тщательно собирать все сообщения о такого рода предложениях, и со временем у меня образовалась «критическая масса» таких обращений со стороны американцев к нашим представителям. В конце 1965 – начале 1966 г. К.В. Новиков, уходя в отпуск, дал мне указание при удобном случае доложить вопрос министру иностранных дел А.А. Громыко и просить его внести в Политбюро ЦК КПСС предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всем этом деле и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, мгновенно уловив суть проблемы, дал указание подготовить порученческую записку в ЦК, которую я и принес ему чуть ли не на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро вычеркнул своим постоянно тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (т.е. постановление ЦК не должно было устанавливать срока выполнения поручения) и сказал: быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу.

А потом началась катавасия. Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой «вертушке») председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов ПРО академик А.Н. Щукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, пользуясь тем, что между нами была большая разница в возрасте: как же можно запрещать оборону?

Но 18 марта 1966 г. А.Ф. Добрынину все же пошло указание провести первый зондаж о возможности договоренности в *одном пакете* об ограничении ПРО вкупе с ограничением наступательных стратегических вооружений. Он встретился с У. Фостером, но тот реагировал на пакетный подход без какого-либо энтузиазма¹³.

Советское руководство продолжало выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном и министром обороны Р. Макнамарой в Глассборо (шт. Нью-Джерси) в июне 1967 г.

«Каждая сторона обязуется действовать во всех других ситуациях, связанных с ядерным оружием, таким образом, чтобы уменьшить возможность того, чтобы ее действия были неправильно интерпретированы другой стороной. Каждая сторона может информировать другую сторону или обращаться к ней с запросом, когда, по ее мнению, это диктуется интересами предупреждения опасности возникновения ядерной войны».

Мы поясняли это предложение необходимостью предусмотреть предоставление информации как в обязательном порядке в случаях, прописанных в соглашении, так и на добровольной основе, когда любая сторона может по желанию предложить обменяться соответствующей информацией.

В качестве ответного шага американская сторона предложила следующий текст:

«В других ситуациях, относящихся к возможности случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, каждая сторона может предоставить соответствующую информацию другой стороне, когда, по ее мнению, предоставление такой информации диктуется интересами выполнения целей настоящего соглашения».

Однако советская сторона сочла подобное обязательство слишком узким, согласившись в то же время с тем, что любое обязательство должно быть ограничено целями выполнения соглашения.

Советская сторона высказалась также за то, чтобы соглашение было открыто для присоединения к нему других ядерных держав, однако американцы с этим не согласились, сославшись на то, что другие ядерные державы не участвуют в переговорах по выработке соглашения о мерах.

В рабочей группе, а затем и на уровне глав делегаций состоялась оживленная дискуссия в отношении того, стоит ли включать в соглашение формулу об уведомлении относительно «возможного» или уже состоявшегося ядерного взрыва. Советская сторона настаивала на включении слов «возможный взрыв», поясняя, что если говорить о состоявшемся взрыве, то тем самым будет ослаблено обязательство сторон о принятии мер организационного и технического порядка в интересах предотвращения случайного или несанкционированного применения ядерного оружия. Соглашение, подчеркивали мы, должно исходить из того, что никакого ядерного взрыва не должно быть допущено, и именно в этом состоит весь смысл заключаемого соглашения. Если же уведомлять о взрыве, то тем самым соглашение в какой-то мере как бы легализовало возможность или даже вероятность взрыва. В конце концов американская сторона согласилась на формулу об уведомлениях относительно «возможного взрыва».

На заключительном пленарном заседании венского раунда переговоров по ОСВ на основе *ad referendum* (т.е. договоренность еще должна быть доложена правительствам) был представлен *совместный* советско-американский проект документа о мерах по уменьшению опасности ядерной войны. Таким образом, уже в мае 1971 г. был достигнут существенный прогресс в направлении подготовки соглашения о мерах.

Параллельно разрабатывалось еще одно соглашение, тесно связанное с первым, – Соглашение о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США. Мне было поручено курировать работу специально созданной совместной технической группы, в которую входили соответствующие специалисты обеих стран. Советскую часть группы возглавлял В.П. Минашин, а американскую – Кл. Мэй. Это соглашение должно было стать развитием прежней договоренности о прямой связи – Меморандума, заключенного между двумя державами в июне 1963 г. Необходимость в прямой связи между руководством двух держав была продиктована потребностью обеспечения незамедлительного контакта в случае возникновения какого-либо нежелательного инцидента, связанного с ядерным оружием. Меморандум 1963 г. был подписан после Карибского кризиса октября 1962 г., когда мир был на волоске от ядерной войны и стороны обменивались посланиями с целью скорейшего разрешения кризиса буквально прямым текстом по радио, особенно на заключительном, самом критическом этапе переговоров между главами обеих стран. Но тогда, в договоренности 1963 г., предусматривалось использование

телеграфных и радиотелеграфных каналов. Теперь же, в 1971 г., было решено задействовать более современные каналы прямой связи – спутниковые.

Когда в июле 1971 г. переговоры возобновились в Хельсинки, главная проблема состояла в том, станет ли уже в основном готовый текст документа о мерах по уменьшению опасности ядерной войны частью общего соглашения об ОСВ или это будет отдельное соглашение о мерах, на чем советская сторона упорно настаивала. Первоначально предполагалось, что договоренности по ОСВ-1 (Договор по ПРО, Временное соглашение о некоторых мерах в отношении наступательных вооружений, соответствующие документы о мерах и о линии прямой связи) будут завершены примерно в одно время и подписаны на высшем уровне. Но Советский Союз стремился побыстрее юридически закрепить статус взаимного стратегического баланса, и именно по настоянию советской стороны было в конце концов согласовано, что два указанных соглашения будут подписаны раньше – как только они будут выработаны. Договоренность об этом была достигнута 27 июля по конфиденциальному каналу Добрынин–Киссинджер. Это было определенной уступкой со стороны администрации Никсона, «жестом доброй воли», как ее охарактеризовал советский посол¹⁵: ведь до согласованных решений по главным вопросам переговоров – ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений – оставался без малого год.

После достижения этой договоренности в Хельсинки в июле-августе 1971 г. состоялось еще шесть заседаний рабочей группы по мерам для окончательной доработки соглашения, и к середине августа оно было полностью готово. В последний момент мы еще раз «закинули удочку» относительно возможности присоединения к соглашению других ядерных держав, но опять безуспешно, и мы не стали на этом настаивать¹⁶. 20 августа на пленарном заседании переговоров соглашение о мерах было парафировано В.С. Семеновым и Дж. Смитом. Соглашение о линии прямой связи было парафировано немного позднее – в сентябре.

Оба соглашения – о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны и об усовершенствовании линии прямой связи были подписаны в Вашингтоне 30 сентября 1971 г. министром иностранных дел СССР А.А. Громыко и госсекретарем США У. Роджерсом. Соглашения вступили в силу со дня их подписания.

Однако еще один важный аспект общей проблемы уменьшения опасности возникновения ядерной войны – вопрос о возможном применении ядерного оружия третьей стороной – вызвал большие разногласия и так и не был решен. Проблема «третьей страны» оказалась весьма «крепким орешком». Речь шла о том, как поступить в том случае, если бы на одну из сторон было совершено нападение с применением ядерного оружия какой-либо другой ядерной державой (например, с атомной подводной лодки) с целью спровоцировать ядерную войну между СССР и США, и как предотвратить нежелательное развитие событий. Советская делегация недвусмысленно поставила этот вопрос еще в самом начале переговоров по ОСВ. В.С. Семенов неоднократно затрагивал эту тему перед Дж. Смитом и в ходе дальнейших переговоров. Вопрос, поставленный советской стороной, безусловно, заслуживал рассмотрения и решения, хотя и содержал довольно деликатные политические «обертоны».

Как писал Гартхоф, советское предложение было расценено американской стороной как попытка установления некоего рода двухстороннего «кондоминиума», что затрагивало бы отношения США с их союзниками – Великобританией и Францией, но прежде всего, с Китаем. «Явным фокусом» советского внимания, считает Гартхоф, был Китай, с которым Соединенные Штаты «тайно находились на предварительных этапах сближения». Примерно в том же духе высказался в своих мемуарах и Киссинджер: «Нам пришлось бы (в случае достижения договоренности. – *Р.Т.*) сотрудничать с Советским Союзом против двух союзников – Соединенного Королевства и Франции – и против Китайской Народной Республики, с которой уже тогда мы стремились установить контакт»¹⁷. Но в то же время, признает Гартхоф, этот вопрос вызывал «законную озабоченность у советской стороны (а возможно, и у американской) и имел прямое отношение к проходившим переговорам»¹⁸.

Как позже писал в своих воспоминаниях о переговорах по ОСВ-1 глава американской делегации Дж. Смит, Китай на заседаниях никогда не упоминался, «но часто казалось, что он как призрак присутствует за столом переговоров»¹⁹.

Вот как В.С. Семенов вспоминал в своих мемуарах о переговорах по проблеме возможного применения ядерного оружия третьей стороной:

«Иногда наши переговоры оказывали влияние и на высокую государственную политику. В директивах советской делегации это неожиданное влияние сказалось, к примеру, в 1971 г. Мы получили поручение выяснить позицию США относительно возможных совместных действий обеих держав в случае нападения с использованием ядерного оружия со стороны ядерной державы (Китая). Будучи дипломатом, я знал, что к переговорам по таким вопросам высокой политики необходимо относиться с терпением. По сей причине я разделил всю операцию на три этапа. Первым делом в разговоре со Смитом я обрисовал данную проблему в общих чертах. Он сильно удивился и тут же проинформировал свое руководство, в чем я не сомневался.

Спустя несколько дней я изложил суть поставленного нами вопроса чуть подробнее. Для этого я выбрал перерыв между двумя актами оперы, на которой мы были в Вене. Я заметил, как Смит подозвал к себе исполнительного секретаря своей делегации Гартхофа, чтобы тот немедленно доложил содержание этого разговора в Вашингтон.

Затем на пленарном заседании делегации я подробно представил нашу позицию и передал Смит лично ее письменное изложение на русском языке, а также неофициальный перевод на английский.

Я посчитал необходимым предоставить американской стороне некоторое время для выяснения ее позиции в Хельсинки и Вене и тем самым немного умерить пыл дискуссии. Однако не чужда была нам и твердая позиция: мы успешно завышали цену на нашу «Галошу» и достаточно агрессивно выступали на пленарных заседаниях. Смит, человек с высоким умом и развитым чувством юмора, однажды после одного из воинственных выступлений нашей делегации обратился ко мне с такими словами: «Мне ясно, что вы, в первую очередь, обращаетесь к вашим военным. Они должны знать, что вы и мускулами можете поиграть»²⁰.

Но американская сторона отклонила наши усилия достичь хоть какой-то договоренности по проблеме «третьей страны». Как пишет Гартхоф, в июле 1971 г. Киссинджер сообщил по конфиденциальному каналу Добрынину, что предложение Семенова является «неприемлемым»²¹, а потом оно и официально было отклонено делегацией США на переговорах. Нам стало ясно, что настаивать на решении этой проблемы бесполезно.

Итак, заключенное в сентябре 1971 г. Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США было первым из серии соглашений по ОСВ-1.

По соглашению стороны обязались:

- продолжать осуществлять и совершенствовать организационные и технические меры, с тем чтобы предотвратить несанкционированное применение ядерного оружия;
- немедленно уведомлять друг друга в случае несанкционированного, случайного или иного необъясненного инцидента, связанного с возможным взрывом ядерного оружия, который мог бы создавать опасность возникновения ядерной войны;
- немедленно уведомлять друг друга при обнаружении неопознанных объектов системами предупреждения о ракетном нападении или при появлении помех этим системам или соответствующим средствам связи, если такие явления могли бы создать опасность возникновения ядерной войны между двумя странами;
- заблаговременно уведомлять другую сторону о запланированных пусках ракет, если такие пуски производятся за пределы ее национальной территории в направлении другой стороны;

- в других ситуациях, связанных с необъясненными ядерными инцидентами, поступать таким образом, чтобы уменьшить возможность неправильного истолкования ее действий другой стороной. В любых таких ситуациях каждая сторона может информировать другую сторону или обращаться к ней с запросом, когда, по ее мнению, это диктуется интересами предупреждения опасности возникновения ядерной войны.

Соглашение о мерах, как и соглашение о линии прямой связи, получило высокую оценку с обеих сторон. Дж. Смит писал в своих воспоминаниях:

Оба соглашения «послужили достижению нескольких целей немалого значения. Они дали полезный психологический толчок. Они олицетворяли прогресс на том периоде переговоров, которые в других отношениях развивались вяло. Заключение этих соглашений показало как скептикам, так и участникам переговоров, что ОСВ может произвести на свет нечто полезное. ...

[С]оглашение о мерах является важным и по своим собственным заслугам. Оно устанавливает международно-правовые обязательства прилагать все возможные усилия для предотвращения ядерной войны в результате случайности или неправильного истолкования других ядерных инцидентов. Установление согласованных норм поведения и связи создает полезную основу для уменьшения риска»²².

Первый историограф переговоров по ОСВ Дж. Ньюхаус писал в 1973 г., что, как показал московский саммит в мае 1972 г. (когда были подписаны соглашения по ПРО и стратегическим наступательным вооружениям), «обе стороны были гораздо ближе друг к другу в сентябре 1971 г., чем они сами это сознавали»²³.

А.А. Громыко заявил при подписании обоих соглашений в Вашингтоне, что «это шаги, ведущие в правильном направлении, поскольку они служат ослаблению международной напряженности и уменьшению опасности возникновения ядерной войны»²⁴.

Важнейшим результатом достигнутой договоренности, ее центральной идеей явилось признание и юридическое закрепление стратегического баланса между Советским Союзом и Соединенными Штатами, что открыло путь к дальнейшим соглашениям по ограничению и сокращению стратегических вооружений обеих держав.

Примечания

¹ Savel'yev Aleksandr, and Detinov Nikolay. *The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union*. Westport, CT, and L.: Praeger, 1995. P. 2.

² Kissinger Henry. *White House Years*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 537.

³ Garthoff Raymond. *Detente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1985. P. 16.

⁴ Следует напомнить, что проблема случайного или внезапного применения ядерного оружия и раньше, еще до появления и развертывания МБР и БРПЛ, вызывала озабоченность у Советского Союза, и на вполне законных основаниях. В тот период эта обеспокоенность проистекала из того, что США осуществляли, как говорилось в Декларации Советского правительства от 28 ноября 1958 г., «круглосуточные полеты самолетов [...] с грузом атомных и водородных бомб за тысячи километров от собственных границ США». В Женеве в ноябре-декабре 1958 г. состоялось совещание экспертов по вопросу о мерах по предотвращению внезапного нападения, которое, однако, окончилось безрезультатно. – Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том II (1957–1958 гг.). М.: МИД СССР, 1961. С. 783–794, 806–811, 820–834.

⁵ Smith Gerard. *Doubletalk. The Story of the First Strategic Arms Limitation Talks*. Garden City, NY: Doubleday & Company, Inc, 1980. P. 283.

⁶ Ibid. P. 284–285.

⁷ Ibid. P. 285.

⁸ Ibid. P. 281.

⁹ Ibid. P. 288.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Современные проблемы разоружения. ИМЭМО АН СССР. М.: Мысль, 1970. Ванеев В.И. Глава 9. Угроза случайного возникновения войны и пути его предупреждения. С. 198–225.

¹² Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

¹³ Ibid. P. 150–151.

¹⁴ Из личного архива внука академика Миллионщикова М.А. Лебедева, ответственного секретаря Российского Пагуошского комитета, которому выражается глубокая признательность за предоставленный материал. Перевод выполнен Лебедевым. В исследовательской группе участвовали с советской стороны Г.А. Арбатов, А.М. Прохоров, А.П. Виноградов, В.С. Емельянов, Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примаков, с американской — Ф. Лонг, В. Пановски, Дж. Радженс, Дж. Руина, С. Вэнс и др.

¹⁵ Dobrynin. P. 228.

¹⁶ Однако в июле 1976 г. аналогичная договоренность о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия была достигнута между Советским Союзом и Францией путем обмена письмами идентичного характера между А.А. Громыко и министром иностранных дел Франции Ж. Сованьяром. – Сборник основных документов по вопросу о разоружении. Том XVIII (1976 г.). М.: МИД СССР, 1981. С. 345–346.

¹⁷ Kissinger. P. 548. Тут следует заметить, что в середине июля 1971 г. состоялась поездка Генри Киссинджера в КНР.

¹⁸ Garthof. P. 177.

¹⁹ Smith. P. 96.

²⁰ Semjonow Wladimir. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939–1991. Berlin: Nikolai, 1995. S. 351–352. Перевод Алисы Лайта.

²¹ Garthoff. P. 179.

²² Smith. P. 297.

²³ Newhouse John. Cold Dawn. The Story of SALT. N.Y., Chicago, San Fransisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 232.

²⁴ *Правда*. 1971, 1 октября.

James Mann. Rise of the Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. Viking, N.Y., 2004. 425 pp.

Рецензия – Геннадий Евстафьев

Известный американский журналист Дж. Манн, много лет проработавший в одной из ведущих газет США *Los Angeles Times*, а ныне влиятельный научный сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в конце 2004 г. выпустил очередную хорошо аргументированную и прекрасно написанную книгу, показывающую закулисные аспекты формирования правящих элит Америки, процессов выработки ими принципиальных подходов к определению роли США в современном мире и практическому осуществлению внешнеполитических целей. Книга Манна вызвала в США большой отклик. Подчеркивались глубина политического анализа, новизна материала – результат беспрецедентного доступа к основным действующим персонажам книги и блестящий стиль изложения.

Главная привлекательность книги, на наш взгляд, заключается еще и в том, что она написана об активно действующих политических деятелях, продолжающих оказывать мощное влияние на развитие международной обстановки. Манн достаточно полно и убедительно раскрывает подспудные пружины политических процессов, происходящих в Вашингтоне, и дает достаточно убедительный ответ на часто задаваемый вопрос: откуда взялась внешняя политика Дж. Буша-мл., который, как известно, накануне своего прихода во власть был новичком во внешнеполитических делах и даже путал Движение «Талибан» с названием джазового оркестра.

Теперь самое время пояснить несколько интригующее название книги Манна. Во время первой избирательной кампании на пост президента США Дж. Буша-мл. его советники по внешнеполитическим вопросам нарекли свою группу «Вулканы» – в честь древнеримского бога огня. Сначала это выглядело как шутка, но прозвище прочно пристало и даже употребляется публично. По-видимому, это произошло по той причине, что такое прозвище в полной мере отражает тот дух, который внешнеполитическая группа намеренно и целенаправленно старалась довести до окружающего мира. И, забегаая вперед, надо сказать, преуспела в этом. Дух этот характеризуется выражением силы, жестких подходов, способности, несмотря на любые препятствия, идти к поставленной цели, да еще долгожительству на политическом олимпе. После победы Буша-мл. на выборах эти деятели вошли на правах первых лиц в его администрацию. Нет сомнения, что «вулканы» были должным образом подготовлены для высших государственных постов, что логично вытекало из всей их предыдущей деятельности.

Все «вулканы», естественно, республиканцы, хотя и с разной степенью приверженности к *Grand Old Party (GOP)*. А за последние 35 лет республиканцы более 24 лет находятся у власти, а значит, и формируют главные звенья госаппарата США. Такая ситуация открывала намного больше возможностей для работы в правительстве и приобретения разностороннего опыта внешнеполитической и государственной деятельности, чем было у сторонников демократической партии. К примеру, опорный игрок команды Буша-мл. Д. Рамсфелд впервые вошел в высшие структуры власти США более 35 лет назад, еще в

давно прошедшие времена президента Никсона. Нет сомнения, что, кроме огромного опыта, гигантского количества связей в правящих элитах США и личного участия в разработке внешнеполитической и военной стратегии страны, им восприняты и стали частью собственного «я» и многие сомнительные аспекты американских политических традиций. Именно в 1975 г. Рамсфелд впервые бросил вызов самому Г. Киссинджеру и его политике разрядки напряженности и ведения переговоров по контролю над вооружениями с Советским Союзом. Это противостояние продолжалось с нарастающей силой, и все время на стороне Рамсфелда стойко стоял будущий вице-президент Д. Чейни, долгое время работавший помощником первого. К нему быстро примкнули К. Райс, П. Волфовитц и ряд других представителей право-консервативного крыла республиканской партии. Они достаточно быстро победили самого «великого и ужасного» Киссинджера.

Как пишет Дж. Манн, у «вулканов» кроме общей истории образовалась еще и «коллективная память». Сохраняемые в недолгие периоды выпадения из власти в результате имевших место поражений республиканцев на выборах прочные отношения между собой и честолюбивые намерения рано или поздно взять реванш и вернуться (что и имело место) к власти, поддерживавшиеся старшим поколением (Буш-ст., Бр. Скаукрофт и др.), в определенной мере сцементировали и закалили эту инициативную и напористую группу людей и подготовили их к выдвижению в нужное время таких инициатив, которые убедили бы спонсоров республиканской партии в том, что если им дать лидера с именем (пусть даже и не гиганта мысли), то дело республиканцев может победить.

Главных «вулканов», по определению Дж. Манна, было изначально шестеро – Д. Рамсфелд, Д. Чейни, К. Пауэлл, П. Волфовитц, Р. Армitedж и К. Райс. Были и другие люди, но эта группа возглавляла политические и идеологические поиски американских консерваторов-республиканцев.

Дж. Манн обращает наше внимание на то обстоятельство, что в той или иной степени все шестеро «вулканов» были длительное время связаны с военным ведомством США, т.е. с Пентагоном. Д. Рамсфелд поддерживает неразрывные связи с Пентагоном уже десятки лет – и тогда, когда республиканцы находились у власти, и тогда, когда у власти были демократы, возглавляя, например, в 1990-е гг. важную сенатскую комиссию по проблемам стратегических ракетно-ядерных вооружений.

Кстати, П. Волфовитц в свое время работал главным помощником министра обороны Д. Чейни в администрации Буша-ст., а потом и в комиссии Рамсфелда по ракетам. Нет ничего удивительного в том, что в администрации Буша-мл. Волфовитц стал первым заместителем министра обороны – основным идеологом военного строительства на новом этапе, когда показалось, что военной мощи США нет предела. Благодаря Волфовитцу в администрации Буша-мл. появились «вулканчики» и более скромного масштаба – З. Халилзад, Дж. Болтон, Дж. Рош и другие. Вообще, Волфовитц служит своего рода «мостом» между республиканской администрацией и консервативно мыслящими академическими кругами, играющими в условиях США очень важную интеллектуальную роль. Именно он выискивал в академических кругах подающих надежды молодых ученых консервативного толка для разработки деталей будущих подходов, т.е. тех подходов, которые реализуются и сейчас. Так в республиканских рядах появились и Фукияма, и Киис, и Либби и т.д.

Генерал К. Пауэлл – вообще военный человек по образованию и роду деятельности до ухода в отставку с военной службы, как, впрочем, и Р. Армitedж – тоже кадровый военный и близкий соратник генерала. Оба – участники боевых действий во Вьетнаме, что выделяло их среди «вулканов». Даже К. Райс в 1983–1984 гг. в течение года работала на Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ), занимаясь ядерным стратегическим планированием, а на протяжении своей работы в аппарате Совета по национальной безопасности во время президентства Буша-ст. находилась в тесном контакте с Пентагоном, когда координировала политику США в отношении Советского Союза. Пентагоновские корни наложили особый отпечаток на менталитет и образ действий «вулканов» и их ближайших помощников, что отчетливо проявилось, когда «вулканы», находясь во власти, столкнулись со своими внешнеполитическими кризисами, прежде всего с атаккой международного терроризма на башни Международного торгового центра.

И, наконец, вице-президент США Д. Чейни, которого ранее, чтобы уязвить его самолюбие, некоторые называли «привратником» у дверей кабинета Рамсфелда, а секретная служба (охрана) дала ему псевдоним «backseat», т.е. сидящий на заднем сиденье, вдали от руля. Но те времена давно прошли, и теперь новоявленный «серый кардинал» нынешней администрации в качестве второго человека в стране все так же, внешне достаточно незаметно, но железной хваткой, несомненно, персонально определяет многие решения администрации Буша-мл. Не зря в бытность его руководителем аппарата Белого дома при президенте Форде его окрестили «новый великий тевтонец» – в подражание его предшественнику при президенте Никсоне Р. Холдману, который угодил в знаменитый *Уотергейт*. Не стоит уж и говорить о том, что связи с крупнейшими корпорациями бывший вице-президент пресловутой *Halliburton* имеет самые широкие и их интересы защищает надежно, особенно на Ближнем Востоке.

Дж. Манн приводит интересное высказывание известного американского генерала Шварцкопфа о менталитете Д. Чейни: «Поставьте гражданского над профессиональными военными, и очень скоро он уже не будет удовлетворяться выработкой политических установок – он попытается «перегенералить самих генералов»». Это было сказано относительно попытки Чейни и Волфовитца в 1991 г. выступить с альтернативным планом ведения войны против Ирака.

В этом строю ярких персонажей, по мнению Манна, роль Дж. Буша-мл. выглядит вспомогательной, хотя он по определению и является арбитром при возникновении неизбежных разногласий между «вулканами».

Растиражированное представление о том, что эта республиканская администрация не являлась единой и монолитной еще до нападения на Ирак, автором книги ставится под большое сомнение. Провести грань между так называемыми «голубыми» – К. Пауэллом и Р. Армитеджем и «ястребами» – Д. Рамсфелдом, П. Волфовитцем и Д. Чейни, по его мнению, весьма трудно. Те же Пауэлл и Армитедж были самыми верными помощниками и последователями К. Уэйнбергера – «самого ястребиного члена кабинета (шеф Пентагона) в самой ястребиной администрации (Рейгана) в Вашингтоне за последние 50 лет». Известно, что К. Пауэлл проявил себя как боевой офицер во Вьетнаме и спас жизнь своему генералу. Но далеко не в его пользу говорит тот факт, что, будучи штабным офицером «Американ дивизии», в зоне ответственности которой произошло массовое убийство ротой лейтенанта Колли мирных вьетнамских жителей, он спустил на тормозах предварительное расследование этого дела.

Дж. Манн, безусловно, симпатизирует «вулканам», естественно, каждому из них в разной степени. Выбранная им необычная форма и структура повествования – это биографическое исследование на фоне переломных событий, происходивших в мире и США, факторов реальной жизни, оказавших формирующее влияние на взгляды, действия и карьеры этой «шестерки» и примыкавших к ним деятелей второго и третьего плана. Автор книги проделал огромную работу, изучив все, что каждый из «вулканов» делал в период вьетнамской войны, на разных этапах практически перманентного кризиса в Персидском заливе в последние 20 лет, в период афганской войны, их взгляды на отношения с СССР, Китаем и на проблемы европейской безопасности и т.п. В этом плане любопытные страницы посвящены встречам Д. Рамсфелда с ныне свергнутым американцами С. Хусейном, событиям с участием «вулканов» в свержении президента Маркоса на Филиппинах и Норьеги в Панаме и многое другое.

В этих описаниях большинство политологов найдут новые для себя моменты, связанные, видимо, с тем, что автор имел возможность получить сведения из первых рук. Для того чтобы показать беспринципность и конъюнктурность их подходов, достаточно отметить, что в 1983–1984 гг. Рамсфелд не считал, что использование С. Хусейном химического оружия против Ирана является чем-то таким, что может препятствовать восстановлению дипотношений с Багдадом. Тогда стратегические отношения с Хусейном строились на антииранской основе.

Читателям «Ядерного Контроля» будет интересно узнать, что тот же Волфовитц в свое время писал в докторской диссертации: «Израильское ядерное оружие подтолкнет ара-

бов к отчаянной попытке заполучить ядерное оружие [...]. Фундаментальным вопросом является то обстоятельство, что любое израильское ядерное оружие [...] будет уязвимо даже для атаки с помощью обычных вооружений». Он выступал против обладания Тель-Авивом ядерным оружием. Сейчас он предпочитает не вспоминать про «ошибки молодости» и грозит арабам.

Особое место в процессе своего исследования Дж. Манн уделяет таким событиям, как формирование американского ответа на террористический акт 11 сентября 2001 г. и последовавшие американские войны в Афганистане и Ираке, ставшие во многом апофеозом реализации предыдущих планов и решений, которые явились прямым результатом концептуального вывода о том, что настало время, когда никто и ничто не сможет бросить вызов Америке, нацелившейся через военное превосходство обеспечить себе в XXI веке глобальное превосходство на длительный период.

Перейдем снова к мировым ожиданиям, связанным с возвращением республиканской партии к власти в США в 2001 г. Предсказания о преемственности не оправдались. Дж. Манн пишет: «С самых первых месяцев у власти новая команда Буша по внешней политике дала понять, что она будет вести дела с остальным миром по-новому. Стиль ее поведения с первых шагов отличался от того, которого придерживались при первой администрации Буша (т.е. при Буше-отце. – Прим. Г.Е.). В первые девять месяцев 2001 г. новая администрация заняла более конфронтационные подходы к Северной Корее и Китаю. Она стала быстро продвигать планы по реализации программы стратегической системы противоракетной обороны, несмотря на сдержанное отношение европейских союзников. Она проявила откровенный скептицизм относительно ценности многих международных соглашений и договоров, утверждая, что они не в интересах Америки». (Автор данной рецензии в те годы работал в составе российской делегации при Совете Россия – НАТО и был свидетелем откровенно насмешливого отношения даже самых стойких американских союзников к новой американской линии и откровенно пренебрежительной оценки ими интеллектуальных способностей как самого президента США, так и многих членов его кабинета. Свою лепту в такое отношение вносили и остававшиеся еще в госдепартаменте сторонники демократов.)

Дальше – больше. Отличный от прежних республиканских администраций подход в сфере внешней политики в еще большей степени проявился после атаки международных террористов на башни Международного торгового центра 11 сентября 2001 г. В течение 2002 г. «вулканы» выбросили на дипломатический «рынок» целую серию заранее подготовленных новых доктрин и идей, которые говорили об отчетливом разрыве с политикой и стратегией США прошлых лет, с концепциями Г. Киссинджера о детанте, разоружении и взаимоотношениях с Россией и т.п. В американской внешней политике после Второй мировой войны превалировал принцип «внешняя политика в своих основных параметрах является фактически двухпартийной политикой», и даже непрерывные усилия в 1980–1990-е гг. таких «гигантов американской теоретической мысли», как, например, небезызвестный Р. Перл, конкурент и единомышленник Волфовитца, не смогли разрушить этот постулат. Теперь на какое-то время он был поколеблен.

По существу, в 2002 г. администрация Буша заявила остальному миру, что она больше не собирается придерживаться политики сдерживания и разрядки, которая была аксиомой во времена «холодной войны». Вместо этого США будут готовы дестабилизировать международную ситуацию в любой момент по своему выбору и начать войну путем упреждающей (preemptive) атаки. И конкретные действия не заставили себя долго ждать. «Война с мировым терроризмом» (теперь это принято называть «доктриной Буша») и война в Афганистане, официально провозглашенное намерение всеми силами и средствами бороться с «осью зла», в которую были включены КНДР, Иран и Ирак, нападение на Ирак в поисках уже несуществующего там ОМУ, быстро перешедшее в свержение диктатора С. Хусейна, создание для решения своих задач не юридически оформленных коалиций под предводительством Вашингтона, а так называемых «coalitions of willing», упорные попытки внести принципиальные изменения в ядерную стратегию, в частности отменить поправку Спраттли–Фурсе, организация геостратегического прорыва в постсоветскую Центральную Азию и т.д. Более того, было объявлено о намерении Вашинг-

тона форсировать «демократизацию расширенного Ближнего и Среднего Востока». Естественно, мир ахнул. Но на самом деле «вулканы» шли к такому повороту более 10 лет, еще со времен администрации Буша-ст., однако тогда им не дали вовремя развернуться, а потом последовало поражение на выборах.

Дж. Манн пишет, что «это была эпохальная смена, обрамление нового видения статуса и роли США в мире». Военная сила США настолько устрашающа, что им более нет необходимости достигать компромиссов или взаимных договоренностей с любой другой страной или группой стран. Надо сказать, что неожиданностью такой подход стал только для тех, кто забыл о том, что еще в 1990 г. тогдашний министр обороны США Д. Чейни выпустил документ *Defence Policy Planning Guidance*, в котором в контексте доктрины «контр-распространения» уже была заложена опция упреждающего удара по еще, говоря военным языком, неразвернутому противнику. В начале 1998 г. группа неоконсерваторов, объединившихся вокруг проекта «Новый американский век», направила открытое письмо президенту Клинтону, призвав его свергнуть президента Ирака С. Хусейна. Письмо было подписано 18 известными деятелями республиканской партии и твердо следовало аргументу Волфовитца о том, что политика сдерживания не работает. Письмо было подписано Д. Рамсфелдом, Р. Армидеджем (это к вопросу о «голубях»), самим Волфовитцем, П. Добрянски, Дж. Болтоном, Р. Золликом, Ст. Хедли и другими, кто впоследствии вошел в администрацию Буша-мл. Таким образом, то, что имело место в 2002 г., фактически явилось кульминацией тех идей и мечтаний, которые постепенно вырабатывались в республиканских администрациях на протяжении последних 30 лет. Вместе с тем автор книги отмечает, что во время избирательной кампании 2000 г. Буш-мл. и его «вулканы» не акцентировали внимание на угрозе терроризма в Ираке, а это говорит о том, что тогда указанные проблемы не стояли в первых строках списка приоритетов.

Дж. Манн с большим знанием дела и тонким психологическим анализом и знанием культурных деталей описывает взаимоотношения между самими «вулканами» в процессе выработки внешнеполитических позиций, поясняет суть возникавших при этом разногласий и делает вывод о том, что споры не носили непримиримого характера, фактически были тактическими нюансами и, как правило, вызывались межличностной конкуренцией за влияние на президента.

Очень интересно выглядит в книге Дж. Манна глава 9, называемая *In the Midst of Armageddon*. Это история сверхсекретного проекта «вулканов» еще в период второго срока президентства Рейгана – *Continuity of Government Program*, т.е. о деятельности правительства на случай ядерной войны с Советским Союзом или другого крупнейшего чрезвычайного происшествия. То, что было начато и отработано в те годы, – а Чейни и Рамсфелд многократно участвовали в тренировках по этой программе даже при демократах, – на практике было применено 11 сентября 2001 г., немедленно после террористического акта в Нью-Йорке, когда все руководство страны было срочно эвакуировано в секретные бункеры, построенные еще во времена президента Эйзенхауэра. Тем, кто занимается проблемами организации правительственной деятельности в так называемый мобилизационный период, есть что почитать.

Многое можно почерпнуть из книги Дж. Манна и об эволюции подходов ближайшего окружения Буша-мл. в отношении сначала Советского Союза и затем России и постсоветского пространства. Хорошим примером служит здесь К. Райс, которая вообще-то начинала как сторонница Демократической партии США, а затем ушла к республиканцам в знак протеста против «мягкотелого» подхода тогдашнего президента Дж. Картера к отношениям с Советским Союзом. После своего ухода она сразу «прибилась» к группе Рамсфелда и в конечном итоге заняла среди будущих «вулканов» свое прочное место. Так что не стоит заблуждаться насчет того, что именно она нашептывает в ухо своему шефу, к которому имеет свободный доступ. Вот здесь прослеживается подспудная преемственность политики давно продвигавшейся, иногда и безуспешно, «вулканами», несмотря на кардинальные политические изменения, происшедшие в 1991 г. Видна некая инерция мышления. Можно себе представить, с каким трудом Дж. Бушу-мл. удастся в этих условиях поддерживать дружеские отношения с российским президентом В.В. Путиным на том уровне, на котором они находятся сейчас.

Подводя эти заметки к завершению, мне как рецензенту особо хотелось бы отметить два момента.

Первое. Дж. Манн в своем видении роли «вулканов» в формировании американской внешней и военной политики, безусловно, апологетичен. Вместе с тем книгу можно поставить в один ряд с такими выдающимися книгами американских журналистов-политологов по проблемам американской внешней политики, как *Wise Men* (это о Д. Ачесоне, Дж. Кеннане, Ав. Харримане и Дж. Макклое, которые разработали новую американскую внешнюю политику после Второй мировой войны), или *The Best and the Brightest* (о братьях Кеннеди, Р. Макнамаре, братьях Банди и других, кто вел войну во Вьетнаме в 1960-х гг. прошлого столетия). Думается, что историкам и аналитикам, военным и дипломатам есть смысл внимательно ознакомиться с этим капитальным материалом.

И второе. Столкнувшись с большими трудностями в проведении своей достаточно прямолинейной и самоуверенной внешней и военной политики и потерпев ряд чувствительных неудач, «вулканы» вынуждены лавировать и корректировать свои подходы, опровергая тем самым один из основных постулатов своих взглядов о том, что США настолько могучи, что они не нуждаются в компромиссах и взаимодействии с кем-либо. Недавно несимпатичный нам З. Бжезинский, на наш взгляд, ухватил очень точно главную проблему «вулканов» – для этого он процитировал выдающегося западного историка Арн. Тойнби: «главной причиной обрушения империй является «самоубийственное ведение государственных дел (suicidal statecraft)»».

Короче говоря, в том виде, в каком их видели ранее, «Вулканы» начинают постепенно угасать, что немедленно отразилось и на кадровом составе этой уникальной связки одновременно сотрудничавших и конкурировавших между собой единомышленников. Пауэлл, Армитедж и, наконец, Волфовитц уже не занимают руководящих постов в администрации. Кстати, о последнем Дж. Манн пишет: «Даже перевалив за 60 и посевев, Волфовитц все еще имеет менталитет подчиненного, пусть самого влиятельного в Вашингтоне, но все же подчиненного» (и это нынешний руководитель Всемирного Банка!). Рамсфелд слишком стар и уже давно лично не пилотирует бомбардировщик *B-1* (в этом отношении российские молодые лидеры имеют над ним явное преимущество) и, по некоторым данным, уже, так сказать, «на выходе», чтобы быть лидером. Чейни все глубже попадает в уотергейтского типа историю (что логично, учитывая весь предыдущий опыт данного джентльмена), а остающиеся «вулканы» и «вулканчики» еще не скоро сумеют вновь разразиться тем фонтаном идей и концепций, которые выбросила эта группа деятелей в период своего расцвета. Сейчас более актуально зализывать раны.

И еще одно размышление. 35-летнее интеллектуальное доминирование «вулканов» и «вулканчиков» в среде консервативного республиканского политического истеблишмента фактически «съело», оскопило другие поколения и политические школы мысли в этой стране американской элиты. И неизбежный уход через 2–3 года этой активной группы из власти на определенное время оставит большой пробел в рядах республиканской партии, который непросто будет заполнить. Это предвещает серьезную борьбу вокруг внешней политики этого ключевого государства мира, и России необходимо усилить отслеживание внутривнутриполитических процессов в США, особенно появление новой генерации республиканских лидеров.

WEAPONS OF MASS DESTRUCTION: AUSTRALIA'S ROLE IN FIGHTING PROLIFERATION. PRACTICAL RESPONSES TO NEW CHALLENGES. Canberra: Department of Foreign Affairs and Trade, 2005. 106+vi p.

Книга представляет собой отчет австралийского Министерства иностранных дел перед налогоплательщиками о ситуации в области нераспространения. Она дает краткое, но содержательное описание механизмов режима нераспространения, которое может быть весьма полезно в качестве справочного материала. Для специалистов-международников книга интересна не только с точки зрения того, *какие механизмы там описаны*, но и с точки зрения того, *как* они описаны. Акценты, расставленные в этой книге, показывают позиции и приоритеты Австралии в области нераспространения ОМУ. К примеру, во вступлении к этой книге о Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), перспективы вступления в силу которого весьма туманны, говорится в настоящем времени, благодаря чему у неподготовленного читателя может возникнуть иллюзия, будто это живой международный механизм, который уже сейчас препятствует вертикальному распространению. Весьма подробно, можно сказать, с большой любовью, описана Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ (ИБОР), что объяснимо, поскольку Австралия является одной из стран-основательниц ИБОР. Однако наряду с ИБОР в качестве одного из «ответов» на «современные вызовы» режиму нераспространения упомянута система противоракетной обороны.

Этот и ряд других тезисов книги спорны с российской точки зрения. О ряде проблем в книге красноречиво умалчивается. К примеру, в случае с ИБОР не говорится о неурегулированности вопросов гражданской ответственности в случае ошибочной остановки судна. Еще один пример – раздел о биологическом оружии. Говоря о проблеме распространения биологического оружия, книга лишь одной строкой, и то не прямо, упоминает масштабные биологические программы Великобритании, США и Франции, говоря, что «во время Второй мировой войны многие страны, включая страны-союзницы, имели наступательные потенциалы биологического оружия (*During the Second World War, many countries, including Allied Nations, possessed offensive biological weapons capabilities*)». Можно подумать, будто у некоторых из этих стран соответствующие потенциалы не сохранились на десятилетия после Второй мировой войны. В том же разделе лишь несколько строк отводится на описание применения биологического оружия Японией, в то же время почти целая страница посвящена описанию ситуации в Ираке и СССР, которые «лгали о своем биологическом оружии (*cheating on biological weapons*)».

Особенно трогателен пассаж на странице 26 – о том, что «за последние годы участились случаи кражи радиоактивных источников, особенно в России (*instances of theft of radioactive sources have increased considerably over recent years, especially in Russia*)». В качестве примера такого «недавнего» случая приводится история с обнаружением кон-

тейнера с цезием-137 в Измайловском парке. Можно попутно отметить, что в России в настоящее время порой имеет место обратный процесс: установка систем «Янтарь» на ряде объектов показала, что количество радиоактивных источников на этих объектах не уменьшается, а увеличивается – за счет завоза со стороны. Впрочем, отрадно, что в том же абзаце австралийской книги лица, поместившие контейнер в парке, впрямую названы «чеченскими террористами (*by Chechen terrorists*)».

Интересен ряд определений, данных в книге, к примеру, определение беспилотных летательных аппаратов (БЛА). В книге они определяются как беспилотные самолеты (*pilotless aircraft*). Крылатые ракеты выделены в отдельный раздел, это свидетельствует о том, что с точки зрения Австралии крылатые ракеты не относятся к БЛА.

В целом эта книга полезна как справочное пособие. Она спорна в ряде моментов с точки зрения российского международного права, но представляет несомненный интерес для понимания того, как в Австралии воспринимают режим нераспространения.

Александр Булычев

CHINA'S ENDEAVORS FOR ARMS CONTROL, DISARMAMENT AND NONPROLIFERATION. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, September 2005. 89 p.

В сентябре 2005 г. Китай опубликовал очередную «Белую книгу по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению», в которой представлена официальная позиция страны в этой области. В книге традиционно подтверждается приверженность Китая многосторонним действиям в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. Среди интересных моментов стоит отметить позицию Китая по Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Подчеркивается, что Китай поддерживает скорейшее вступление Договора в силу и в настоящее время «упорно работает над ратификацией Договора». Также отмечается, что Китай выступает за незамедлительное начало переговоров по заключению Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов.

Отдельная глава книги посвящена вопросам экспортного контроля в целях нераспространения. В ней приводятся подробное описание законодательства в области экспортного контроля, перечень государственных органов и механизмы функционирования системы экспортного контроля в Китае, а также рассказывается о взаимодействии государства с международными режимами экспортного контроля.

В приложениях перечислены международные договоры в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, в которых участвует Китай; законодательные акты Китая в области экспортного контроля; двухсторонние соглашения Китая по вопросам разоружения, что может быть полезно в качестве справочного материала специалистам, изучающим политику Китая в области контроля над вооружениями и нераспространения.

Надежда Логутова

КИТАЙ: УГРОЗЫ, РИСКИ, ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ. Под ред. В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. 647 с.

Авторами данной коллективной монографии, вышедшей осенью 2005 г., являются известные и авторитетные востоковеды – сотрудники Института Дальнего Востока РАН. Несмотря на абсолютную очевидность того факта, что именно КНР неизбежно будет играть важнейшую роль в системе международных отношений XXI века, до последнего времени на русском языке не существовало научной монографии, в которой были бы комплексно и системно освещены все стороны процесса развития и становления Китая в качестве геополитического центра силы.

В книге отражены все сферы и аспекты развития КНР – от вопросов экологической безопасности и проблемы самоубийств среди современной китайской молодежи до программ военного строительства и реформирования НОАК. Профессиональный анализ проведен с привлечением новейших статистических данных и на основе китайскоязычных источников. Особо необходимо отметить то, что в работе по каждому разделу дан обширный историографический обзор, позволяющий читателю ознакомиться как с мнениями политологов, придерживающихся зачастую диаметрально противоположных взглядов, так и с официальной позицией КПК и правительства КНР.

Авторы особо отмечают значимость развития КНР как фактора переустройства региональной и глобальной систем безопасности. В связи с этим последняя часть монографии посвящена прогнозам и возможным сценариям дальнейшего развития Китая, с учетом места России в будущем мироустройстве.

Сергей Понамарев

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНТРОЛЯ ДЕЛЯЩИХСЯ И РАДИОАКТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ. Владивосток: Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, 2005. 630 с.

Впервые все документы в области обеспечения и регулирования ядерной и радиационной безопасности в России представлены в одном сборнике, подготовленном и опубликованном Учебно-методическим центром Владивостокского филиала Российской таможенной академии. Первый том сборника содержит основные федеральные законы, регулирующие деятельность в области производства и использования атомной энергии, обеспечения ядерной и радиоактивной безопасности, контроль, учет и физическую безопасность ядерных материалов и радиоактивных веществ. Особое место отведено вопросам экспорта-импорта ядерных материалов и радиоактивных веществ в Российской Федерации.

Представленные в первом томе сборника законы распределены по пяти разделам, в соответствии с областью их регулирования. Каждый раздел содержит краткий комментарий составляющих его законов; перед текстом законов для удобства приводится их построчное содержание – это позволяет оптимизировать поиск необходимой информации.

Сборник предназначен в первую очередь в качестве справочного пособия специалистам таможенного контроля над делящимися и расщепляющимися материалами, но может быть полезен и специалистам атомной отрасли, а также исследователям, занимающимся вопросами атомной энергетики и экспортного контроля в России.

Надежда Логуова

СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТ В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И НА КAVKAZE. Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 344 с.

Исследование «Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе» – книга, которая имела все шансы так и не увидеть свет из-за противоречий в подходах авторов: этнологов, историков, демографов, геологов и географов. Однако именно разнообразие позиций, реализация принципа «о терминах не спорят – о них договариваются» обеспечили комплексное видение проблемы и позволили «сформулировать теоретический подход к пониманию понятия и описание феномена “новой полиэтничности”»¹.

В качестве объектов исследования были выбраны раздираемый противоречиями, перенаселенный, трудоизбыточный Северный Кавказ и «территория согласия» Сибирь, где самым дефицитным ресурсом был и остается человеческий. Однако по отношению к

формированию «новой полиэтничности» между этими регионами больше сходства, нежели отличий.

«Проблемный сборник» – так авторы определяют жанр созданной ими книги. Она включает в себя три раздела. Первый посвящен рассмотрению основных подходов к определению этнического конфликта и собственно категории этноса в отечественной и зарубежной науке (В.А. Авксентьев, М.В. Савва).

Вплоть до 80-х гг. XX века для советской науки понятия «этнос» не существовало. «Нация» же рассматривалась как «историческая категория определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма»², т. е. нечто временное и не стоящее внимания. Эксперимент по созданию *homo soveticus*, сопровождавшийся появлением произвольных границ, разделением народов, массовыми депортациями, проводился в логике столь модного сейчас конструктивизма, теоретики которого, рассматривая этнос как «воображаемое сообщество» или инструмент групповой мобилизации, «успешно» обходят вопросы устойчивости межпоколенных характеристик, этнической идентификации, исторической памяти народов. За последствия сведения всей многогранности этнического взаимодействия к конфликту отдельных личностей или групп в борьбе за власть мы расплачиваемся до сих пор.

Вторая и третья части книги – это региональные «кейсы», в основе которых – эмпирические исследования участников проекта, проведенные в регионах Сибири и Северного Кавказа по различным аспектам полиэтничности.

Во второй части представлен анализ этнодемографических процессов на Северном Кавказе в целом, а также в Ставропольском крае, как уникальном регионе, *де-юре* не являющемся приграничным, но *де-факто* имеющем все признаки формирования новой полиэтничности (С.В. Рязанцев, В.С. Белозеров, А.Н. Панин, И.А. Соловьев). Рассматриваются миграционная ситуация в Омской области и Республике Тыва (В.Г. Дацышен, В.В. Миронов), особенности трансграничного взаимодействия между россиянами и жителями Китая (Н.П. Рыжова).

Третья часть посвящена механизмам регулирования и саморегулирования полиэтничности, теории «панмонголизма» в Сибири (М.Н. Балдано), а также особенностям возникновения и развития национально-культурных обществ и организаций в регионах Северного Кавказа (М.А. Аствацатурова). Она содержит единственный на сегодняшний день обзор вклада и роли силовых структур в регулирование этнополитических конфликтов и обеспечение этнополитической безопасности на региональном уровне (В.А. Ващенко), а также анализ деятельности международных институтов на Северном Кавказе (Н.А. Коробий).

Данный научный сборник убедительно доказывает, что, говоря о формировании «новой полиэтничности» как особого приграничного сообщества, мы обсуждаем объективную реальность, явление, имеющее как положительные, так и отрицательные моменты. И требуются определенные усилия, преломление результатов научных исследований на прикладной уровень, прежде чем граница в массовом сознании станет источником не только угроз, но и возможностей; из линии размежевания превратится в линию контакта.

Анастасия Лагута

Примечания

¹ Стабильность и конфликт в российском приграничье: этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С.7.

² Сталин И.В. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1949. С. 303.

Главному редактору:

Системы противоракетной обороны, способной защитить территорию Соединенных Штатов Америки от удара российских ракет, нет и никогда не будет. Как, впрочем, никогда не будет и этого удара. Это хорошо известно каждому американскому и российскому специалисту.

Тем не менее после каждого рутинного испытания межконтинентальной ракеты в России наш Верховный главнокомандующий выступает с торжественным заявлением о «новой чудо-боеголовке, способной преодолевать любую противоракетную оборону», то есть буквально ломится со своей боеголовкой в открытую американскую дверь.

Да, Россия и США могут уничтожить друг друга. Это медицинский факт, такой же как и то, что Англия и Франция могут стереть с лица земли Париж и Лондон. Но почему-то премьер-министр Англии и президент Франции не напоминают об этом друг другу каждый божий день.

У нас же мысль о том, что США стремятся лишить Россию ее ракетно-ядерного потенциала, стала составной частью параноидального общественного внешнеполитического сознания. От ее бесконечного повторения в эту мысль, видимо, поверили уже и те, кто сознательно внедрял ее в пропагандистских целях.

Напомним еще раз всем, еще сохранившим способность логически мыслить, что США не могут стремиться к лишению России потенциала сдерживания. Во-первых, потому что это технически невозможно. Во-вторых, потому что это противоречит интересам национальной безопасности США. (См. подробнее: А. Пионтковский, В. Цигичко. *Вызовы национальной безопасности России на пороге XXI века. Военная Мысль. 2000, №1, 6.*)

Парадоксально, но американцы сами способствуют укреплению в сознании российского обывателя параноидального комплекса ядерной кастрации – посредством утратившей смысл программы финансовой помощи России в обеспечении безопасности объектов ядерного комплекса (складов хранения радиоактивных материалов, маршрутов их транспортировки и т.д.).

Программа эта (*Cooperative Threat Reduction*) была целесообразна в середине 1990-х гг., когда Россия находилась в состоянии перманентного финансового кризиса, Министерство обороны недофинансировалось и действительно была серьезная угроза хищения ядерных материалов террористами любого сорта – от северокавказских до арабских.

Но сегодня, когда лучшие финансовые умы страны ищут, на что бы потратить десятки миллиардов долларов стабилизационного фонда, ситуация с «сотрудничеством в области ядерной безопасности» становится кафкианским абсурдом для обеих стран.

Президент России время от времени, приняв горделивую позу, сообщает братьям и сестрам, друзьям своим, какую новую уникальную ракету, способную раз и навсегда уничтожить Америку, создали наши замечательные ученые и конструкторы. (Видимо, затратив на это очень большие средства.) А затем стыдливо протягивает тем же американцам ручонку за очередной подачкой на содержание российского ракетно-ядерного комплекса.

Не менее нелепо выглядит и поведение американцев. Какие цели они ставят, выделяя значительные финансовые средства России (в случае реализации решений канадского саммита «Большой восьмерки» речь пойдет о 10 млрд. долл.)?

Чтобы террористы не похитили компоненты ядерного оружия с российских объектов? Так Россия не меньше, чем США, в этом заинтересована и имеет сегодня, слава богу, все финансовые и интеллектуальные возможности не допустить этого без всякой американской помощи, если уж ее ученые клепают такие замечательные ракеты.

Предотвратить санкционированную передачу каких-нибудь двойных технологий каким-нибудь «борцам с однополярным миром»? Так Москва всегда это сделает, если захочет, независимо от того, получает она от американцев деньги или нет.

Ситуация обостряется систематическим воровством выделяемых средств высшими российскими чиновниками. Томящийся ныне в Бутырке узник с восторгом и благоговением отдался в руки родной российской прокуратуры, тонко намекнув перед этим, что в случае чего не выдержит пыток и выдаст американцам ядерные секреты Родины. Но последние такие секреты были переданы Советскому Союзу несчастными супругами Розенберг, за что их казнили на электрическом стуле более полувека назад. Выдать Адамов может разве что только счета своих высокопоставленных поделльников.

Робкие попытки американцев проверить, на что же российские адамовы потратили денежки их налогоплательщиков, вызвали волну всенародного патриотического гнева – мол, этак завтра их морские пехотинцы захватят весь наш ядерный комплекс. Почему-то патриотически пришибленным гражданам не приходит в голову простая мысль: давайте перестанем брать с американцев эти несчастные бабки – и отстанут они от нас со своими инспекциями.

Кроме того, специально для пришибленных сообщаю, может быть, шокирующую для них информацию: по действующему Договору СНВ-1 США и Россия в обязательном порядке обмениваются сведениями о куда более «секретных» вещах, чем безопасность складов с радиоактивными отходами. Например, все телеметрические данные испытаний чудо-ракеты были в соответствии с этим Договором переданы американской стороне.

Из всего этого абсурда нас могут вывести только оба президента.

Старший научный сотрудник института Хадсона
Андрей Пионтковский

*Hudson Institute
4701 Willard Avenue
Chevy Chase, MD, 20815
USA*

andrei@hudson.org

Примечание

¹ Ранее письмо было опубликовано на интернет-ресурсе *Grani.ru*

НЕОБХОДИМО ОТМЕНИТЬ СТАТЬЮ О ВЫХОДЕ ИЗ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ¹

Комментарии к статье Дж. Банна и Р.М. Тимербаева «Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора», опубликованной в журнале «Ядерный Контроль», №3, 2005 г.

Главному редактору:

Вопреки утверждению авторов, ничто в тексте ДНЯО не предполагает, что государство-участник нуждается в «разрешении» Совета Безопасности ООН или любой другой международной структуры на выход из Договора. Совет Безопасности не обладает полномочиями принимать имеющие обязывающую юридическую силу решения о правомерности причин выхода из Договора. Возможность получать уведомления о выходе (которая существует для всех государств-членов Договора) не оправдывает существование таких полномочий. Если Совет Безопасности посчитает, что выход угрожает международному миру и безопасности, он может прибегнуть к санкциям, но это само собой подразумевается. Санкции ООН могут быть вызваны **любыми** угрозами международной безопасности, включая те, которые не связаны с выходом из Договора.

Также необходимо иметь в виду, что не все выходы из Договора будут иметь одинаковые последствия. Государство, не обладающее ядерным оружием, может решить выйти из ДНЯО не потому, что оно хочет получить ядерное оружие – для этого у него может даже не быть необходимых средств, а по другим причинам. Оно может, например, утверждать, что отказ от выполнения положений ДНЯО о ядерном разоружении или испытания нового вида ядерного оружия или появление нового государства, обладающего ядерным оружием, поставило под угрозу его безопасность.

На мой взгляд, проблема выхода не может быть решена с помощью искаженного толкования текста ДНЯО. Чтобы предотвратить произвол, необходимо действовать немедленно. Чтобы обеспечить выполнение принципа *pacta sunt servanda*, необходимо полностью отменить положение о выходе из Договора. В качестве альтернативы, если такая отмена вызовет много возражений, обоснованность выхода должна оцениваться большинством государств-членов, если не консенсусом. Прецедентом является Договор об открытом небе 1992 г.: если участник этого Договора объявляет о своем решении выйти из Договора, депозитарию обязаны провести конференцию всех участников не позднее 60 дней после получения такого извещения, чтобы рассмотреть влияние такого выхода на этот Договор.

Предлагаемое изменение могло бы быть представлено в виде поправки или дополнительного протокола, при этом последний вариант является предпочтительным. Переговоры по такому важному вопросу, несомненно, будут длительным процессом. Однако в

то же время можно предложить государствам в одностороннем порядке объявить о непризнании ими положения Договора о выходе или об его использовании исключительно в ограниченных условиях, оговоренных выше. Невозможно предотвратить государства от отказа или от ограничения своего права выйти из какого-либо договора, и в равной степени невозможно запретить им отказываться от права делать оговорки.

*Вице-президент Женевского международного
института исследований мира*
Йозеф Голдблат

*Geneva International Peace Research Institute (GIPRI)2,
Avenue de Secheron 1202
Geneva, Switzerland
goldblat@consultant.com*

Примечание

¹ Перевод – Д.О. Кобяков. © ПИР-Центр, 2006.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Группа высокого уровня свое дело сделала – «процесс пошел». № 1, Весна 2005, с. 9

Станет ли иранский атом персидским ковром для России? № 2, Лето 2005, с. 7

Время переосмыслить подходы к «войне с терроризмом». № 3, Осень 2005, с. 7

Петербургская «восьмерка»: где сила, где слава. № 4, Зима 2005, с. 9

ИНТЕРВЬЮ

Серхио Дуарте. Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? – вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО. № 1, Весна 2005, с. 13

Николай Спасский. Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России. № 1, Весна 2005, с. 23

Сергей Кисляк. Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты. № 2, Лето 2005, с. 9.

Константин Косачев. Россия не должна замыкаться на выстраивание взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы. № 3, Осень 2005, с. 11

Виктор Муругов. Россия «обречена» на развитие ядерной энергетики. № 3, Осень 2005, с. 21

Сэм Нанн: «Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере». № 4, Зима 2005, с. 13.

Мишель Аллио-Мари. Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод. № 4, Зима 2005, с. 17

АНАЛИЗ

Владимир Верховцев. Безопасность ядерного оружия – приоритет России на долгосрочную перспективу. № 1, Весна 2005, с. 29

Раджеш Басрур. К вопросу о ядерной доктрине Индии. № 1, Весна 2005, с. 41

Павел Подвиг. Противоракетная оборона после Договора по ПРО. № 1, Весна 2005, с. 51

Александр Калядин. Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? № 1, Весна 2005, с. 65

Винсен де Китспоттер. Большая игра в Центральной Азии. № 1, Весна 2005, с. 81

Александр Рукшин. Вооруженные Силы РФ в условиях новых вызовов и угроз. № 2, Лето 2005, с. 15

Игорь Андришин, Виктор Михайлов, Юрий Трутнев, Александр Чернышев. Ядерное оружие малой мощности – возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2, Лето 2005, с. 27

Андрей Фролов. Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам. № 2, Лето 2005, с. 39

Джордж Банн, Роланд Тимербаев. Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. № 3, Осень 2005, с. 31

Александр Савельев. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке. № 3, Осень 2005, с. 45

Николай Соков. Перспективы ядерной политики США после администрации Дж. Буша. № 3, Осень 2005, с. 57

Марат Бердыев, Мария Прохорова. Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. № 3, Осень 2005, с. 69

Александр Федоров. Информационная безопасность и глобализация. № 3, Осень 2005, с. 79

Сергей Понамарев. Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «проблемы воссоединения». № 4, Зима 2005, с. 21

Юрий Федоров. Корейский ядерный кризис и Россия. № 4, Зима 2005, с. 41

ПОЛЕМИКА

Алексей Обухов. Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? № 1, Весна 2005, с. 103

Ёсинори Такэда. Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии. № 1, Весна 2005, с. 117

Геннадий Евстафьев. Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности. № 2, Лето 2005, с. 55

Александр Рабодзей. Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации. № 3, Осень 2005, с. 87

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Биобезопасность и контроль над распространением биологических материалов: перспективы международного сотрудничества. № 4, Зима 2005, с. 63

КОММЕНТАРИЙ

Владимир Белоус. Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях. № 1, Весна 2005, с. 113

Михаил Барабанов. Атомное надводное судостроение в начале XXI века. № 1, Весна 2005, с. 141

Виктор Есин. А был ли «ядерный чемоданчик»? № 2, Лето 2005, с. 67

Виктор Мурогов, Николай Пономарев-Степной. Ядерные технологии. № 2, Лето 2005, с. 75

Дмитрий Ковчегин. Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства. № 2, Лето 2005, с. 105

Уильям Поттер. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО: в поисках консенсуса. № 3, Осень 2005, с. 95

Масуд Хан. Результаты Обзорной Конференции по ДНЯО и ядерная политика Пакистана. № 3, Осень 2005, с. 105

Геннадий Евстафьев. Америка теряет свои «Вулканы». James Mann. Rise of the Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. Viking, N.Y., 2004. 425 pp. № 4, Зима 2005, с. 143

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

А. А. Шилин. Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004. 288 с. № 1, Весна 2005, с. 181

Preventing Nuclear Meltdown: Managing Decentralization of Russia's Nuclear Complex. James Clay Moltz, Vladimir A. Orlov, Adam N. Stulberg. Editors. Ashgate, 2004. 258 p. № 1, Весна 2005, с. 181

Japan's Disarmament and Non-proliferation Policy. Directorate General, Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2004. 296 p. № 1, Весна 2005, с. 182

Guillemin Jaenne. Biological Weapons: From the Invention of State-Sponsored Programs to Contemporary Bioterrorism. New York: Columbia University Press, 2004. 256 p. № 2, Лето 2005, с. 153

Talbot Strobe. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb. Washington: Brookings Institution Press, 2004. 268 p. № 2, Лето 2005, с. 153

Matlock Jack F., JR. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended. New York: Random House, 2004, 384 p. № 2, Лето 2005, с. 154

Matthew Bunn and Anthony Weir. Securing the Bomb 2005: The New Global Imperatives. Washington, D.C.: Project on Managing the Atom, Harvard university and Nuclear Threat Initiative, May 2005. 121 pp. № 3, Осень 2005, с. 163

George Perkovich, Jessica T. Mathews, Joseph Cirincione, Rose Gottemoeller, Jon B. Wolfstal. Universal Compliance: A Strategy for Nuclear Security. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, March 2005. № 3, Осень 2005, с. 163

Kenneth M Pollack. The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America. Random house? 2004. 576 pp. № 3, Осень 2005, с. 164

Weapons of Mass Destruction: Australia's Role In Fighting Proliferation. Practical Responses To New Challenges. Canberra: Department of Foreign Affairs and Trade, 2005. 106+vi p. № 4, Зима 2005, с. 149

China's Endeavors For Arms Control, Disarmament And Nonproliferation. Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, September 2005. 89 p. № 4, Зима 2005, с. 150

Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. 647 с. № 4, Зима 2005, с. 150

Нормативно-правовые основы контроля делящихся и радиоактивных материалов: сборник документов. Владивосток: Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, 2005. 630 с. № 4, Зима 2005, с. 151

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 344 с. № 4, Зима 2005, с. 151

ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

Махмут Гареев. Так на кого же нацелены ракеты? № 1, Весна 2005, с. 183

Андрей Пионтковский. Подайте на пару боеголовок. № 4, Зима 2005, с. 153

Йозеф Голдблат. Необходимо отменить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. № 4, Зима 2005, с. 155

E D I T O R I A L

- 9 **The St. Petersburg G8 Summit: Where the Power Is, Where the Glory Is** – Russia's ruling elite has already deemed the G8 summit that will take place July 15–17, 2006 in St. Petersburg one of year's top events.

The Kremlin's reflections on their priorities – and about the priorities of the 2006 summit – have evolved in a fairly interesting way.

Firstly, there has been a noticeable shift from hard security problems (the classic, familiar subjects about which entire statements can be written far in advance) towards soft security issues; the appearance of education among the summit and chairmanship priorities is the best example of this.

Secondly, Russia is gradually outgrowing the euphoria initially felt about joining the G8 as a near-equal, and is starting to have a calmer, more nuanced view of this arrangement. At the same time, under examination is the possibility of forming other "elite clubs" where Moscow would feel equal to other members. Thus, the architects of Russia's new foreign policy are looking ever more seriously at the feasibility of developing a strategy for the creation of a "Eurasian component" of the international system, one not limited to the regional giants, China and India, but which would include such obvious partners as South Korea, Brazil, Malaysia or South Africa. It has already become clear to many that the Shanghai Cooperation Organization (SCO) will perhaps be modified towards this end.

Thirdly, the Kremlin realizes that the St. Petersburg summit will not be all pleasant "choral singing" – on many key issues the group's interests vary too widely. One can see this from the issue of nonproliferation alone: the ritual pronouncements of a unified position vis-a-vis Iran completely hide the variety interests with regards to this country. As for education, the European Union has adopted a policy of "absorbing" the best minds from other countries, including Russia; this directly contradicts Russian interests. Similarly, a possible, future Russian policy aimed at luring back the high-class specialists/Russian nationals who received their education in the West will hardly please Germany, the United States or Canada.

This global discord is even truer in the energy field. Russia now sometimes even taunts its G8 partners by saying that the line for Russian oil and gas no longer starts in the West but in the East and South, suggesting that they will have to take their place in line after China and perhaps after India. Noticeable tension is growing on the threshold of a serious battle for "nuclear exports" between Russia, France and the United States. When the "price question" is addressed, one can hear Russia frankly ask, "Why do we always have to consider the concept of a 'national catastrophe' in American or G8

terms? For us a national catastrophe would be a drop in oil prices below fifteen dollars per barrel." Needless to say, for the majority of President Putin's guests in St. Petersburg this coming summer, such a turn of events would lead to new national holidays.

Today, however, Russian strategists are not as bothered by the existence of some conflicts of interest between Russia and its G8 partners as they would have been several years ago. Today, they simply diagnose the conflicts, coolly, like medical doctors. Furthermore, despite the sickly start of the chairmanship, it would seem that Russia is looking forward to July without fear: not hoping to accomplish something "good," but fully counting on achieving "glory," inasmuch as she has begun to regain a sense of her former, partially-lost grandeur. The feeling of power is sometimes more important than power itself.

I N T E R V I E W

- 13 **Sam Nunn: "Energy Security Requires Security in the Nuclear Sphere."** – In an interview with the journal's editor-in-chief, Sam Nunn, one of the founders of the Cooperative Threat Reduction program, discusses Russia's priorities as president of the G8, ways to increase the effectiveness of the Global Partnership, and the role of the "Iran factor" in U.S.-Russian relations. In the opinion of the senator, the U.S. administration should recognize the change in Russia's approach to Iran and consider it as a possible model for cooperation with other countries that also want to develop their own nuclear programs, particularly where questions of spent fuel reprocessing are concerned.
- 17 **Michele Alliot-Marie: "The Search for an Adequate Response To the Threat of Terrorism May Require the Restriction of Personal Freedoms"** – France's defense minister presented her views on the new challenges and threats to international security and stability, and touched on the reasons for their emergence. In her opinion, countering terrorism may require the restriction of citizens' personal freedoms; however, citizens themselves must decide if they are prepared to take this step. The French minister of defense views monitoring the Internet, which has a lot of information connected to biological agents, as an important measure in the fight against bioterrorism.

A N A L Y S I S

- 21 **Taiwan's Nuclear Missile Capabilities in the Context of the "Reunification Problem" – Sergei Ponamarev** – One of the primary challenges to security and stability in the Asia-Pacific region is the proliferation of nuclear weapons and means of their delivery. An expert of Novosibirsk State University, in an examination of the political and technical prerequisites for Taiwan to undertake a military nuclear program, comes to the conclusion that Taipei is interested in strengthening its own defense capabilities and reducing its direct dependence on U.S. geopolitical interests in the region to maintain its sovereignty. At the same time, the island has the capability to construct nuclear weapons in a limited period of time.
- 41 **The Korean Nuclear Crisis and Russia – Yury Fedorov** – The nuclear crisis on the Korean Peninsula is one of the most dangerous manifestations of nuclear proliferation in the beginning of the 21st century, and affects Russian national interests. Professor of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Foreign Ministry, in considering Russia's endeavor to play an important role in resolving the crisis, examines its various facets and possible solutions, and also provides answers to the questions of whether Russia has any real possibility of influencing the course of the six-party talks, and how coherent Russian diplomacy has been with regards to this crisis.

ROUND TABLE

- 63 **Biosately, Biosecurity and Controlling the Spread of Biological Materials: the Prospects for International Cooperation** – Is there, from the Russian point of view, any potential for bilateral cooperation or joint, primarily commercial, projects in the area of biosecurity and Biosately? What steps need to be taken for the practical realization of international projects in this sphere? In answer to these questions, Russia's leading biosecurity and Biosately experts propose possible areas of international cooperation that might, in their opinion, be of interest to both Russia and its foreign partners.

COMMENTARY

- 75 **India and the United States' "Nuclear Rapprochement": Pro et Contra – Robert Einhorn** – In July 2005 U.S. President George Bush and Indian Prime Minister Manmohan Singh adopted a joint statement on the development of bilateral cooperation in several areas, including nuclear energy. How can the negative impact of such cooperation on the nuclear nonproliferation regime be minimized? What conditions should the United States put forward in its negotiations with India on the elaboration of a bilateral agreement on cooperation in the nuclear sphere? Should other countries that are not parties to the Nuclear Non-Proliferation Treaty receive an analogous right to cooperation in the area of nuclear energy, including Pakistan and Israel? A Senior Advisor to the Center of Strategic and International Studies (CSIS) answers these and other questions.

SURVEY

- 83 **On China's Nuclear Capacity and Nuclear Policy – Roland Timerbaev** – The article analyzes China's current nuclear posture and many aspects of its nuclear policy. The Chairman of the PIR Center Executive Board draws attention to the country's unusually active participation in the 2005 NPT Review Conference, as well as to the number of recent Chinese initiatives in the sphere of nonproliferation. He particularly focuses on China's working paper on the creation of a zone free of nuclear weapons and other weapons of mass destruction in the Middle East.
- 99 **On New Initiatives in the Area of Nuclear Materials and Technologies Control – Nadezhda Logutova** – The emergence in the beginning of the 21st century of new challenges to the nonproliferation regime has served as a catalyst for the appearance of many new initiatives to strengthen controls over fissile materials and a proposal to introduce a ban on the export of sensitive nuclear fuel cycle technologies (those related to uranium enrichment and spent nuclear fuel reprocessing). A PIR Center's Research Fellow examines the prospects for the practical realization of these proposals, in particular with regards to finding a solution to the current crisis revolving around the Iranian nuclear program.

HISTORICAL PAGES

- 119 **A Green "Needle" (Igla) with White Thread, or How the Cooperation of the World's Largest Intelligence Agencies Helped to Expose an International Terrorist – Vadim Kozyulin and Anastasia Laguta** – In September 2005 Hemant Lakhani, the organizer of the illegal "acquisition" of an *Igla* anti-aircraft missile complex in Russia and its transport to the United States, was sentenced. The media presented the operation as a great success and a shining example of a joint operation between the U.K., Russian, and U.S. intelligence agencies. However, not all experts agree with this assessment. The article's authors, who lead PIR Center's Program on Conventional Arms, provide a chronology of events and conclude that the operation truly showed that cooperation between the three nations' intelligence services are being perfected, while Lakhani himself was a run-of-the-mill smuggler.

- 131 **On the 1971 U.S.-Soviet Agreement On Measures to Reduce the Nuclear War Threat – Roland Timerbaev** – One of the key participants in the events recalls the course of U.S.-Soviet negotiations over an agreement that had great political importance to the Soviet Union, since it was the first agreement to legally set the balance of strategic power between Moscow and Washington. In the opinion of Ambassador Timerbaev, the Chairman of the PIR Center Executive Board, the 1971 signing by the Soviet Union and the United States of the Agreement On Measures to Reduce the Nuclear War Threat opened the way to further agreements on the limitation and reduction of the armaments of the two superpowers.

L I B R A R Y

- 143 **America to Lose Its “Vulcans” – Gennady Yevstafiev** – This review draws the reader’s attention to James Mann’s book on the formation of America’s ruling elite and how they developed the principles underlying their approach to determining the U.S. role in today’s world (*Rise of the Vulcans. The History of Bush’s War Cabinet*). In his analysis of the material in the book, a Senior Advisor to the PIR Center concludes that the group of politicians that is now active will inevitably withdraw in the next 2-3 years, and that this will leave a large gap in the ranks of the Republican Party that will be quite difficult to fill. This, in his opinion, presages a serious struggle over the foreign policy of this key country.
- 149 **New Books – Aleksandr Bulychev, Anastasia Laguta, Nadezhda Logutova, and Sergei Ponamarev** – Survey of the most interesting new books obtained by the PIR Center library.

O P I N I O N P I E C E

- 153 **Pony up for a Pair of Warheads – Andrei Piontkovsky** – The Director of the Moscow-based Center for Strategic Studies raises sharp questions about the advisability of accepting Western funding for the destruction of excess weapons in Russia given the country’s multibillion-ruble Stabilization Fund, as well as about the reasons why the United States is providing significant amounts of money for this purpose. In his opinion, today’s Russia has the financial and intellectual capacity to prevent the leakage of sensitive materials and technologies abroad without any external assistance.
- 155 **The Article on Withdrawal from the Nuclear Non-Proliferation Treaty Should Be Abolished – Jozef Goldblat** – In an opinion piece that takes issue with the authors of “The Right to Withdraw from the NPT: The opinion of two participants in negotiations over the agreement,” which was published in the last issue of *Yaderny Kontrol*, Vice-President of the Geneva International Peace Research Institute (GIPRI) proposes that the provision for withdrawal from the Nuclear Non-Proliferation Treaty be completely eliminated. The corresponding amendment to the agreement, in his opinion, could be adopted through an Additional Protocol to the NPT.

157 C O N T E N T S O F Y A D E R N Y K O N T R O L ’ S 2 0 0 5 I S S U E S

161 S U M M A R Y

167 A B O U T T H E A U T H O R S

173 REVIEWERS OF ARTICLES PUBLISHED IN YADERNY KONTROL'S 2005 ISSUES

175 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

179 S U B S C R I P T I O N I N F O R M A T I O N

after
p. 152 G L O B A L P A R T N E R S H I P B U L L E T I N

The latest issue of the *Bulletin* focuses on Russia's chairmanship of the G8 in 2006 as well as the upcoming international conference "G8 Global Security Agenda: Challenges and Interests. Toward the St. Petersburg Summit," which will take place in Moscow from April 20-22, 2006, in the context of the Russian chairmanship of the G8, and will be organized by the PIR Center.

Уважаемые читатели журнала *Ядерный Контроль!*

Представляем вашему вниманию младшего брата журнала – электронный бюллетень *Ядерный Контроль: Информация*. Бюллетень существует уже несколько лет и за это время успел стать признанным информационным ресурсом в российском и международном сообществе экспертов не только в области нераспространения, но и безопасности в целом. *Ядерный Контроль: Информация* является важным дополнением к *Ядерному Контролю*, позволяя оперативно отражать важные события в России и за рубежом.

Бюллетень *Ядерный Контроль: Информация* является не только «зеркалом» мира нераспространения и безопасности, но также и новостной «трибуной» ПИР-Центра. Хотя основой бюллетеня являются материалы российских СМИ, в бюллетене часто публикуется эксклюзивная информация, авторами которой являются в том числе и читатели *Ядерного Контроля*.

Несмотря на кажущуюся «узость» охвата информации, вытекающей из названия, бюллетень в реальности представляет широкий спектр тем: **Ракетное и ядерное досье**, различные аспекты, связанные с **Химическим и биологическим оружием** и **Обычными вооружениями**, на его электронных страницах свое **Мнение** по поводу основных международных событий высказывают ведущие российские политики и эксперты.

В качестве примера богатого информационного «меню» бюллетеня упомянем только традиционные для него сюжеты: различные аспекты программы Глобального партнерства, проблемы терроризма с использованием оружия массового уничтожения, новости из области экспортного контроля, мирной ядерной энергетики, военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами. Кроме них в рубриках бюллетеня можно найти материалы, посвященные Вооруженным силам России и дискуссиям об их реформировании и путях развития, столкновение точек зрения по актуальным вопросам безопасности России (расширение НАТО на постсоветское пространство, реформы ООН, ОБСЕ и других международных организаций).

Уникальным разделом бюллетеня является **Календарь** – фактически ежедневная хронология основных событий в России и за рубежом в области нераспространения и безопасности, которая является результатом ежедневного мониторинга ведущих российских и зарубежных СМИ сотрудниками ПИР-Центра.

*Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.
Вы можете бесплатно подписаться на издание на сайте ПИР-Центра
по адресу <http://www.pircenter.org/russian/subscription/e-subst.htm>*

Айнхорн Роберт Дж. (**Einhorn, Robert J.**) – старший советник Программы международной безопасности Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США). В 1969 г. получил степень бакалавра в Корнельском университете, а в 1971 г. – степень магистра в Школе Вудро Вильсона общественных и международных отношений при Принстонском университете. До присоединения к Центру стратегических и международных исследований 29 лет находился на государственной службе. С ноября 1999 г. по август 2001 г. – помощник госсекретаря США по вопросам нераспространения. В 1992–1999 гг. – заместитель помощника начальника военно-политического управления Государственного департамента США, а с 1986 по 1992 г. – старший советник в группе политического планирования. С 1972 по 1984 г. – сотрудник Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению (АКВР), где среди прочих курировал вопросы стратегических вооружений, ограничения ядерных испытаний, контроля над химическим и бактериологическим оружием. С 1982 по 1986 г. представлял АКВР на переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). Член Совета по внешним сношениям и Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). Сфера научных интересов: проблемы нераспространения, контроля над вооружениями и другие аспекты национальной безопасности. Адрес электронной почты: reinhorn@csis.org

Аллио-Мари Мишель (**Alliot-Marie, Michele**) – министр обороны Франции (с 2002 г.). Доктор юридических наук, лектор Университета Париж-1 (Пантеон-Сорбонна). Имеет также диплом по этнологии. В 1986–1988 гг. – помощник министра образования; в 1989–1992 гг. – депутат Европейского Парламента; в 1993–1995 гг. – министр по делам молодежи и спорта; в 1999–2002 гг. – президент партии «Объединение в поддержку Республики».

Баранов Александр Сергеевич – президент Общенациональной Ассоциации генетической безопасности, старший научный сотрудник Института биологии развития им. Н.К. Кольцова, член Экспертного Совета Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности. Кандидат биологических наук.

Боровик Роман Владимирович – директор ФГУН «Научно-исследовательский Центр токсикологии и гигиенической регламентации биопрепаратов» Федерального медико-биологического агентства (ФГУН НИЦ ТБП ФМБА России). Родился в г. Пыталово Псковской обл. в 1942 г. В 1963 г. окончил ветеринарный факультет Латвийской сельскохозяйственной академии (г. Елгава). В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию в Казанском ветеринарном институте. В 1976 г. возглавил лабораторию иммунологии во Всесоюзном научно-исследовательском институте прикладной микробиологии (ВНИИ ПМ), г. Оболенск (Московская обл.). В 1980 г. стал доктором ветеринарных наук, с того же года и по 1993 г. – заместитель директора ВНИИ ПМ по научной работе. С 1993 г. и по настоящий момент – директор ФГУН НИЦ ТБП ФМБА России. Член ряда международных об-

ществ: Американского общества микробиологов, Американской ассоциации аэрозольных исследований, член Нью-йоркской академии наук. Член редколлегии журнала «Медицина экстремальных ситуаций». Награжден премией Совета Министров СССР и Государственной премией Татарской Республики.

Булычев Александр Валерьевич – младший научный сотрудник, координатор проекта «Глобальное партнерство» ПИР-Центра, студент магистратуры МГИМО МИД РФ по направлению «Российская политика». Родился в 1983 г. в Москве. В 2004 г. с отличием окончил бакалавриат факультета политологии МГИМО. В 2002–2003 гг. – стажер МИД РФ; в 2004 г. – стажер Администрации Президента РФ; в 2005 г. – стажер канцелярии Генерального директора отделения ООН в Женеве; в 2004–2005 гг. – помощник на общественных началах Председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Сфера научных интересов – международные организации и институты: функционирование организаций и институтов системы ООН, деятельность «Группы восьми»; механизм координации внешней политики России, реализация программ совместного уменьшения угрозы в России, включая программу Глобального партнерства. Соредатор-составитель английского издания справочника «*Global Partnership Against the Spread of Weapons of Mass Destruction*». Адрес электронной почты: bulychev@pir-center.org

Бундин Владимир Сергеевич – старший советник Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ. Ранее – начальник Отдела конвенционных проблем биологического оружия Российского агентства по боеприпасам. Кандидат биологических наук. С 1994 по 2001 г. – ученый секретарь общественной организации Московская биотехнологическая академия, главный секретарь Общероссийской общественной организации Академия биотехнологии, главный специалист Отдела конвенционных проблем биологического оружия Российского агентства по боеприпасам. В 1997–2002 гг. – эксперт российской делегации на переговорах в Спецгруппе государств-участников Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО). В 1999–2002 гг. – участник рабочих совещаний Пагуошской группы по изучению проблемы осуществления конвенций о запрещении химического и биологического оружия. В 2003 г. – эксперт на встречах представителей государств-участников КБТО в Женеве. Сфера научных интересов: проблемы нераспространения биологического оружия, осуществление КБТО, оценка угроз биологического терроризма, обеспечение национальной биологической безопасности, биотехнология и здравоохранение.

Голдблат Йозеф (**Goldblat**, Jozef) – вице-президент Женевского международного института по исследованию проблем мира (GIPRI). С 1950-х гг. занимается вопросами контроля над вооружениями. В 1967 г. являлся главой делегации Польши во время переговоров по выработке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в Женеве. С 1969 по 1989 г. – руководитель программы исследований по проблемам контроля над вооружениями и разоружения в Стокгольмском международном институте исследования проблем мира (SIPRI). В 1980 г. – участник рабочей группы по подготовке доклада Генерального секретаря ООН по всеобъемлющему запрещению испытаний ядерного оружия. Автор многочисленных публикаций, включая *Nuclear Disarmament: Obstacles to Banishing the Bomb*, I.B. Tauris, 2000; *Arms Control: The New Guide to Negotiations and Agreements* (Fully Revised and Updated Second Edition), SAGE, 2002. Адрес электронной почты: goldblat@consultant.com

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником Управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Имеет ряд публикаций, посвя-

щенных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, весна), «Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах» (*Ядерный Контроль*, 2004, осень), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2005, лето). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pir-center.org

Кадиш Марк (Cadisch, Marc) – директор Лаборатории Шпиц (Швейцария). Родился в 1962 г. в Туне (Швейцария). После изучения фармацевтики в Берне продолжил обучение и написал кандидатскую диссертацию по органической химии в Техническом университете Цюриха. Работал в различных областях в частном бизнесе. В январе 2003 г. (без отрыва от профессиональной деятельности) закончил магистратуру по управлению бизнесом в Университете Санкт-Галлена (Швейцария). Капитан медицинской службы швейцарской армии. Адрес электронной почты: marc.cadisch@babs.admin.ch

Козюлин Вадим Борисович – директор Программы по обычным вооружениям ПИР-Центра. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г., кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП «Казспецэкспорт» в России. Сотрудничает с компаниями-спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защищал кандидатскую диссертацию по теме «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную стабильность в Центрально-Азиатском регионе». Сфера научных интересов: военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Автор и соавтор ряда публикаций, среди которых: «Экспортный потенциал наземно-космической обороны – скрытое оружие России» (*Ядерный Контроль*. №1, 2000); «Россия–Сирия: военно-технический торг» (*Ядерный Контроль*. №3, 2000); «Сирийское ракетное устрашение – последний парад наступает?» (*Ядерный Контроль*. №1, 2001); «Глобальное партнерство на Дальнем Востоке: программа завершена не начавшись?» (*Вопросы Безопасности*. № 4, июнь 2005). Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Лепешкин Геннадий Николаевич – генеральный директор Научно-производственного центра экологического мониторинга «Рацем». Ранее – генеральный директор Национального центра по биотехнологии Республики Казахстан. Организатор и руководитель ряда международных проектов, осуществленных и проводимых в России и в Республике Казахстан. Доктор биологических наук, доктор медицинских наук, академик Российской академии медико-технических наук (РАМТН), специалист в области микробиологии, биотехнологии, эпидемиологии ООИ, экологического мониторинга.

Лагута Анастасия Михайловна – координатор Программы по обычным вооружениям, младший научный сотрудник ПИР-Центра. Родилась в 1982 г. С отличием окончила Факультет социологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тема дипломной работы – «Проблемы социокультурной адаптации вынужденных мигрантов на примере России». В 2004–2005 гг. – автор публикаций в газете *Московская Правда*. Аспирантка факультета социологии МГУ им. М. В. Ломоносова по направлению «Этносоциология». Тема кандидатской диссертации – «Социокультурная адаптация в иноэтнической среде на примере российского общества». Автор ряда публикаций, включая: «Россия: новые миграционные тренды и реакция общества»; «Историческая память как фактор этнокультурной идентичности». Сфера научных интересов: этнополитические конфликты, проблемы международной безопасности. Адрес электронной почты: laguta@pircenter.org

Логотова Надежда Борисовна – директор информационных проектов, научный сотрудник ПИР-Центра. Выпускница Томского государственного университета (отделение международных отношений). В 2001–2003 гг. проходила обучение в Монтерейском институте международных исследований (США), где получила степень магистра международных политических исследований. В 2003–2004 гг. – сотрудник Отдела анализа информации Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). В июне–сентябре

2005 г. – стажер ПИР-Центра. Имеет опыт преподавания в ведущих российских вузах, включая Московский инженерно-физический институт, Томский политехнический университет, Северская государственная технологическая академия. Сфера научных интересов: режимы нераспространения ОМУ, международная безопасность. Адрес электронной почты: logutova@pircenter.org

Нанн Сэм (Nunn, Sam) – сопредседатель и главный исполнительный директор Инициативы по сокращению ядерной угрозы, ведущий профессор Школы международных отношений Сэма Нанна при университете шт. Джорджия, председатель правления Центра по стратегическим и международным исследованиям (Вашингтон, США), старший партнер юридической фирмы *King & Spalding* в г. Атланта (США). Избирался в Сенат США от шт. Джорджия в течение 24 лет (1972–1996 гг.). Занимал должности председателя Комитета Сената по делам вооруженных сил и постоянного подкомитета по расследованиям, участвовал в работе комитетов по разведке и по развитию малого бизнеса. Соавтор закона о реорганизации Министерства обороны, разработанного вместе с сенатором Бэрри Голдуотером, а также Программы по совместному уменьшению ядерной угрозы, известной под названием Программа Нанна–Лугара.

Нетесов Сергей Викторович – заместитель генерального директора по научной работе Государственного научного центра вирусологии и биотехнологии «Вектор», директор НИИ молекулярной биологии ГНЦ ВБ «Вектор». Доктор биологических наук (1992 г.), член-корреспондент РАН (1997 г.), лауреат премии Правительства России (1998 г.). Член программных комитетов X–XIII Международных конгрессов по вирусологии. Член Российского общества инфекционистов, микробиологов и иммунологов; член Российского микробиологического общества; председатель рабочей группы Международного комитета по таксономии вирусов; член Американского общества вирусологии, Американского общества по биобезопасности и Европейского общества биобезопасности. Является членом редакций международных бюллетеня *ASA* и журнала «Возникающие инфекционные болезни». Основные направления научной деятельности: изучение молекулярных основ патогенеза и эволюции вирусов, изучение молекулярного разнообразия вирусов, разработка вакцин и лечебных препаратов на основе вирусов. Специалист в области изучения структуры и функций геномов вирусов человека и животных, вирусных белков и разработки противовирусных вакцин. С 1992 г. – лектор Новосибирского государственного университета.

Орлов Владимир Андреевич – директор ПИР-Центра политических исследований в России, содиректор Программы по европейской безопасности Женевского центра политики безопасности. Руководитель программы «*Нераспространение и Россия*», а также научно-исследовательского проекта «*Глобальное Партнерство*». Главный редактор журнала *Ядерный Контроль*. В 2001–2002 гг. – консультант ООН по вопросам образования в области нераспространения. Является профессором МИФИ, а также занимается активной преподавательской деятельностью в российских и зарубежных вузах: Санкт-Петербургском государственном университете, Томском политехническом университете, Нижегородском государственном университете, Монтерейском институте международных исследований, Тегеранском университете, Академии ОБСЕ в Бишкеке. С января 2004 г. – профессор Женевского центра политики в области безопасности, член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Профессиональные интересы: изучение перспектив международного режима нераспространения ядерного оружия; оценка международных программ содействия России по уменьшению угроз распространения ОМУ; новые вызовы международной безопасности, в частности терроризм с использованием ОМУ. Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и за рубежом, в том числе «*Dismantling the Cold War*» (1997), «*Dangerous Weapons, Desperate States*» (1999), сборника статей «Экспортный контроль в России: политика и практика» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001), учебника «Ядерное нераспространение» в двух томах (2002), справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» на русском (2005) и английском (2006) языках. Является автором публикаций в газетах *Ведомости*, *Независимое Военное Обозрение*, *Время Новостей*, *Московские Новости*, в журналах *Итоги*, *Ядерный Контроль*, *Washington Quarterly*,

Bulletin of the Atomic Scientists, Nonproliferation Review, Pro et Contra и в других российских и зарубежных изданиях. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Пионтковский Андрей Андреевич – директор Центра стратегических исследований, старший советник, старший научный сотрудник Института Хадсона, Вашингтон, США. В 1962 г. закончил МГУ им М.В. Ломоносова. С 1967 по 1990 г. – сотрудник Института системных исследований АН СССР. С 1991 г. – директор Центра стратегических исследований. В 1994 г. окончил Лондонский колледж экономики. Постоянный ведущий рубрик в *Новой Газете* и *Русском Журнале*. С января 2003 г. – член Научного совета СБ РФ. Сфера научных интересов: международные отношения, национальная безопасность, российская внутренняя политика. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: andrei@hudson.org

Понамарев Сергей Владимирович – с сентября по декабрь 2005 г. стажер ПИР-Центра. Студент 5 курса гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета по специальности историк-востоковед, отделение китайского языка (специализация – политология, международные отношения). Тема дипломной работы: «Военно-политический аспект современных китайско-американских отношений как фактор развития системы безопасности в АТР». Сфера научных интересов: военные аспекты китайско-американских отношений, военно-техническое сотрудничество, система безопасности АТР, конфликтные зоны АТР. Автор научных работ: «Переориентация военно-стратегической доктрины КНР», «Основные факторы усиления геополитического влияния КНР в АТР» и др. Адрес электронной почты: svp@gorodok.net

Тимербаев Роланд Михайлович – председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебника «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: ПИР-Центр, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: ПИР-Центр, 2001; работ «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 17); «Международный контроль над атомной энергией» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 22); «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25). Адрес электронной почты: timerbaev@pircenter.org

Федоров Юрий Евгеньевич – профессор МГИМО МИД РФ. Окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Член Совета ПИР-Центра. Соредатор и автор ряда глав в трех книгах, подготовленных в рамках проекта Национального оборонного колледжа Швеции, посвященных отношениям России – НАТО, влиянию недавних выборов на внешнюю политику России и отношениям России и Европы. Ряд научных работ посвящен энергетическим

аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2000, № 16), «Сотрудничество во имя глобальной безопасности» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2002, № 19), «Требуется ли реформа внешней политики России?» (*Ядерный Контроль*. 2004, лето).

Фино Марк (**Finaud**, Marc) – член профессорско-преподавательского состава Женевского центра политики безопасности (Швейцария). Родился в Марселе (Франция) в 1953 г. В 1997 г. окончил Парижский Институт политических исследований. В 1977 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел Франции, работал в отделе военного сотрудничества. В 1977–1978 гг. – вице-консул в Генеральном консульстве Франции в Ленинграде (СССР). По возвращении в Париж с 1979 по 1982 г. работал в Европейском директорате (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе – СБСЕ). В 1980–1982 гг. – член французской делегации на встрече СБСЕ в Мадриде. В 1982–1983 гг. – начальник отдела кадров генерального секретаря МИД Франции. Затем – первый секретарь Посольства Франции в Польше, ответственный за контакты с «Солидарностью» и Польской католической церковью. В 1997–1998 гг. – генеральный секретарь французской делегации на встрече СБСЕ в Вене. В 1989–1993 гг. – второй советник миссии Франции при Конференции по разоружению в Женеве. Был членом французской делегации при Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, США). С 1993 по 1996 г. – директор информационного отдела МИД Франции. В 1995–1996 гг. – преподаватель Университета Марнэ-ла-Вале (Франция). С 1996 г. – заместитель руководителя миссии в Посольстве Франции в Тель-Авиве, член переговорной группы специального представителя Евросоюза на Ближнем Востоке. В январе 2001 г. – генеральный консул Франции в Сиднее. С 1 сентября 2004 г. – член профессорско-преподавательского состава Женевского центра политики безопасности. Адрес электронной почты: m.finaud@gcsp.ch

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт, выпускающий редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль: Информация*. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. – выпускник российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. С сентября 2002 по январь 2003 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. В рамках стажировки подготовил работу «О содействии Франции в уничтожении избыточных ядерных вооружений России». В 2003–2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра *Ядерный Контроль: Информация* и *Вопросы Безопасности*. В 2004 г. – координатор проекта «Трансформация системы экспортного контроля в России в 1999–2003 гг.». Автор и соавтор статей «Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом» (*Ядерный Контроль*. 2003, лето), «Трансформация системы экспортного контроля в России» (*Ядерный Контроль*. 2004, зима), «Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам» (*Ядерный Контроль*. 2005, лето). Сфера научных интересов: российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий. Адрес электронной почты: andrew_han@mail.ru

Выражаю признательность рецензентам и консультантам журнала, которые своими ценными замечаниями и комментариями оказали значительную помощь в формировании редакционного пакета журнала Ядерный Контроль.

В частности:

- Бундину** В.С., советнику Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ
- Дворкину** В.З., консультанту ПИР-Центра
- Евстафьеву** Г.М., старшему советнику ПИР-Центра
- Загорскому** А.В., профессору МГИМО МИД РФ
- Калининой** Н.И., заместителю начальника инспекции Счетной Палаты РФ
- Козюлину** В.Б., Директору проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра
- Лате** В.Ф., консультанту ПИР-Центра
- Мурсанкову** С.Г., консультанту ПИР-Центра
- Тимербаеву** Р.М., председателю Совета ПИР-Центра
- Федорову** Ю.Е., профессору МГИМО МИД РФ
- Фролову** А.Л., эксперту ОАО «Техснабэкспорт»
- Федорову** А.В., эксперту СВР России

*Главный редактор журнала Ядерный Контроль
Владимир Орлов*

Вышла в свет монография ПИР-Центра

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. На протяжении всего периода своего существования Договор о нераспространении ядерного оружия и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядерных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности.

Последнее десятилетие в этом отношении было особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, Иране, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей Конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия Договора. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

В монографии рассматривается эволюция режима нераспространения с момента появления идеи о его создании до настоящего времени.

Автор монографии – ведущий российский эксперт в области нераспространения ядерного оружия и один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.М. **Тимербаев**. В настоящее время Р.М. Тимербаев является председателем Совета ПИР-Центра.

По вопросам приобретения монографии следует обращаться в компанию

Триалог по тел.: +7-495-764-9896

e-mail: info@trialogue.ru; <http://www.trialogue.ru>

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 30 декабря 2005 г.)

Антипов Сергей Викторович, к.ф.-м.н., заместитель руководителя, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, Кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, советник, Управление международного и внешнеэкономического сотрудничества, Федеральное агентство по атомной энергии, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Волландер Селест, д.п.н., директор, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, ведущий научный сотрудник, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., вице-президент, *Крос*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., Посольство Республики Казахстан в Исламской Республике Иран, Тегеран, Иран

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Зведре Евгений Константинович, советник по науке и технике, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная Палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., заведующая центром, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, д.э.н., Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, заместитель директора, Центр анализа стратегий и технологий, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., заместитель главного редактора, *Национальный Банковский Журнал*, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., руководитель центра, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Подвиг Павел Леонардович, к.п.н., научный сотрудник, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружением, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт изучения Ближнего Востока, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., глава российского представительства, Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, директор, Программа *Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения*, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Смит Харольд, д-р, проф., Голдменский институт общественной политики, Калифорнийский университет, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, д.п.н., проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы *ВВС*, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор, Департамент правового обеспечения, Министерство информационных технологий и связи РФ, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке)

выходит четыре раза в год

Стоимость подписки на 2006 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2006 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*.

Индекс издания – **79280**

- **ООО «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США. Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** следует направлять по адресу:

P.O. Box 137, 121019, Moscow, Russia, Trialogue Company

В этом случае стоимость подписки на журнал «Ядерный Контроль» на 2006 г. составит:

Журнал *Ядерный Контроль* (на русском языке) **100 долл. США**

Реализацией журнала за рубежом занимается агентство:

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-495-777-6558

факс: +7-495-318-0881

<http://www.eastview.com>

***По всем вопросам оформления подписки
следует обращаться к партнеру ПИР-Центра по изданию и распространению
компании «Триалог»***

по тел.: +7-495-764-9896

факс: +7-495-234-9558

e-mail: info@trialogue.ru

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

<http://www.trialogue.ru>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

«Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: 2006 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

«Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Ф. И. О. получателя (полностью)

Организация, должность

Период подписки: 2006 год

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

Количество экземпляров

Форма №ПД-4

Извещение

ООО «Триалог»
(наименование получателя)
ИНН 7729422765
ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
(номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
(наименование банка и банковские
реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»
(наименование получателя)
ИНН 7729422765
ИНН получателя платежа
№ р/сч 40702810738250120106
(номер счета получателя платежа)
Люблинское ОСБ №7977, г. Москва
(наименование банка и банковские
реквизиты)
к/сч 30101810400000000225
БИК 044525225
Подписка на журнал

(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф. И. О., адрес)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

«Ядерный Контроль», журнал на русском языке

Наименование организации

Период подписки: 2006 год

Юридический адрес

Почтовый адрес (с индексом)

Телефон/факс (код)

E-mail

P/c

ИНН

Количество экземпляров _____